

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

На правах рукописи
+ Капишкин

Чернышев Константин Валериевич

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА
В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ**

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата экономических наук

Специальность 5.2.3 –

Региональная и отраслевая экономика (региональная экономика)

Научный руководитель:

Заслуженный деятель науки РФ,

доктор географических наук, профессор

Анимица Евгений Георгиевич

Екатеринбург – 2023

Оглавление

Введение	4
1 Теоретико-методологические основания исследования влияния духовно- нравственного миропорядка на долговременное развитие России и ее регионов	15
1.1 Духовно-нравственные императивы экономического развития российского государства	15
1.2 Приоритетные компоненты (институты) в структуре духовно- нравственной парадигмы.....	32
1.3 Регион в координатах концепции «регион-социум»	53
2 Методы исследования экономической деятельности в регионе в контексте духовно-нравственных институтов	64
2.1 Современные методик измерения социально-экономического состояния региона с учетом духовно-нравственных установлений.....	64
2.2. Ковариационный анализ экономики Республики Крым на основе духовно-нравственных индикаторов.....	77
2.3 Исследование рекреационно-курортного комплекса региона с позиций ключевых элементов духовно-нравственной парадигмы.....	101
3 Стратегические приоритеты социоэкономического развития Крыма в сопряжении с духовно-нравственным императивом	132
3.1 Основной вектор перманентного развития Крыма в обозримой перспективе.....	132
3.2 Узловые сценарии развития рекреационно-курортного комплекса Крыма в обозримой перспективе	147
3.3 Разрешение проблем регулирования экономической деятельности в регионе с позиций духовно-нравственных критериев.....	158
Заключение.....	178
Список литературы.....	190

Публикации по теме диссертации	225
Приложение А Перечень индикаторов социально-экономического развития в рамках духовно-нравственной парадигмы.....	227
Приложение Б Перечень показателей для проведения анализа.....	229
Приложение В Числовые значения показателей для проведения анализа.....	232
Приложение Г Статистический анализ показателей.....	237
Приложение Д Нормированные значения показателей и обобщенный индекс качества жизни.....	243
Приложение Е Результаты кластеризации.....	248
Приложение Ж Динамика основных показателей развития туристско-рекреационного комплекса субъектов Российской Федерации с 2011 по 2021 г.	251
Приложение И Паломнические маршруты по крымским святым местам	275
Приложение К Число местных религиозных организаций по городам и районам Республики Крым и г. Севастополю по состоянию на 1 января 2023 г.	276

Введение

Региональная экономика как особый вид знаний о пространственных измерениях социально-экономических процессов и явлений входит в мейнстрим экономических исследований. Российское экономическое пространство в настоящее время приросло новыми территориями и субъектами Российской Федерации, в числе которых Республика Крым.

Современное хозяйство Республики Крым – наиболее сложный и специфический сегмент в структуре российской экономики. Отличительные особенности хозяйственной деятельности в Крыму обусловлены возвращением его в 2014 г. в состав Российской Федерации¹, характеризующимся сменой политико-государственной субъектности региона, нахождением в непрерывной трансформационной динамике, разноскоростным для отдельных хозяйственных комплексов инкорпорированием в российское правовое и экономическое пространство, а также резкой противоречивой реакцией на это событие международного сообщества государств.

В документах стратегического планирования Республика Крым и город федерального значения Севастополь отнесены к приоритетным геостратегическим территориям Российской Федерации², что означает признание уникальной цивилизационной, геополитической, геоэкономической и социальной значимости Крыма в многомерном пространстве нашей страны.

В результате соприкосновения, действия и взаимодействия разномасштабных и разнокачественных процессов в пространстве Крымского макрорегиона формируются различные типы комплексов (центров, зон), в пределах которых протекают все первичные экономические явления, зарождаются и развиваются меха-

---

¹ О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ.

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

низмы взаимосвязей и функционирования хозяйствующих субъектов, что положительно влияют на структуру и динамику экономического пространства региона.

Становится очевидным, что успехи в экономической деятельности во все большей степени определяются духовно-нравственными императивами жизни общества, увеличением роли человеческого фактора и усилением значимости духовного мира личности. Поэтому необходимо осмысление региональной наукой концепта «духовно-нравственная парадигма», в том числе в качестве национального и регионального приоритета.

В настоящее время одним из ключевых приоритетов социально-экономического развития Республики Крым выступает *рекреационно-курортный комплекс*, обеспечивающий обновление всей региональной экономической системы и повышение ее конкурентоспособности на общероссийском рынке товаров и услуг.

Однако теория, методология и практика исследования новых территорий, новых субъектов, входящих в состав Российской Федерации, находятся в стадии осмысления. В разных научных исследованиях даются существенно различающиеся толкования происходящих процессов. Многие теоретические и практические аспекты данной проблематики, а также вопросы функционирования и развития нового региона, включая развитие рекреационно-курортного комплекса, находящегося в сложных условиях неопределенности и возрастания внешних угроз, остаются недостаточно изученными и остро дискуссионными в отечественной научной литературе.

В связи с этим важным становится анализ, обобщение и интерпретация разноаспектных исследований экономического пространства Республики Крым с позиций определения ее места в отечественном межрегиональном разделении труда, понимания глубинных изменений, происходящих в динамике и структуре ее экономики, обоснования и уяснения общих и специфических тенденций развертывания преобразующих процессов в экономике региона, в том числе рекреационно-курортном комплексе региона общероссийского значения, перехода его функционирования на духовно-нравственные традиции.

Сложность анализа указанных процессов связана в первую очередь с тем, что многие показатели и индикаторы, характерные для гуманистической экономики (или духовной, нравственной экономики), составляющие информационно-эмпирическую базу исследования, не всегда выражаются в явном виде и не улавливаются традиционными способами измерения. Поэтому необходим поиск новых методических приемов и инструментов для выявления значимости и особенностей развития духовно-нравственных ценностей в экономическом пространстве региона.

Эти обстоятельства обусловили выбор темы диссертационного исследования, определили его объект и предмет, формулировку цели и задач, а теоретическая, методическая и практическая значимость работы представляется достаточно актуальной и обоснованной.

Хронологические рамки исследования охватывают период после присоединения Крыма к России, т. е. с 2014 г., по настоящее время, который можно определить как самостоятельный, достаточно автономный период регионального развития, как эпоху общественных перемен, перелом, который в ходе коренного преобразования привел к формированию в регионе новых социальных слоев и институтов, становлению нового общества.

Территориальные границы исследования включают в пределах Крымского полуострова только соответствующие границы Республики Крым, самого обширного субъекта Российской Федерации на полуострове.

Республика Крым и город федерального значения Севастополь располагают совершенно разными хозяйственными функциями: если Севастополь имеет статус главной военно-морской базы Черноморского флота ВМФ ВС РФ, нацеленной на освоение территории с позиций обеспечения безопасности страны, то хозяйственный комплекс в пределах Республики Крым формируется в рамках индустриально-аграрно-курортно-рекреационного типа хозяйствования.

Оба политико-территориальных субъекта обладают определенной устойчивостью своего пространства, управляются в собственных правовых контурах и реализуют свои компетенции и приоритеты развития в устоявшихся границах единой территории Крымского полуострова. Однако в настоящей работе исследуется ре-

гиональная идентичность только одного субъекта административно-территориального устройства Крыма – Республики Крым, представляющая собой производственный (хозяйственный) и инфраструктурный каркас полуострова, его социально-экономическое ядро, которое играет ощутимую роль в социально-экономическом развитии России, что наиболее показательно для исследования.

Степень научной разработанности исследуемой проблемы. Многоаспектность исследуемой проблемы обусловила необходимость изучения и использования разнообразных отечественных и зарубежных источников в рамках нескольких теоретических воззрений, в частности, теорий региональной экономики, социологии, философии, экономической теории, гуманистической экономики, институциональной теории, что позволило сформулировать собственную научную парадигму исследования развития нового региона и его ядра – рекреационно-курортного комплекса, в центре которого находится человек с его нуждами и потребностями в координатах концепции «регион-социум».

Вопросы регионального развития, региональной экономики в отечественной науке нашли широкое отражение в трудах Л. И. Абалкина, Е. М. Бухвальда, Г. Ю. Гагариной, А. Г. Гранберга, С. Ю. Глазьева, Н. В. Зубаревич, О. В. Кузнецовой, В. Н. Лексина, П. А. Минакира, А. И. Татаркина, а также Е. Г. Анимицы, Н. Ю. Власовой, Е. Б. Дворядкиной, Н. М. Сурниной, В. С. Антонюк, Н. А. Симченко и др.

Духовно-нравственный императив главенствует в понимании экономической деятельности в контексте теорий и концепций гуманистической экономики. Хотя гуманистическая экономика не обладает четкой аксиоматикой науки, во главе экономической деятельности рассматривает личность человека, а сама деятельность направлена на удовлетворение потребностей и запросов человека. Данная идеология была освещена в работах В. С. Автономова, А. А. Аузана, О. Т. Богомолова, С. Д. Бодрунова, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, А. П. Ветошкина, И. А. Ильина, В. И. Катасонова, Л. Д. Кудрявцева, Б. Н. Кузыка, Д. С. Лихачева, Д. С. Львова, Р. М. Нуреева, А. Д. Некипелова, Н. П. Федоренко, В. А. Морозова, П. А. Сорокина, М. А. Шабановой, С. Ф. Шарапова и др.

Понимание значимости духовно-нравственных ценностей в экономических процессах в пространственно-временном измерении представлено в целом ряде трудов зарубежных авторов, начиная с Аристотеля, Платона, А. Смита, Г. Спенсера, М. Вебера и заканчивая такими учеными, как Г. Беккер, В. Вайпан, Я. Корнаи, П. Кругман, Х. Ламберт, Д. Норт, Дж. Ролз, Д. Тросби, Ф. Фукуяма, А. Этциони, Л. Эрхард.

Научные представления о роли рекреационно-курортной деятельности в региональной экономике представлены в исследованиях таких ученых, как Д. И. Асланов, А. И. Зырянов, Н. С. Мироненко, М. С. Оборин, С. В. Гриненко, Е. К. Воробей, Н. К. Сердюкова, И. Твердохлебов, Е. А. Полищук и др.

Фундаментальные положения этих отечественных и зарубежных ученых составили теоретико-методологический и методический базис настоящей работы.

Республика Крым, ее социально-экономическое развитие представляло профессиональный интерес для целой плеяды крупных крымских ученых, среди которых Н. В. Багров, Л. М. Борщ, И. Н. Воронин, С. П. Кирильчук, Д. В. Нехайчук, Ю. Н. Новиков, Ю. П. Майданевич, С. Ю. Цёхла, И. М. Яковенко.

Исследованием процессов развития рекреационно-курортного комплекса, разработкой теории, методологии и практики его познания в рамках Крыма занимались такие ученые, как Н. В. Апатова, Д. Д. Буркальцева, И. А. Кеня, М. Ю. Лайко, М. Г. Никитина, Н. А. Симченко, Г. Д. Брюханова, Н. А. Савельева, Е. С. Цепилова, В. Н. Шарафутдинов.

Вместе с тем приходится констатировать, что, несмотря на заметный вклад вышеназванных и других ученых в решение актуальных задач в рамках определяемой тематики, многие концептуальные и методические проблемы развития региона в новых условиях долговременной нестабильности и возрастания внешних угроз требуют дальнейших углубленных исследований.

Эти обстоятельства определили тематику диссертации, ее объект, предмет, формулировку целевой установки и задач.

Объектом исследования выступает новый экономический регион – субъект в составе Российской Федерации, в экономическом пространстве которого функ-

ционирует целостный сложноструктурированный рекреационно-курортный комплекс, оказывающий определяющее влияние на динамику развития региона и способный удовлетворить все возрастающие общественные потребности в поддержании, восстановлении и укреплении здоровья населения.

Отмеченные территориальные и хронологические ограничения в объекте изучения позволили автору корректно определить **предмет исследования**, которым является совокупность экономических, социальных и духовно-нравственных отношений, взаимодействий и тенденций, возникающих во время современного функционирования экономики нового региона и развертывания процессов рекреационно-курортной деятельности во времени и пространстве.

Область исследования. Содержание диссертационной работы соответствует следующим пунктам Паспорта научной специальности 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (региональная экономика): п. 1.3 «Региональное экономическое развитие и его факторы. Проблемы сбалансированности регионального развития. Сбалансированность региональных социально-экономических комплексов»; п. 1.5 «Оценка роли регионов в национальной экономике, их вклада в экономическое развитие страны»; п. 1.16 «Оценка и прогнозирование перспектив развития региональных экономических систем».

Цель диссертационной работы – развитие адекватных современному этапу концептуальных основ исследования особенностей функционирования региона – нового субъекта в составе Российской Федерации, выявление специфики становления рекреационно-курортного комплекса с учетом духовно-нравственной парадигмы.

Для достижения поставленной цели диссертационной работы, более детального изучения объекта и предмета исследования предполагается решить следующие **ключевые задачи**:

1) расширить теоретические представления о региональном развитии в координатах концепции «регион-социум» и взаимовлиянии региона и рекреационно-курортной деятельности как специфической формы отношения человека к окружающему миру в контексте духовно-нравственных императивов;

2) разработать методические подходы к анализу и оценке социально-экономического состояния региона и конкретного рекреационно-курортного комплекса, исторически сложившегося в пространстве Республики Крым, с позиций духовно-нравственных установлений;

3) обобщить концептуальные послылки и обосновать приоритеты и основной вектор стратегического развития и регулирования региона, функционирующего в нем курортно-рекреационного комплекса в сопряжении с духовно-нравственным императивом.

Теоретической и методологической основой диссертационного исследования с учетом междисциплинарного, сложноорганизованного и многоаспектного характера проблемы послужила совокупность научных концепций, фундаментальных положений гуманистической, эволюционной и институциональной экономических теорий, теоретических воззрений представителей региональной экономики, расставляющих различные акценты на движущие силы развития экономики региона во времени и пространстве, а также концепции отечественных ученых в сфере формирования исторически сложившихся территориальных комплексов разного типа.

Методология исследования базируется на использовании основных научных принципов познания социально-экономических процессов (объективность, системность и комплексность). В работе присутствуют элементы междисциплинарного подхода, который выражается в сочетании методов и приемов, используемых в региональных исследованиях в русле экономических, социологических, политологических и философских представлений, среди них метод аналогий, системно-структурный, сравнительно-аналитический, структурно-функциональный.

Научно-методические подходы и методы исследования обусловлены спецификой диссертационной работы, предопределившей необходимость использования сочетания как базовых общенаучных эмпирических (наблюдение, анализ, синтез, измерение, сравнение) и мыслительно-логических методов (дедукция и индукция, группировка, классификация и типология), так и специфических подходов (диагностирование, метод средних и относительных величин, факторный и кластерный анализ, индексные методы, абстрагирование, агрегирование, сценарный подход).

При анализе особенностей социально-экономического развития Республики Крым был применен бивариантный методический подход, включающий в себя материально-финансовый принцип и духовно-нравственные императивы. Все это позволило получить достоверные результаты и наиболее полное организовать научный поиск для достижения поставленной цели и решения основных задач.

Информационно-эмпирическую основу диссертации составили материалы и данные Федеральной службы государственной статистики и управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат), нормативные, аналитические, программные и стратегические материалы Правительства РФ, государственного Совета Республики Крым, исполнительных органов государственной власти Республики Крым, данные официальных интернет-сайтов, материалы научно-практических конференций, научных изданий, результаты социологических исследований, а также собственные методические и аналитические разработки автора.

Обоснованность и достоверность научных результатов, положений и рекомендаций, содержащихся в диссертационной работе, подтверждается опорой на фундаментальные экономические труды и актуальный теоретический базис с применением совокупности методов научного познания и аргументированного методического инструментария; использованием официальной информации и достоверных статистических данных; полнотой исследования теоретических, методических и прикладных подходов; проверкой полученной информации и обоснованием выдвигаемых автором гипотез; высокой оценкой полученных результатов исследования на научных конференциях.

Научная новизна полученных результатов исследования заключается в углубленном понимании концептуальных основ региональной экономики и специфики формирования рекреационно-курортной деятельности в экономическом пространстве региона с позиций духовно-нравственной парадигмы, разработке методических приемов анализа процессов регионального развития и отдельных сфер регионального хозяйствования, а также создании эффективной системы регулирования региона в условиях роста неопределенности и внешних угроз.

В диссертации получены и вынесены на защиту следующие **результаты и положения, определяющие научную новизну исследования.**

1. Расширен теоретический фундамент исследования социально-экономического развития нового региона как основной формы пространственной организации общества, базирующийся на использовании концепции «регион-социум», включении в нее систематизированных знаний о духовно-нравственных принципах и институтах, а также положений гуманистической экономики, определяющей социальный капитал в качестве важнейшего ресурса и фактора экономического развития страны и ее регионов (п. 1.3 Паспорта научной специальности 5.2.3).

2. Предложена и апробирована на основе применения совокупности теоретических воззрений и концептуальных установок исследования регионального развития методология ковариационного анализа экономики Республики Крым в сопряжении с духовно-нравственными принципами, выявлены сущностные характеристики, тенденции функционирования и развития рекреационно-курортного комплекса региона с учетом влияния на него длительных глубинных процессов, что позволило идентифицировать общее и особенное в социально-экономическом развитии нового региона, представить рекреационно-курортный комплекс Крыма как сложноорганизованную пространственную систему, а также в качестве ключевого компонента структуры его экономики (п. 1.5 Паспорта научной специальности 5.2.3).

3. Выявлен и обоснован основной вектор перманентного стратегического развития Крыма на базе анализа и обобщения различных теоретико-методических и эмпирических подходов, в соответствии со стратегическими установками модернизации российской и региональной экономики, раскрыты основные сценарии развития рекреационно-курортного комплекса региона в обозримой перспективе, предложены стратегические приоритеты регулирования социально-экономической деятельности с позиций духовно-нравственных критериев, способствующих в результате выполнению в новых условиях важнейшей задачи – наиболее полному удовлетворению базовых потребностей человека в восстановлении и сохранении

своего физического и духовного здоровья, увеличении капитала здоровья (п. 1.16 Паспорта научной специальности 5.2.3).

Теоретическая значимость результатов исследования обусловлена дополнением ряда базовых концептуальных положений региональной экономики научными представлениями об экономическом содержании нового региона, возможностью более глубокого научного изучения функционирования рекреационно-курортной деятельности в пространстве нового региона в контексте духовно-нравственной парадигмы. Разработанные теоретические выводы и умозаключения о трансформации экономики нового субъекта Российской Федерации и входящего в его состав рекреационно-курортного комплекса могут быть реализованы при продолжении научных работ по региональной экономике и регулированию в условиях новой реальности.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможностях использования полученных выводов и результатов региональными и муниципальными органами власти и управления в качестве научно-методической основы для разработки стратегий, программ, проектов развития конкретных территорий с доминированием рекреационно-курортной деятельности, при формировании региональной и муниципальной экономической политики.

Материалы диссертации могут применяться в образовательном процессе при составлении учебных программ по таким курсам, как «Региональная экономика», «Региональное управление», «Стратегическое планирование», а также при разработке специальных учебных курсов.

Апробация и внедрение результатов исследования. Материалы, научные разработки и практические результаты работы были использованы:

- Министерством культуры, спорта и туризма военно-гражданской администрации Запорожской области при подготовке стратегических документов развития рекреационно-курортного комплекса Запорожской области;
- Администрацией города Евпатория Республики Крым при разработке и реализации документов стратегического планирования;

– Администрацией городского округа Верхотурский Свердловской области при подготовке документов и материалов, необходимых для разработки направлений социально-экономического развития муниципального образования;

– ООО «Крымфотур» при разработке стратегии развития и бизнес-плана;

– ООО «Санаторий „Гелиос“» при разработке стратегии развития предприятия и ключевых элементов бизнес-плана;

– ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» в образовательном процессе.

Внедрение результатов диссертационной работы подтверждено соответствующими документами, прилагаемыми к диссертации.

Основные результаты, ключевые положения и выводы диссертационной работы докладывались и получили одобрение на четырех международных, всероссийских, региональных научно-практических конференциях и форумах в Екатеринбурге (2021–2023), Перми (2023), Ялте (2023).

Публикации. По результатам диссертации опубликовано 9 научных работ общим объемом 9,9 п. л. (из них авторских – 5,4 п. л.), в том числе 4 статьи в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Структура и объем диссертации обосновывается поставленной целью, решаемыми задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, насчитывающего 375 источников, 9 приложений. Текст диссертации изложен на 277 страницах, содержит 11 таблиц и 25 рисунков.

1 Теоретико-методологические основания исследования влияния духовно-нравственного миропорядка на долговременное развитие России и ее регионов

1.1 Духовно-нравственные императивы экономического развития российского государства

Региональная экономика, являющаяся важнейшей областью современной экономической науки, в настоящее время не только развивает свои традиционные научные разделы (в частности, размещение производства), но и активно формирует для исследования новые научные направления¹. Они связаны в большинстве своем с нематериальным производством, становлением новых и трансформацией сложившихся экономических институтов и институций, исследованием условий и факторов, способствующих или препятствующих их проявлению. Более того, России

---

¹ Гранберг А. Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 1. – С. 57–81; Минакир П. А. Системные трансформации в экономике. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2001. – 536 с.; Лексин В. Н., Швецов А. Н. Муниципальная Россия: социально-экономическая ситуация, право, статистика: энцикл. справ.: в 5 т., 12 кн. – М.: URSS, 2000–2001; Кузнецова О. В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. – 6-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 304 с.; Бухвальд Е. М. Институциональные проблемы стратегирования пространственного развития // Федерализм. – 2023. – Т. 28, № 1 (109). – С. 80–98; Антонюк В. С., Корниенко Е. Л., Вансович Э. Р. Закономерности пространственного развития производительных сил Российской Федерации в современных условиях // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 314–327; Антипин И. А., Власова Н. Ю. Стратегическое планирование развития территорий в условиях неопределенности // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 12–1. – С. 5–10; Татаркин А. И., Анимица Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. – 2012. – № 3 (31). – С. 11–21; Силин, Я. П., Анимица Е. Г. Эволюция парадигмы региональной экономики // Journal of new economy. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 5–28; Дворядкина Е. Б., Джалилов Э. В., Истомина Н. А. Муниципальные образования индустриального типа в экономическом пространстве традиционно-промышленного региона: исследовательская программа // Journal of new economy. – 2022. – Т. 23, № 2. – С. 29–44; Сурнина Н. М., Шишкина Е. А. Теоретико-методологические и практические аспекты исследования пространственных инфраструктурных систем региона // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 10. – С. 2701–2724.

следует не только найти траекторию стабильного экономического роста, но и обезопасить себя от любых попыток военного или экономического воздействия. Для этого страна стремится сформировать самодостаточную экономическую систему, совершенно устойчивую к различным международным санкциям, способную выдержать любые внешние давления и угрозы.

В конце XX – начале XXI века ученые обогатили экономическую научную мысль закономерностями и принципами экономического роста во времени и пространстве как эволюционного процесса, определяемого технико-технологическими изменениями, статистическими оценками материально-вещественных компонентов производства, внедрением цифровых и других сетевых структур, в том числе в контексте «Индустрия 4.0»¹. Они безо всяких дополнительных факторов и условий должны были привести к коренному улучшению качества человеческой жизни. Исключительная адаптивность человека к сложившимся условиям позволяла ему выполнять необходимые производственные функции при самых неблагоприятных условиях труда и жизни.

Ученые и специалисты стали понимать ограниченность традиционного, по сути, «индустриального» человека в общественной жизни и производственной деятельности. Кризис техногенной цивилизации с точки зрения «человеческого измерения» привел к тому, что человек стал восприниматься не только как фактор производства и компонент производительных сил, но и как элемент гуманистического общества.

Следует присоединиться к мнению академика Л. И. Абалкина, который подчеркивал, что «российская экономическая школа, сложившаяся на рубеже XIX–

---

¹ Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений: пер. с англ. – М.: Дело, 2002. – 536 с.; Technical change and economic theory / ed. by G. Dosi et al. – London: Francis Pinter, 1988. – 656 p.; The economics of growth and technical change: technologies, nations, agents / ed. by G. Silverberg, L. L. G. Soete. – Aldershot: Edward Elgar, 1994. – 343 p.; Fagerberg J. Technology and International differences in growth rates // Journal of economic literature. – 1994. – Vol. 32, no. 3. – P. 1147–1175; Nelson R. Recent evolutionary theorizing about economic change Journal of economic literature. – 1995. – Vol. 33. – P. 48–90; Сухарев О. С. Промышленный рост и технологическая перспектива // Journal of new economy. – 2022. – Т. 23, № 1. – С. 6–23.

XX веков... всегда придавала особую значимость социокультурным и нравственным аспектам (и институтам) хозяйственной жизни»¹.

Реальной движущей силой экономического прогресса выступает человек, а экономический рост – это прежде всего функция реализации возможностей, заложенных и раскрытых в человеке.

С середины 1970-х годов начался переход к новому типу экономического развития (роста), для которого стали применяться концепции всесторонней интенсификации производства на основе энерго- и ресурсосбережения, а позже – учет *социальной составляющей* для целей экономического роста. С переходом на рыночные отношения, когда хозяйственными критериями эффективности деятельности стали *прибыльность и конкурентоспособность*, нормальное развитие страны и ее регионов в рамках мировых и национальных хозяйственных процессов и укладов стало немыслимым без удовлетворения социокультурных потребностей человека, без опоры на духовно-нравственные принципы и императивы как безусловные требования следования системе ценностей в экономической деятельности. От этого стал зависеть и уровень общественного доверия к власти, к экономическим порядкам и общественным институтам, людей друг к другу.

В настоящее время ключевая роль в экономических процессах идей, традиций, *национальной ментальности, национальных интересов и ценностей* не только признается отдельными учеными и политиками, но и нередко включается в итоговые общественные, государственные программные положения и официальные документы². Постепенно возникла объективная необходимость исследования теоретических основ и решения прикладных вопросов влияния духовно-нравственных принципов и институтов на экономическое развитие. Однако духовно-нравственная парадигма

---

¹ Абалкин Л. И. Избранные труды: в 4 т. – М.: Экономика, 2000. – Т. IV: В поисках новой стратегии. – С. 244.

² Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. Принято на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного Русского Народного Собора 4 февраля 2004 г.; Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400; Проект указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (разработан 30.12.2021).

хозяйственной деятельности до сих пор фактически находится на периферии экономического знания, не стала идеологией экономического роста. Этот факт можно объяснить тем, что Россия пребывает в переходной стадии, покинув одно – советское – духовно-нравственное поле и пытаясь освоить новое пространство с теми ценностями и установками, которые складывались не одно столетие.

В данном разделе настоящей работы попытаемся раскрыть содержание современных доминирующих парадигм, расширяющих представления о предметном поле региональной науки в контексте духовно-нравственного миропорядка.

На протяжении всей истории формирования и развития экономики в разных территориальных условиях постоянно возникал вопрос о взаимоотношении, с одной стороны, хозяйственной деятельности, экономики, бизнеса, а с другой – духовности и нравственности (или морали). В отечественной и зарубежной научной литературе по поводу этой дихотомии сложились две полярные позиции:

– бизнес и духовность не сочетаются и не совмещаются друг с другом, они не играют никакой роли в жизни *homo economicus*;

– экономическое развитие во времени сопрягается с духовно-нравственным потенциалом и мотивами и активизируется ими.

Еще в конце 1940-х годов экономист Л. Роббинс писал о взаимодействиях между экономикой и этикой как о разных дискурсивных полях, между которыми существует непреодолимая логическая пропасть, противостояние как во времени, так и в пространстве¹.

Лауреат Нобелевской премии М. Фридман и его коллеги писали о столкновении этих двух сторон жизнедеятельности социума, которые, по их мнению, следует рассматривать отдельно друг от друга².

---

¹ Robbins L. Essai sur la nature et la signification de la science économique. – Paris: Librairie Médicis, 1947. – P. 143–144.

² Friedman M. The methodology of positive economics // Essays in positive economics. – Chicago: The University of Chicago Press, 1953. – P. 3–43; Moreau de Bellaing L. L'éthique et la morale dans le politique // Journal des anthropologues. – 2014. – No. 136–137. – P. 61–79; Lemennicier B. La morale face à l'économie. – Paris: Editions d'Organisation, 2005. – 287 p.

В настоящее время научное сообщество все активнее и настойчивее заявляет о необходимости понимания смысла экономической деятельности и экономических изменений в контексте духовно-нравственных императивов¹.

Экономическое развитие в пространственно-временных координатах становится неотделимым от духовно-нравственных принципов, тем более что духовно-нравственные элементы в той или иной мере полноты имманентно присущи идее экономического развития и находятся в каждой цепочке, в каждой составляющей экономического воспроизводственного процесса. Поэтому необходим бивариантный методический подход к определению целевых установок развития территории, включающий в себя материально-финансовые принципы и духовно-нравственные императивы.

Великий русский мыслитель И. А. Ильин отмечал: «В будущем придется считаться с той аксиомой, с тем фундаментальным положением, что *хозяйствование никоим образом не есть деятельность, безотносительная к нравственности*. Укорененная в инстинкте и проистекающая из него, она должна *регулироваться духовностью*; ни в теории, ни на практике она не должна рассматриваться как нечто стихийное, самовластное, *выходящее за этические рамки*. Бездуховный инстинкт культуру не создаст и вообще ничего не создаст ни в какой области... Хозяйство – это социальный процесс, и именно это обстоятельство *обязывает человека к социальности*»².

В настоящее время происходит переосмысление методологии экономической науки. В частности, экономические процессы, хозяйственную деятельность в пространстве-времени следует рассматривать в контексте нравственных принципов и морально-этических норм.

---

¹ Ветошкин А. П., Каратеева Н. А., Миняйло А. М. Духовно-нравственная экономика. – Екатеринбург: УрГУ, 2008. – 702 с.; Кузык Б. Н. Духовный и культурный подъем нации – предтеча ее экономического подъема // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние: научные записки и очерки / науч. ред. О. Т. Богомолов. – М.: Ин-т экон. стратегий РАН, 2008. – С. 281–297; Богомолов О. Т. Нравственный фактор социально-экономического прогресса // Вопросы экономики. – 2007. – № 11. – С. 55–62; Румянцева Е. Е. Нравственные законы экономики. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 96 с.

² Ильин И. А. О социальных аспектах хозяйствования // Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Русская книга, 1998. – Т. 8. – С. 462.

«Обновленной экономической теории сегодня нужен методологический каркас, который будет отражать всю систему ценностей в нашем обществе. А для этого необходим историсофский подход (национально-исторический и национально-философский) к экономике и национальному хозяйству страны»¹, – отмечает профессор А. А. Олейников.

Профессор Л. Д. Кудрявцев считает, что «стабильность и жизнеспособность государства определяется прежде всего нравственным и духовным уровнем населения, а не состоянием экономики. История дает немного примеров, когда в целом экономически благополучные государства погибали в результате падения морального уровня населения, в частности роста коррумпированности государственных чиновников»². Не случайно новые государства, возникшие на развалинах СССР, стали срочно вспоминать свои традиции, нравы, свой язык, культуру, причем как более древнюю, чтобы она пробуждала у людей гордость за свой народ и желание идти вперед.

Теоретико-экономическая и практико-ориентированная экономическая мысль сформировала целую систему дисциплин, в которых хозяйственная деятельность имела духовную и нравственную основу. Наряду с понятием «духовно-нравственная экономика»³, близко по смысловым оттенкам появились и формируются такие дисциплины, как «гуманистическая экономика»⁴, «социокультурная экономика»⁵, «культурная экономика»⁶, «моральная экономика»⁷, «нооэкономика»⁸, «духовная

¹ Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства / отв. ред. О. А. Платонов. – 2-е изд. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. – С. 1099.

² Кудрявцев Л. Д. Современное общество и нравственность. – М.: Наука, 2000. – С. 9.

³ Ветошкин А. П., Каратеева Н. А., Миняйло А. М. Духовно-нравственная экономика. – Екатеринбург: УрГУ, 2008. – 702 с.

⁴ Федоренко Н. П. Гуманистическая экономика. – М.: Экономика, 2006. – 188 с.

⁵ Аузан А. А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. – 2017. – № 2 (168). – С. 4–10.

⁶ Тросби Д. Экономика и культура: пер. с англ. – 2-е изд. – М.: ВШЭ, 2018. – 256 с.

⁷ Григорьев С. И., Колокольцев М. Г., Колокольцева Н. Ю. Социальная экономия и моральная экономика – альтернатива развития российского общества, основанная на социально-исторической эволюции // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 2 (196). – С. 123–129.

⁸ Бодрунов С. Д. Нооэкономика: монография. – М.–СПб.–Лондон: Культурная революция, 2018. – 432 с.; Субетто А. И. Ноосферная Россия: стратегия прорыва (основания ноосферного россиеведения): монография / под науч. ред. В. В. Лукоянова. – СПб.: Астерион, 2018. – 345 с.

экономика»¹ и др. Среди отечественных экономистов более привлекательным стало понятие «нравственная экономика», которое ввел в научный оборот академик Д. С. Львов².

В концепции нравственной экономики, сформулированной и отстаиваемой академиком Д. С. Львовым, социальные принципы, потребности человека находятся в одном ряду с такими однопорядковыми экономическими категориями, как производство жизненных благ, потребление, распределение и обмен. Новая парадигма общественного развития помещает потребности человека в эпицентр принимаемых решений на макро-, мезо- и микроуровнях³. Влияние институтов, в том числе основанных на культуре, на экономический рост убедительно показал Дарон Асемоглу, один из ведущих современных макроэкономистов⁴.

В связи с вышесказанным разработка содержания экономических проблем в контексте духовно-нравственных детерминантов «выводит нас за пределы чисто экономического анализа»⁵. Применение известных подходов к интеграции экономических и социальных наук привело к формированию социоэкономической теории, основание которой заложено американским социологом и экономистом А. Этциони⁶. Среди отечественных ученых, посвятивших свои труды социоэкономике, следует выделить работы профессора М. А. Шабановой⁷. Интерес представляют результаты сопряженного анализа экономических и социальных тенденций и про-

---

¹ Морозов В. А. Теория совместимости: монография: в 3 т. – М.: Дашков и К°, 2021. – Т. 3: Духовная экономика и совместимость общества. – 557 с.

² Львов Д. С. Нравственная экономика // Свободная мысль. – 2004. – № 9. – С. 24–36.

³ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – С. 23. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 05.12.2022).

⁴ Асемоглу Д. Введение в теорию современного экономического роста: в 2 кн.: пер. с англ. – М.: Дело, 2018. – Кн. 1. – С. 183–197.

⁵ Шумпетер Й. А. История экономического анализа // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли, вып. 1. – М.: Экономика, 1989. – С. 264.

⁶ Etzioni A. The moral dimension: toward a new economics. – New York: Free Press; London: Collier Macmillan, 1988. – 300 p.; Etzioni A. Toward a new socio-economic paradigm // Socio-economic review. – 2003. – No. 1. – P. 105–118.

⁷ Шабанова М. А. Социоэкономика и современность: о пользе и рисках экспансии экономического подхода // Общественные науки и современность. – 2010. – № 4. – С. 100–115; Шабанова М. А. Социоэкономика. – М.: Экономика, 2012. – 559 с.

цессов в контексте принципов социэкономии, полученные пермским ученым В. А. Сухих¹.

Как показывает анализ, в научной экономической мысли сложились три основных научных представления об обосновании хозяйственных успехов мировых сообществ в контексте духовно-нравственных принципов:

- европейское;
- азиатское;
- славянское (русское).

Как писал академик Д. С. Лихачев, каждый тип национальной культуры и хозяйствования «бесценны»².

К числу ярых приверженцев (апологетов) европейского направления следует отнести Макса Вебера, крупнейшего немецкого социолога, видевшего основную первопричину быстрого развития капитализма в Германии и Англии в протестантской этике³, рассматривающей деятельность «трезвых, добросовестных, чрезвычайно трудолюбивых рабочих» как «угодную Богу цель жизни»⁴. В ведущих капиталистических странах Запада рыночное хозяйство, политическая свобода и основные элементы протестантской этики, которой присущи хозяйственность, предпринимательская активность, усердие, бережливость, повышенный уровень грамотности, формировались вместе, практически одновременно, взаимно укрепляя и дополняя друг друга, кристаллизуясь в четкие экономико-политико-социальные системы. К началу XX века на Западе в большинстве стран капиталистическое хозяйство формировалось на принципах европейской культуры, которые наиболее полно были изложены И. Кантом в эссе «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» (1784). Известный английский философ и экономист Дж. С. Милль считал англосаксонский дух индивидуализма, недопустимость общественного вмешательства в частные

---

¹ Сухих В. А. Социэкономия региона: методология исследования, тенденции развития и механизмы регулирования: монография. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008. – 264 с.

² Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3.

³ Weber M. The protestant ethic and the spirit of capitalism (1905). – London–Boston: Unwin Hyman, 1930. – 292 p.

⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: пер. с нем. – М.: АСТ, 2020. – С. 201.

дела граждан катализатором первой индустриальной революции именно в Великобритании¹.

Западноевропейские авторы в сфере реализации духовно-нравственных принципов в рыночной экономической деятельности преимущественное внимание уделяют идеям справедливости, доверия и равенства; созданию социального рыночного хозяйствования². Теория справедливости, наиболее полно представленная Дж. Ролзом, доказывала, что «институты справедливы, когда между людьми не делается произвольных различий в отношении основных прав и обязанностей»³. Французский академик и профессор экономики Тьерри де Монбриаль утверждал, что «экономическая наука является наукой моральной» и что «в действительности рыночная экономика и социальная справедливость ни в коей мере не являются антиномическими»⁴. Нобелевский лауреат по экономике Ф. А. фон Хайек обосновывал, что социальная справедливость в рыночной экономике – это «атавизм», а «справедливость имеет смысл только как норма человеческого поведения»⁵. Ученый доказывал, что наилучшим условием достижения общих целей «является свобода каждого использовать свои знания для достижения собственных целей, ограничиваемая только правилами справедливого поведения»⁶.

Австралийский экономист Д. Тросби, один из основоположников экономики культуры, сформулировал ряд положений, которые можно отнести к базовым составляющим духовно-нравственной экономики:

---

¹ Mill J. S. On Liberty. – London: J. W. Parker and son, 1859. – 207 p.; Милль Дж. С. О свободе: пер. с англ. – 2-е изд. – СПб.: В. И. Губинский, 1906. – 237 с.

² Корнаи Я. Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 4–17; Эрхард Л. Благосостояние для всех: пер. с нем. – М.: Начала-Пресс, 1991. – 335 с.; Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь: пер. с нем. – М.: Дело ЛТД, 1994. – 224 с.

³ Rawls J. A theory of justice. Revised edition. – Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 1999. – 538 p.

⁴ Монбриаль Т. де. Действие и система мира: пер. с фр. – М.: МГИМО, РОССПЭН, 2005. – С. 278, 375.

⁵ Хайек Ф. А. фон. Познание, конкуренция и свобода: антология сочинений. – СПб.: Пневма, 1999. – С. 92.

⁶ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН; Челябинск: Социум, 2016. – С. 73.

- «экономика как деятельность не может быть свободной от культуры»¹;
- «идеи справедливости и честности играют важную роль в общей экономической и социальной политике»²;
- культура может воздействовать на экономическую эффективность любой деятельности через поддержку общих ценностей, на справедливость через влияние на решения по поводу распределения ресурсов и на экономические и социальные цели группы и коллективные результаты³.

Американский экономист японского происхождения Ф. Фукуяма, японские экономисты Ш. Иноу, М. Имаи, И. Хаями, Т. Озава и ряд других ученых объясняли азиатское «экономическое чудо» религиозными факторами, берущими свое начало в элементах буддизма, даосизма и неоконфуцианства, в частности, ориентированностью на взаимное уважение, постоянный самоконтроль и самосовершенствование, кооперацию, благополучие группы, строгую иерархию, трудолюбие и трудовую этику⁴. Они подчеркивали, что экономическое развитие и духовное развитие не противоречат друг другу, они фактически нераздельны.

Российские же экономисты, затрагивающие вопросы духовного начала экономического процветания, предлагают православную этику в качестве основополагающей⁵. И. Т. Посошков, один из первых самобытных представителей российской экономической мысли, свою знаменитую книгу «О скудости и богатстве» (1724, издание 1842) открывает первой главой «О духовности», в которой экономическое

¹ Тросби Д. Экономика и культура: пер. с англ. – 2-е изд. – М.: ВШЭ, 2018. – С. 25.

² Там же. – С. 88.

³ Там же. – С. 95–96.

⁴ Fukuyama F. Trust: the social virtues and the creation of prosperity. – New York: The Free Press, 1995. – 457 p.; Hayam Y. Toward an East Asian model of economic development // The institutional foundations of East Asian economic development. – London: Macmillan, 1998. – P. 14–17; Ozawa T. Exploring the Asian economic miracle: politics, economics, society, culture, and history – a review article // Journal of Asian studies. – 1994. – Vol. 53. – P. 124–131; Имаи М. Кайдзен: ключ к успеху японских компаний: пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2016. – 274 с.; Стадвелл Д. Азиатская модель управления: удаchi и провалы самого динамичного региона в мире: пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 536 с.

⁵ Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Изд-во политической литературы, 1992. – 543 с.; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века / В. Н. Захаров, А. К. Сорокин, В. И. Бовыкин и др.; под ред. А. К. Сорокина. – М.: РОССПЭН, 1997. – 351 с.

обновление страны, увеличение ее богатства связывается с необходимостью широкого религиозно-духовного воспитания молодежи, с постройкой «школ простран-ных», в которых следовало «учить грамматике и всякого книжного разума»¹. Богатство, по И. Т. Посошкову, это прежде всего духовное богатство, а скудность напрямую сопрягается с бездуховностью.

В российской научной мысли идеи нравственной экономики берут свое начало от экономистов-славянофилов. Известный русский экономист и философ С. Н. Булгаков видел в экономическом прогрессе условие духовного развития русского общества, подчеркивал наличие ценностных и институциональных аспектов хозяйствования². Видный русский экономист С. Ф. Шарапов считал капитализм катастрофой для русского общества и видел путь к экономическому процветанию России в духовном возрождении и христианской морали³. Взгляды экономистов-славянофилов разделяют и некоторые современные российские ученые, среди которых К. П. Стожко и А. П. Ветошкин⁴, В. Ю. Катасонов⁵.

Старообрядцы явили обществу капитализм как исконно русское явление. Феномен старообрядческого предпринимательства описан в нескольких серьезных работах отечественных ученых, среди которых М. О. Шахов⁶, В. В. Керов⁷, С. А. Зеньковский⁸, А. В. Пыжиков⁹. Они подчеркивают, что староверы действительно проявляли большую склонность к предпринимательству, находясь в религиозном мень-

---

¹ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. – М.: Наука, 2003. – С. 28–29.

² Булгаков С. Н. Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. – 464 с.

³ Шарапов С. Ф. Бумажный рубль (его теория и практика). – СПб.: Обществ. польза, 1895. – 156 с.; Шарапов С. Ф., Улыбышева М. А. Бедность и богатство. Православная этика предпринимательства. – М.: Ковчег, 2011. – 320 с.

⁴ Стожко К. П. Принципы экономического гуманизма. Опыт русской истории: монография. – Екатеринбург: Изд-во УГППУ, 1996. – 377 с.; Ветошкин А. П., Стожко К. П. Философия экономики. – Екатеринбург: Полиграфист, 2001. – 334 с.

⁵ Катасонов В. Ю. Православное понимание экономики. – М.: Кислород, 2019. – 608 с.

⁶ Шахов М. О. Старообрядчество, общество, государство. – М.: СИМС, 1998. – 208 с.

⁷ Керов В. В. Староверческое предпринимательство и «последние времена» // Россия XXI век. – 1998. – № 11–12. – С. 128–151.

⁸ Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. – М.: Ин-т ДИ-ДИК; Квадрат, 2009. – 687 с.

⁹ Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 1917 г. – М.: Концитуал, 2019. – 528 с.

шинстве. Они доказали, что староверы вписали идеи зарождающегося капитализма в русские ценности, которые постепенно стали проецироваться на всю экономическую и социальную жизнь России. В успехе предпринимателей-старообрядцев главную роль играли строгие этические нормы, в числе которых репутация честных, добросовестных и деловых людей, отсутствие наживы, принуждения, свобода выбора и основательность действий, а также специфический жизненный уклад, характеризующийся стремлением к обособленности, привычкой руководствоваться не столько законами, сколько укоренившимися в сообществе понятиями и уложениями. Они затевали бизнес в уверенности, что через дело человек спасает свою душу. На долю старообрядцев приходилось, согласно официальной статистике, до 60 % всех частных капиталов Российской империи.

Российское предпринимательство, в отличие от западноевропейского, не имело никаких атрибутов замкнутой корпорации – освященного традицией уставного документа, института поручительства при приеме в члены гильдии, обязательного испытательного факта, корпоративных образовательных учреждений. Предприниматель уплачивал налог («гильдейский сбор»), составлявший примерно 1 % от объявленного капитала.

Представляется уместным привести рассуждения М. Вебера по поводу специфики русского предпринимательства и развития капитализма. По М. Веберу, Россия представляет собой органическую, неотъемлемую часть Европы, «европейского культурного мира», это западная страна по своей цивилизации и предназначению, но, что важно, при этом европейская культура не укладывается в географические границы Европы¹.

М. Вебер подчеркивал, что ни одна из русских сект не смогла, в отличие от протестантизма, создать устойчивую для капиталистической системы страны организацию труда². М. Вебер показал, что именно российские особенности массового сознания, господствующего этико-религиозного мировоззрения и ценностей пра-

---

¹ Weber M. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1906. – Bd. XXII, H. 1. – S. 234–353.

² Weber M. Russland Übergang zum Scheinkonstitutionalismus // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. – 1907. – Bd. XXIII, H. 1. – S. 165–401.

вославия определили развитие капитализма в России. Русский капитализм не мог не испытывать на себе веками укоренившиеся в обществе идеалы свободы, справедливости, добра и самопожертвования. В частности, в России мораль всегда была выше права. Так, справедливость связывается с миром отношений между людьми, а не с юридическими нормами, хотя, по существу, и справедливость является правовым принципом. М. Вебер писал: «По сути, демократия и свобода возможны только там, где постоянно действует решительная воля нации, которая не позволяет управлять собой как стадом баранов»¹.

В экономической мысли стала преобладать концептуальная установка, что хозяйственная деятельность не сводится только к производству товаров и услуг. Она погружена в *социальную среду*, «обитатели которой ведут, организуют, обеспечивают хозяйственную деятельность и используют ее результаты в своих интересах»². Социальная среда состоит исключительно из людей, которые взаимодействуют между собой по поводу хозяйственной деятельности и ее результатов. Эти действия и взаимодействия определяются институтами, удерживающими в них людей.

Относительно дефиниции «институт», начиная с американского экономиста Т. Веблена, выдвинувшего само это понятие³, между учеными до сих пор полного согласия не достигнуто, хотя его различные трактовки (расширительные и краткие) близки по содержанию друг к другу⁴.

---

¹ Weber M. Russland Ubergang zum Scheinkonstitutionalismus // Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. – 1907. – Bd. XXIII, N. 1. – S. 247.

² Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – С. 23. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 05.12.2022).

³ Veblen T. The place of science in modern civilisation and other essays. – New York: B. W. Huebsch, 1919. – P. 239.

⁴ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической теории: пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – 464 с.; North D. Structure and change in economic history. – New York: Norton, 1981. – 240 p.; North D. Institutions, institutional change and economic performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 153 p.; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997. – 180 с.; Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 6–17; Городецкий А. Об основах институциональной трансформации // Вопросы экономики. – 2000. – № 10. – С. 118–133; Сухарев О. С. Институты и экономическое развитие. – М.: Дека, 2005. – 378 с.; Некипелов А. Д. Становление и функционирование экономических институтов. – М.: Экономистъ, 2006. – 328 с.; Попов Е. В. Институты / отв. ред. А. Д. Некипелов. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2015. – 712 с.

Не втягиваясь в дискуссию о сущностно-содержательных характеристиках понятия «институт», мы определим свое отношение к данной проблеме, опираясь на воззрения классиков институционализма и исходя из целевых установок настоящей работы.

Во-первых, под институтами нами понимается совокупность относительно устойчивых структурных образований (элементов, единиц, компонентов) общества, которые выполняют специфические функции коллективной деятельности в различных сферах (областях) жизни общества в соответствии с нормами и правилами, имеющими официальное государственное и общественное признание¹. К ним мы относим такие организационно-функциональные формы экономической деятельности, как наука и образование, культура и искусство, религия, право. Они являются одновременно структурными единицами экономики и, в частности, социальной сферы и основными духовно-нравственными компонентами.

Во-вторых, мы присоединяемся к мнению ученых², которые понимают под *институциями* систему традиций, обычаев, привычек, мнений, правил и норм, религиозных верований, регулирующих устойчивые социальные осознанные или неосознанные формы поведения конкретных людей (граждан) в различных сферах общественной (в том числе экономической) жизни.

В своем большинстве по своему статусу институции – это неформальные институты, которые не имеют официального государственного признания, т. е. те, «за исполнением требований, которых не установлен контроль посредством деятельности правоохранительных органов государства»³. В институциях объективная реальность представляется не в формах предметной действительности, а как реальность, внутренне присутствующая человеку и определяющая его естественное поведение,

---

¹ Тамбовцев В. Л. О разнообразии форм описания институтов // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 2. – С. 107–118; Тамбовцев В. Л. Возникновение институтов: методолого-индивидуалистический подход // *Вопросы экономики*. – 2010. – № 11. – С. 83–96.

² Зотов В. В., Пресняков В. Ф., Розенталь В. О. Институциональные проблемы реализации системных функций экономики // *Экономическая наука современной России*. – 2001. – № 3. – С. 51–69.

³ Тамбовцев В. Л. *Экономическая теория неформальных институтов: монография*. – М.: Проспект, 2016. – С. 5.

образ его мыслей. Многие институты для людей могут быть сакральными, ритуальными. Институты как смысложизненные ценности мы относим к социальным условиям жизни общества. Они оказывают воздействие на основные продуктово-товарные, финансово-кредитные, хозяйственно-технологические и иные процессы в соответствующих общественных (и экономических) системах, определяют экономический рост на микро- и мезотерриториальном уровне. Неформальные институты определяют поведение предпринимателей (индивидов) в микротерриториальном масштабе (в частности, в рамках муниципальных образований) и в целом воздействуют на ход развития экономики региона¹.

Таким образом, институты и институции наряду с другими компонентами оказывают существенное влияние на духовный мир личности, определяя, направляя его образ мыслей и стратегию действий внутри территориального сообщества (рисунок 1).

Высокие достижения в производственной деятельности в стране становятся результатом активизации именно внутренних духовных ресурсов человека².

В-третьих, принципиально важным представляется тот факт, что институты прямо или косвенно влияют на экономическую деятельность в пространстве страны или регионов, устанавливают (наряду с технологией) трансакционные и производственные (трансформационные) издержки, создают социальные условия общественного развития. Система эволюционирующих духовно-нравственных форм и компонентов (институтов и институций) в сочетании с изменяющейся внутренней общественной средой (включая знания) создают синергетическую экономическую систему, в которой возникают, формируются и развиваются новые экономические процессы и субстанции.

---

¹ Тамбовцев В. Л. Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа // *Journal of institutional studies*. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 108; Котлярова С. Н. Формирование и развитие региональных институтов // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. – 2014. – № 3 (27). – С. 100.

² Кива А. В. Духовность и преодоление кризиса // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 2. – С. 20–30.

Духовный мир личности	Общественные институты	Институты	Духовно-нравственные показатели (индикаторы)
Справедливость	Этническое общество	Единство народов России	Этноконфессиональные показатели
Знания	Наука	Патриотизм	Склонность к инновациям (уровень патентной и инновационной активности)
Способности	Образование	Отношение к новациям и креативность	Уровень образованности, уровень преступности
Чувства, переживания	Культура, искусство	Порядочность, совесть, честность	Показатели уровня жизни, доля свободного времени
Вера	Религия	Достоинство (самоуважение)	Количество социально ориентированных некоммерческих организаций, уровень благотворительности
Интересы, мотивы, установки	Мораль	Милосердие, добродетельность, благотворительность	Демографические показатели (показатели семейной структуры населения)
Потребности	Право	Нравственность, приоритет духовного над материальным	Медианная заработная плата, коэффициент Джини, коэффициент фондов, показатели рынка труда
Здоровье	Здравоохранение, физическая культура	Созидательный труд	Продолжительность жизни, заболеваемость
Стремления, цели	Система менеджмента	Здоровый образ жизни	Уровень коррупции, уровень институционального доверия
		Доверие и отношение к власти, коллективизм	

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 1 – Духовно-нравственные составляющие и основные индикаторы состояния региона

В-четвертых, многочисленные действующие институты и институции, которые находятся в сложном взаимодействии и взаимовлиянии друг с другом, формируют относительно самостоятельную организационно-функциональную структуру и состав духовно-нравственного конструкта конкретного региона или определенной страны. Данная структура в значительной степени обуславливает нынешние процессы цивилизационной самоидентификации России, определяет строение ее генотипа (так называемый «русский геном»).

Профессор В. С. Бочко в структуре экономики страны (или региона) выделяет в качестве самостоятельного компонента «нравственно-духовное пространство», под которым он понимает «сферу сосредоточения и движения духовных ценностей, ментальных способностей, психологических характеристик, моральных отношений, норм и правил поведения людей»¹.

Именно эти многочисленные разнокачественные и разнохарактерные институты и институции наряду с другими компонентами и условиями формируют свои отличительные особенности, долговременные тенденции, закономерности социально-экономического развития страны и ее регионов, которые О. Шпенглер предлагал обобщенно характеризовать термином «экономический стиль»².

После всенародного голосования по поправкам к Конституции РФ и принятия новой редакции Стратегии национальной безопасности в доктринальные документы страны было впервые введено понятие «*духовно-нравственные ценности*», а их сохранение и укрепление зафиксировано в качестве национального приоритета. 9 ноября 2022 г. своим указом Президент РФ утвердил Основы госполитики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей³.

---

¹ Бочко В. С. Территориальная конъюгация и формирование интеллектуально-инновационного пространства // Экономика региона. – 2010. – № 2. – С. 14.

² Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т.: пер. с нем. – М.: Мысль, 1998. – Т. 2. – С. 497.

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809.

1.2 Приоритетные компоненты (институты) в структуре духовно-нравственной парадигмы

Российский культурно-цивилизационный код, складывающийся веками, определяет систему духовно-нравственных ценностей, которая, в свою очередь, формирует поведенческую модель личности, во многом вытекающую из устойчивых представлений о справедливости.

Социальная *справедливость* представляет собой базовую духовно-нравственную и социально-экономическую ценность для людей и является основой для становления механизмов социально-экономической мобилизации социума, его социальной энергии в стране или регионе. Поэтому в нашем исследовании мы уделяем ей особое внимание.

В данном параграфе будут рассмотрены теоретические и прикладные проблемы соотношения социальной справедливости и современной экономики, значимости справедливости в российском социуме. Основным положением данного раздела выступает гипотеза, что идеи справедливости необходимым образом влияют на народнохозяйственную жизнь, а концепт социальной справедливости относится к числу наиболее важных факторов развития экономики России. Кроме того, научный подход к региону как социуму выдвигает на передний план глубокое комплексное исследование социальной жизни населения, в том числе культурные, духовные, нравственные, этические, социально-психологические и иные аспекты жизнедеятельности регионального социума. Включение представлений о справедливости при анализе, обобщении и проектировании социально-экономических процессов на разных территориальных уровнях позволит повысить обоснованность и вероятность успешной реализации проектов, планов и прогнозов.

В отечественной духовно-нравственной парадигме с древнейших времен центральное место отводится справедливости. Так, на Руси, в отличие от стран Запада, справедливость ставилась выше законов. В западной цивилизации полагается, что закон справедлив по своему основанию.

В первую очередь необходимо выявить сущность справедливости.

Митрополит Киевский Иларион в «Слове о законе и благодати» еще в XI веке определил благодать (благодать) «истинным светом Божиим», ниспосланным человеку свыше, к исполнению воли Божьей¹. Через идею благодати утверждается мысль о достигнутом в результате крещения равенстве новообращенной Руси с другими христианскими народами и странами. Законы же, по существу, представляют собой проекцию благодати и истины на текущую реальную жизненную основу государства. Иначе говоря, изначально благодать (благодеяние, благотворение) была на Руси первой, главной национальной идеей, способной творить чудеса. Все остальное – это производное от благодати. При отсутствии письменных документов «верность Богу» ассоциировалась с твердостью и надежностью слова при устном заключении сделки (контракта).

Подобную благодатную роль в российском обществе играет и *справедливость*.

Феномен справедливости, несмотря на особую актуальность и популярность в общественных науках, остается в числе наиболее трудно формулируемых, поскольку, с одной стороны, это понятие междисциплинарное, а с другой – очень широкое, через призму которого рассматриваются практически все сферы общественной жизни, все области человеческой деятельности². Она входит в тройку неформальных правил высшего порядка или, как говорят экономисты и юристы, «надконституционных правил». Среди них – это право, правда и справедливость³. Если право представляет собой юридическую норму, по которой живут люди, а правда – реальный образ настоящего и будущего, то справедливость их интегрирует.

Проследим эволюцию подходов к пониманию эффективности и справедливости развития социально-экономических систем в общественных науках.

---

¹ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона. – URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (дата обращения: 12.03.2022).

² Клементьев Д. С. Исторические метаморфозы справедливости в процессах социального управления // Государственное управление в XXI веке: повестка дня российской власти : материалы X Междунар. науч. конф. факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 29–31 мая 2012 г.): в 3 ч. – М.: МГУ, 2013. – Ч. 3. – С. 5–14.

³ Зорькин В. Д. Верховенство права и встреча цивилизаций // Журнал Конституционного правосудия. – 2008. – № 1. – С. 2.

Античный мыслитель Платон полагал, что справедливость – это сумма всех добродетелей вообще; справедливо все то, что содействует интересам государства, и в соответствии со справедливостью должны строиться право, правосудие, жизнь и деятельность каждого индивидуума и всего государства в целом¹.

Платон в обширном трактате «Государство» говорил о справедливости как о «величайшем благе, которым стоит обладать», полагая справедливость как «самое великое и необходимое», «нечто наилучшее для самой души»². Он сравнивал справедливость с внутренним порядком и считал, что благо нельзя исчислить, ведь благо «боги даруют людям благочестивым»³. Однако его ученик Аристотель в этом отношении придерживался противоположных взглядов, указывая, что при измерении блага необходимо учитывать его относительность, поскольку любая деятельность стремится к цели, к благу, и у каждого она своя. В своем трактате «Политика» Аристотель пишет, что право служит мерилom справедливости, а справедливость невозможна без государства⁴.

В современном философском контексте понятие «справедливость» рассматривается как *субъективная категория*, отражающая в той или иной мере полноты реальную действительность⁵. Справедливость в философском понимании – это понятие о должном, соответствие деяния и воздаяния.

Становится очевидным, что без выяснения фундаментальных основ формирования категории «справедливость» невозможно (немыслимо) проникнуть в реальную жизнь людей в обществе.

---

¹ Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / пер. с древнегреч. под общ. ред. А. Ф. Лосева и др. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – С. 578–579.

² Там же. – Т. 3. – С. 128, 326, 411.

³ Там же. – Т. 4. – С. 123.

⁴ Там же. – Т. 4. – С. 380.

⁵ Бербешкина З. А. Справедливость как социально-философская категория. – М.: Мысль, 1983. – 208 с.; Вахтина М. А. Институциональные основания справедливой рыночной экономики. – Самара: Самарский научный центр РАН, 2013. – 265 с.; Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика: монография. – М.: Юстицинформ, 2017. – 280 с.; Роговин В. З. Справедливость как социально-философская и социально-экономическая категория // Социальная справедливость и пути ее реализации в социальной политике. – М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1982. – С. 8–94; Спенсер Г. Справедливость / пер. с англ. под ред. М. Филиппова. – СПб.: Тип. А. А. Пороховщикова, 1897. – 242 с.

Мы присоединяемся к мнению профессора А. П. Ветошкина, который подчеркивал: «1150-летний опыт России убеждает в необходимости хранить верность духовному наследию, своему предназначению, духовно-нравственному идеалу, запечатленному в нашей вере и культуре, образовании и воспитании, философии и науке, укорененному в традициях, самом хозяйственном и социальном складе жизни народа»¹.

Как подчеркивает известный политический обозреватель В. Выжурович, «запрос на уважение и запрос на справедливость стали самыми актуальными запросами российского общества. Дефицит того и другого воспринимается им даже острее, чем зарплатное неравенство»².

В отечественной экономической науке справедливость рассматривается с разных ракурсов, комплексно как нравственная, социальная и юридическая категория, а также как экономическое явление. Однако изучение проблемы справедливости ведется главным образом с общетеоретических позиций. В связи с этим отметим фундаментальные работы А. Г. Аганбегяна³, Р. С. Гринберга⁴, Н. П. Федоренко⁵, Г. Ю. Канарша⁶.

Идея справедливости в той иной степени полноты присутствует во всех социально-экономических и социально-политических концепциях. В экономической литературе либерального толка категория (понятие) справедливости представляется незначительной, ибо она не работает и не характеризуется количественными показателями, тенденциями, которые можно измерить. Следует особо отметить, что мечта о справедливости была основной движущей силой всех крестьянских бунтов, мятежей и восстаний в России. Именно тяга к справедливости подняла

---

¹ Ветошкин А. П. Сквозные линии и связующие скрепы исторической поступи России // Русский экономический вестник: научно-публицистический журнал. – 2012. – № 9–10. – С. 224.

² Выжурович В. В. Знают себе цену // Российская газета. – 2022. – № 37. – URL: <https://rg.profkiosk.ru/955399> (дата обращения: 14.04.2023).

³ Аганбегян А. Г. О приоритетах социальной политики. – М.: Дело, 2020. – 512 с.

⁴ Гринберг Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 416 с.

⁵ Федоренко Н. П. Гуманистическая экономика. – М.: Экономика, 2006. – 188 с.

⁶ Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация: монография. – М.: Моск. гуманитар. ун-т, 2011. – 236 с.

народ на революцию в 1917 г. Как утверждает философ и писатель М. Веллер, «дефицит справедливости оказался острее дефицита продуктов»¹.

Теоретические основы формирования духовно-нравственных принципов, в том числе справедливости, применительно к экономике, были заложены А. Смитом в его известном труде «Теория нравственных чувств»². Именно А. Смит в середине XVIII века обосновал роль нравственности и морали в процессах экономического развития страны. Он провозглашал приоритет моральных ценностей в системе общественных отношений и доказывал, что «богатство народов» создают те же люди, которые преуспевают в практической деятельности и не лишены «высоких добродетелей»³. На первое место среди добродетелей А. Смит ставит как раз справедливость. Он пишет, что справедливость «представляет главную основу общественного устройства», и если она нарушается, то громадное здание человеческого общества «немедленно рушится и обращается в прах»⁴.

К работе А. Смита можно добавить классическое сочинение И. Бентама «The principles of morals and legislation» (1789), а также работы Дж. С. Милля «Utilitarianism» (1863) и Г. Сиджвика, «The methods of ethics» (1874), в которых сформулированы принципы классического утилитаризма и полезности моральной теории. Следует выделить исследование Г. Харта о естественной справедливости⁵, Дж. Лукаса об обстоятельствах справедливости⁶, Б. Берри о процедурной справедливости⁷, Д. Готье о справедливости как административном решении высшего порядка⁸.

Р. Талер, известный американский экономист, Нобелевский лауреат по экономике (2017), в ходе теоретических и экспериментальных изысканий пришел к выводу о значимости справедливости при принятии экономических решений. Он выявил, какое влияние оказывает справедливость как безусловная ценность на при-

---

¹ Веллер М. И. Максимальная возможность счастья // Аргументы и факты. – 2021. – № 35. – С. 12.

² Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997. – 351 с.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 101.

⁵ Hart H. L. A. The concept of law. – Oxford: The Clarendon Press, 1961. – 263 p.

⁶ Lucas J. R. The principles of politics. – Oxford: The Clarendon Press, 1966. – 380 p.

⁷ Barry B. Political argument. – London: Routledge and Kegan Paul, 1965. – 394 p.; Barry B. Justice as impartiality. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 336 p.

⁸ Gauthier D. P. Practical reasoning. – Oxford: Oxford University Press, 1963. – 210 p.

нятие людьми экономических решений (например, повышение цен в периоды высокого спроса)¹.

Гарвардский профессор, философ Дж. Ролз² в своей фундаментальной монографии «Теория справедливости» доказывал, что «справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли... Законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы»³. Он предложил свой крайне простой подход к пониманию того, что такое справедливость. «Модель справедливости» должна исходить не из нравственных норм, а из набора правил общественного устройства, о которых разные люди заранее договариваются (так называемая договорная теория справедливости).

Таким образом, определим справедливость как многообразные отношения и взаимодействия между людьми – моральные, правовые, социальные, материальные и иные, когда максимальное количество людей получает от этого максимальную выгоду, максимальный доступ к человеческим благам, максимальную возможность счастья.

Рассмотрим детальнее сопряженное понятие «социальная справедливость». Развитие данной научной категории тесно связано с формированием множества подходов к раскрытию ее сущностно-содержательных характеристик.

В методологическом плане при исследовании справедливости специалисты изначально разделяют справедливость на *природную* и *социальную*, т. е. установленную людьми⁴.

Еще Аристотель доказывал, что «справедливость может быть природная и установленная законом»; «справедливое – это то, что находит себе место в общении людей внутри государства, справедливость и справедливый человек имеют от-

---

¹ Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2017. – 368 с.

² Rawls J. A theory of justice. Revised edition. – Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 1999. – 538 p.

³ Ролз Дж. Теория справедливости : пер. с англ. / под науч. ред. В. В. Целищева. – 3-е изд. – М.: УРСС, 2017. – С. 19.

⁴ Исмаилов Н. О. Справедливость: концептуальные основы и актуальные проблемы: монография. – М.: НИИ истории, экономики и права, 2016. – С. 13.

ношение к гражданскому справедливому»; «справедливое от природы выше справедливого по закону, однако исследуем мы гражданское справедливое, а оно существует по закону, не от природы»¹.

Справедливость не рассматривает какие-либо природные явления и процессы, к которым человек не имеет никакого отношения. Мы можем использовать понятие «природная справедливость» исключительно в том смысле, что человек имеет естественное право на жизнь, свободу и собственность, развитие и реализацию своих природных задатков.

С позиций экономической науки социальная справедливость представляет собой образ существования человека в качестве основного элемента любой социально-экономической системы и предполагает относительно равномерное распределение основных социально-экономических благ в обществе².

Член-корреспондент РАН Р. С. Гринберг, интегрируя идеи великих мыслителей о социальной справедливости, начиная с работ известного английского экономиста Дж. С. Милля, впервые предложившего понятие «социальная справедливость»³, пишет: «Бросаются в глаза, во-первых, устойчивость идеи социальной справедливости во всех основных философских учениях, а во-вторых, настойчиво устанавливаемая всюду связь справедливости с представлениями о демократии и свободе»⁴.

Профессор А. В. Бузгалин формирует мысль, что «реализация принципа социальной справедливости есть одна из важнейших производительных сил в экономике, где главным источником развития должен стать массовый креативный класс (учителя, врачи, ученые, инженеры, рекреаторы природы и общества)»⁵.

---

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. / пер. с древнегреч. под общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 327–328.

² Петросян Д. С. Социальная справедливость в экономических отношениях: институциональные аспекты // Вопросы экономики. – 2007. – № 2. – С. 59–67.

³ Милль Дж. С. Утилитарианизм. О свободе: пер. с англ. – СПб.: Тип. А. М. Котомина. – 1882. – С. 146.

⁴ Гринберг Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. – М.: ИНФРА-М, 2012. – С. 219–220.

⁵ Бузгалин А. В. Справедливость как предпосылка свободы и эффективности: обновление социального проекта возможно? // Социологические исследования. – 2013. – № 3 (347). – С. 136.

Можно согласиться с мнением Л. Вознесенского, который считал, что «...идея Социальной Справедливости сегодня, как никогда, становится стержневой для организации, а во многом – и самоорганизации всей политической, экономической, и, если угодно, эмоциональной жизни страны»¹.

А. И. Татаркин и Е. Г. Анимица в своей фундаментальной работе «Формирование парадигмальной теории региональной экономики» (2012) писали о быстром расширении предмета региональной экономики за счет включения в ее состав идей, концепций и эмпирических материалов из других областей знания, в частности, проблема соблюдения социальной справедливости в региональном аспекте, обеспечение социального благополучия населения региона и т. п., что обеспечивает в итоге относительную самостоятельность региона в системе национальной экономики и государственного устройства².

ООН называет социальную справедливость «основополагающим принципом мирного и процветающего сосуществования внутри стран и между ними»³. В докладе ООН 2006 г. утверждается, что «социальная справедливость может пониматься как распределение плодов экономического роста на основе принципов справедливости и сострадания»⁴.

По сути, аналогичные трактовки социальной справедливости встречаются у многих западных авторов⁵.

Следует констатировать, что социальную справедливость мы понимаем как систему ценностей, требований, правил, норм и принципов, на базе которых осно-

---

¹ Вознесенский Л. Страну объединит только социальная справедливость // Век. – 1998. – № 40. – С. 41.

² Татаркин А. И., Анимица Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. – 2012. – № 3 (31). – С. 19–20.

³ World day of social justice, 20 February / United Nations. – URL: <https://www.un.org/en/observances/social-justice-day> (дата обращения: 18.12.2022).

⁴ Social justice in an open world: the role of the United Nations. The international forum for social development. – New York: United Nations, 2006. – 146 p.

⁵ См., например: Agartan K. Globalization and the question of social justice // Sociology compass. – 2014. – Vol. 8, no. 6. – P. 903–915; Kitching G. N. Seeking social justice through globalization: escaping a nationalist perspective. – University Park, PA: Pennsylvania state university press, 2001. – P. 3–10; Jackson, B. The conceptual history of social justice // Political studies review. – 2005. – Vol. 3. – P. 356–373; Fleischacker S. A short history of distributive justice. – Cambridge–London: Harvard University Press. – 2004. – 190 p.

вано и функционирует данное общество, исходя из теоретических и обыденных представлений о справедливости.

Современная парадигма социальной справедливости предполагает «акцентирование идеи неотъемлемых прав индивида, рассматриваемого как независимый социальный атом»¹.

Понимание социальной справедливости носит ярко выраженный конкретно-исторический характер, ограничено историческими реалиями, характером того общества, в котором в данное время живут люди². Отдельные периоды в истории России характеризовались не просто попыткой смягчить социальное неравенство, но и даже желанием добиться полного равенства³. Как нам представляется, экономическое содержание справедливости означает в первую очередь эквивалентность обмена, честное перераспределение богатства и доходов.

Социальная справедливость в условиях реальной рыночной экономики – это уважительное отношение к частной собственности других членов общества, уважение к честному труду, что создает необходимые для каждого человека условия пользования в полной мере плодами своего труда. При социально-экономическом рассмотрении социальная справедливость проявляется в качестве важнейшего *фактора* устойчивого развития экономических процессов на общегосударственном, региональном и местном (муниципальном) уровнях. Как раз на местном уровне человек воспринимает социальную справедливость как определенный экономический и социальный ориентир для деятельностной активности личности. Поэтому в муниципальных образованиях и регионах следует актуализировать все факторы экономического роста, включая и такой фактор, как социальная справедливость.

В методологическом плане в своей работе мы используем два вида социальной справедливости: дистрибутивную и коммутативную. Как выяснилось в ходе ис-

---

¹ Прокофьев А. В. Социальная справедливость: нормативное содержание и история становления понятия: отчет по гранту РГНФ, 2001–2003, проект № 01-03-810-01 а/ц.

² Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация: монография. – М.: МосГУ, 2011. – 236 с.

³ Заборова Е. Н. Социокультурные приоритеты социальной политики // Управленец. – 2010. – № 1–2 (5–6). – С. 50.

следования, *дистрибутивная (распределительная) справедливость* связывается с наделением одинаковыми жизненными благами и доходами, а также вознаграждениями, почестями, различными преимуществами людей с одинаковыми заслугами. Известный английский философ Т. Гоббс считал, что «было бы несправедливостью продавать дороже, чем мы покупаем, или давать человеку больше, чем он заслуживает»¹. Под дистрибутивной справедливостью Т. Гоббс понимал «распределение наказаний и компенсаций, возникающее в результате нарушения правил справедливости»².

Сущность категории «социальная справедливость» до настоящего времени во многом основывается на идеях Г. Спенсера, который предложил эволюционный подход к ее исследованию и доказал, что любая форма справедливости отражает процесс воздаяния социальному индивиду по заслугам³.

Г. Шмоллер, известный немецкий экономист, писал: «Специальное понятие справедливости... есть понятие о распределяющей справедливости»⁴. Ученый задался вопросом: «При каких обстоятельствах и отношениях распределение доходов и имущества признается справедливым или несправедливым?»⁵. Прежде всего, по его мысли, необходимо активное вмешательство государства в экономическую жизнь: «Справедливости можно требовать только там, где государство имеет возможность вмешательства»⁶. Он утверждает, что всегда выше ценится «тот труд, для которого требуется больше образования и таланта», а также учитываются «заслуги» людей⁷.

А. Смит находил свой идеал справедливости в экономике исключительно «в свободе договоров».

---

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – С. 132.

² Там же.

³ Спенсер Г. Справедливость / пер. с англ. под ред. М. Филиппова. – СПб.: Тип. А. А. Пороховщикова, 1897. – 242 с.

⁴ Шмоллер Г. Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда: пер. с нем. – 2-е изд. – М.: Либроком, 2012. – С. 9.

⁵ Там же. – С. 26.

⁶ Там же. – С. 28.

⁷ Там же. – С. 38.

Распределять жизненные блага между людьми в обществе следует в соответствии с определенными критериями, такими как заслуги человека, по его достоинства, т. е. по формуле «каждому по заслугам». При реализации на практике формулы дистрибутивной справедливости необходимо существование посредника (арбитра, начальника, юридического лица), который был бы уполномочен следить за распределением благ в соответствии с достигнутой ранее договоренностью.

Как показывает опыт многих европейских государств (Норвегия, Швеция, Германия, Швейцария), распределительный вид справедливости достигается здесь при высоком уровне развития производительных сил, насыщенности внутренних рынков товарами и услугами, причем государство осуществляет постоянный контроль за реализацией распределительной справедливости. На данном этапе развития российское государство не может справиться в полной мере с обеспечением распределительных функций справедливости. Нобелевский лауреат по экономике Фридрих Хайек говорит о неприемлемости идей «дистрибутивной справедливости» в рыночной экономике, «ибо не может быть никакой дистрибутивной справедливости там, где никто не распределяет. Справедливость имеет смысл только как норма человеческого поведения»¹.

Второй вид социальной справедливости – *коммутативный* (меновый, направительный, уравнивающий изменения в сторону выравнивания), наиболее широко распространен в сфере обмена. Как показывает анализ, этот вид социальной справедливости имеет глубокие исторические корни. Так, согласно Аристотелю, только тот обмен может считаться справедливым, при котором принимаются во внимание *соотношения* обмениваемых благ. Аристотель в «Никомаховой этике» отмечает: «...Общественные взаимоотношения возникают не тогда, когда есть два врача, а когда есть врач и земледелец, и вообще разные, и неравные [стороны], а их-то и нужно приравнять. Поэтому все, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо»².

---

¹ Хайек Ф. А. фон. Познание, конкуренция и свобода: антология сочинений. – СПб.: Пневма, 1999. – С. 92.

² Аристотель. Сочинения: в 4 т. / пер. с древнегреч. под общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 155–156.

Английский философ Т. Гоббс, изучавший аристотелевскую философию, в известном трактате «Левиафан» поставил под сомнение установку Аристотеля на признание справедливым только пропорционального обмена. Он писал: «Цена вещей, являющихся объектом договора, измеряется желанием договаривающихся сторон, и справедливой ценой поэтому является та, которую они согласны дать»¹.

Таким образом, по формуле коммутативной справедливости «равным за равное» обмен может быть однозначно определен справедливым только в том случае, если достигается согласие сторон по всем пунктам осуществляемой сделки.

Конкретные общества отдают предпочтения тому или иному виду справедливости, но в каждом из них представлены в той или иной мере полноты оба этих вида. В системе социально-экономических процессов одним из наиболее важных остается выявление значимости социальной справедливости в экономических отношениях, в поведении людей в экономической сфере².

В частности, если рассматривать социальную справедливость через призму теории экономики благосостояния, то справедливым можно будет считать распределение, которое соответствует двум условиям: с одной стороны, оно должно быть равноправным, а с другой – «оно должно быть эффективным по Парето»³.

Перекося в распределении благ в пользу узкого слоя людей в ущерб основной массе работающего населения сильно сужает платежеспособный спрос, заметно сдерживает рост производства в стране и ее регионах. Кроме того, справедливое вознаграждение человека в зависимости от трудовых и иных его заслуг обосновывает тот или иной статус (материальный или социальный) индивидуума в общественном мнении.

Хотя справедливое вознаграждение зависит от конкретных условий развития страны или региона, от эффективности развития национальной или региональной

---

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – С. 132.

² Петросян Д. С. Социальная справедливость в экономических отношениях: институциональные аспекты // Вопросы экономики. – 2007. – № 2. – С. 59–67.

³ Большая экономическая энциклопедия: БЭЭ: самое полное современное издание: более 7 000 экономических терминов и понятий / Т. П. Варламова, Н. А. Васильева, Л. М. Неганова и др. – М.: Эксмо, 2007. – С. 627.

экономики, оно в конечном итоге должно с экономических позиций обеспечить воспроизводство и совершенствование рабочей силы. Имущественные различия между людьми и регионами должны иметь допустимые пределы в обществе. Чрезмерная поляризация доходов богатых и бедных является вызовом чувству социальной справедливости и чревата конфликтами.

Оба вида социальной справедливости взаимосвязаны и не могут быть разорваны в реальной экономике, а также должны учитываться при обосновании подходов к решению проблемы неравенства.

Проблема социального неравенства, сочетающего разные сферы жизни населения (в частности, доходы, занятость, образование, здоровье, досуг), довольно глубоко исследована отечественными учеными и экспертами¹, но, тем не менее, в современной России она остается весьма острой проблемой.

Лауреат Нобелевской премии мира М. Юнус с горечью отмечает, что «рост неравенства, вызванного концентрацией богатства в руках меньшинства» было и остается актуальным вопросом в глобальной политике².

Следует особо отметить, что феномен социального неравенства человека складывается в трех довольно устойчивых формах³:

- неравенство условий жизни различных слоев населения;
- неравенство возможностей при достижении жизненных целей;
- неравенство результатов жизнедеятельности.

---

¹ Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.; Викторов А. Ш. *Социальное неравенство: философская и социологическая рефлексия* // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2014. – № 2. – С. 170–186; Полякова Н. Л. *Теории социального неравенства в социологии XX в. Трансформация классики* // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2014. – № 4. – С. 19–43; Шкаратан О. И. *Социология неравенства. Теория и реальность*. – М.: ВШЭ, 2012. – 526 с.

² Юнус М. *Мир трех нулей. Как справиться с нищетой, безработицей и загрязнением окружающей среды: пер. с англ.* – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 275 с.

³ Гладышева А. С., Стоянов И. А. *Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России* // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. – 2016. – № 2. – С. 273–279; Ильин И. А. *В поисках справедливости* // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: в 2 т. – М.: Рарог, 1992. – Т. 1. – С. 185–189.

В настоящее время далекой от справедливости сохраняется проблема имущественного неравенства. По данным Росстата, в 2020 г. в стране насчитывалось 17,8 млн чел. с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (12,2 % от общей численности населения). Более 33 % малоимущих хозяйств – это семьи с двумя детьми (2019 г.). В 2020 г. дифференциация доходов (отношение среднего дохода самых богатых 10 % населения к среднему доходу самых бедных 10 % населения) составила 15,3 раза, а по результатам выборочного наблюдения доходов населения – 19,9 раза. Максимальная дифференциация доходов, по данным Росстата, пришлась на 2007 г. и составила 16,7 раза. Следует отметить, что в России самый высокий порог бедности среди стран БРИКС. По официальным данным, у нас нет людей, живущих на 80 р. в день. В Индии ниже этого порога живет почти треть населения, в Бразилии – 13 %, а в ЮАР – 10,7 %. Можно напомнить, что в 2018 г. Президент В. В. Путин поручил Правительству снизить к 2024 г. уровень бедности до 6,6 % (против 10,5 % в 2022 г.), а в 2020 г. сроки были сдвинуты сразу на шесть лет – до 2030 г. Следует подчеркнуть, что на долю 10 % самых обеспеченных граждан приходится 82 % богатства страны. Для сравнения: американские богачи владеют 35 % активов, японские – около 17 % (в среднем по миру показатель составляет 44 %). Швейцарский финансовый конгломерат Credit Suisse занес Россию в первую пятерку стран, чье население беднеет наиболее масштабно и быстро. Данную ситуацию из россиян никто не может воспринимать как справедливую.

А. Смит в свое время писал: «Великие народы никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и неблагоразумия государственной власти»¹.

Богатство и справедливость в России – понятия-антагонисты. Отличительной чертой российского национального менталитета было отсутствие культа богатства, принцип «греховности» капитала. Поговорки «Деньгами души не выкупишь», «Богатому деньги черти куют» отражает вполне определенное отношение народа к бо-

---

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I–III): пер. с англ. – М.: Наука, 1993. – С. 482.

гатству. Пренебрежительно называли «процентщиками» лиц, занимавшихся выдачей кредитов, даже под низкие проценты.

Сущность богатства и стремление к богатству в национальной традиции были заложены в XVIII веке знаменитой их трактовкой, сформулированной самобытным русским мыслителем И. Т. Посошковым: «Богатство – это еще не те деньги, лежащие в царской казне, а это богатство всего народа, измеряемое „домовыми внутренними своими богатствами“». Он советовал заботиться о «снискании правды», об ее утверждении и «твердом вкоренении», что в итоге позволит российскому государству обогатиться и возвыситься»¹.

Соборное уложение 1649 г., представляющее собой свод законов Русского государства, принятый земским собором в 1648/49 гг. и действовавший вплоть до первой половины XIX века, осуждало выдачу денег под проценты как богопротивное дело².

Этические нормы православия смягчали стяжательство, облагораживали социальный облик предпринимателя. В то же время эти нормы православия отрицательно сказывались на функционировании и развитии производительного капитала, обусловили более позднее возникновение и развитие банковской системы в России.

В «Своде нравственных принципов и правил в хозяйствовании», принятом на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного русского народного собора 4 февраля 2004 г., постулируется: «Культ богатства и нравственности в человеке несовместимы. Отношение к богатству как к кумиру неизбежно разрушает экономическую и правовую культуру, порождает несправедливость распределении плодов труда, социальную „войну всех против всех“»³.

В нынешней России ситуация с богатством, в смысле обладания человеком финансовыми и материальными ценностями, превышающими его жизненные потребности, следующая. Совокупное состояние 200 богатейших бизнесменов – граж-

---

¹ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. – М.: Наука, 2003. – С. 21–22.

² Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии / коммент. Г. В. Абрамовича и др. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 448 с.

³ Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – 2004. – № 4. – С. 8–12.

дан России (с годовым доходом свыше 550 млрд долл.), по данным российской версии журнала Forbes, в 2021 г. составило 663 млрд долл., а их совокупное состояние выросло за коронавирусный год на 207 млрд долл. (рекорд в истории рейтинга)¹. В рейтинг 2021 г. впервые вошли 13 предпринимателей (традиционно в рейтинг не включаются госслужащие)². Среди этих новичков нет ни одного представителя сырьевой экономики, а поразительные результаты продемонстрировал сектор интернет-компаний. 122 миллиардера (2021 г.) сконцентрировали половину всего богатства страны.

Согласно анализу, проведенному экспертами Высшей школы экономики совместно с Институтом исследований и экспертизы ВЭБ, в руках 3 % самого обеспеченного населения России находится 89 % всех финансовых активов, 92 % всех срочных вкладов и 89 % всех наличных сбережений³. По меркам справедливости показатели просто дикие!

Основа богатства большинства миллиардеров – лихие девяностые, в первую очередь залоговые аукционы, когда жемчужины советской государственной собственности перешли за гроши в частные руки.

В этих процессах принцип справедливости никак не просматривается. Хотя ряд экспертов предлагают пересмотреть итоги приватизации, чтобы соблюсти справедливость, но делать это уже поздно, к тому же деприватизация породит лишь волну ненужных конфликтов.

Заработанные в России капиталы олигархи держат за рубежом и выступают в итоге налоговыми резидентами других стран, что также воспринимается общественностью как несправедливость.

---

¹ 200 богатейших бизнесменов России – 2021. Рейтинг Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/rating/426935-200-bogateyshih-biznesmenov-rossii-2021-reyting-forbes> (дата обращения: 15.02.2022).

² Ляликова А. В новом свете: кто впервые вошел в рейтинг Forbes богатейших бизнесменов. – URL: <https://www.forbes.ru/rating-photogallery/426925-v-novom-svete-kto-vpervye-voshel-v-reyting-forbes-bogateyshih-biznesmenov> (дата обращения: 15.02.2022).

³ Выжutowич В. Россияне хотят, чтобы бедные и богатые были равны перед законом // Российская газета. – 2021. – 19 ноября. – URL: <https://rg.ru/2021/11/18/vyzhutovich-rossiiane-hotiat-chtoby-bednye-i-bogatye-byli-ravny-pered-zakonom.html> (дата обращения: 06.01.2023).

Нобелевский лауреат по экономике В. В. Леонтьев в одном из своих интервью говорил, что российские «миллиардеры не имеют ничего общего со столпами западного бизнеса. Их не приняли бы в руководство ни одной крупной американской корпорации»¹.

25 февраля 2022 г. Совет ЕС опубликовал постановление № 328, которое затрагивает интересы многих богатых россиян. В частности, банки Европы заблокировали все средства миллиардеров, размещенные на счетах в немецких и австрийских банках. Франция объявила, что намерена конфисковать имущество олигархов, попавших в санкционный список. В настоящее время в средствах массовой информации постоянно появляются сообщения об арестах той или иной собственности отечественных богачей.

Мировой опыт показывает, что прогрессивная шкала налогообложения – лучший способ привести неравенство хоть в какие-то рамки. В развитых странах налог на сверхбогатство достигает 50–60 %, что позволяет ограничивать потребление роскоши. В России первый шаг уже сделан. С 2021 г. россияне, зарабатывающие более 5 млн р. в год, выплачивают не 13 %, а 15 % своего дохода в качестве налога. Шаг маленький, но в правильном направлении.

В России новой социальной проблемой становится *бедность*, когда индивид или социальная группа не могут удовлетворить определенный круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности и продолжения рода². Как утверждает профессор Н. Е. Тихонова, в России «как никогда велика бедность работающих граждан»³. Ситуация с бедностью в России обусловлена не только общей экономической ситуацией, в том числе в связи с пандемией и военной операцией на Украине, но и низким уровнем заработной платы вообще.

---

¹ Леонтьев В. В. Пора менять крупных воров на мелких лавочников // Комсомольская правда. – 1998. – № 226. – URL: <https://viperson.ru/articles/komsomolskaya-pravda-ot-02-12-1998> (дата обращения: 14.12.2022).

² Вавилина Н. Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. – Новосибирск: СибАГС, 2000. – 510 с.; Бедность и бедные в современной России / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, Е. И. Пахомова и др. – М.: Весь Мир, 2014. – 304 с.

³ Социологи РАН выяснили, почему многие россияне становятся бедными // Российская газета. – 2013. – 20 июня. – URL: <https://rg.ru/2013/06/21/bednost.html> (дата обращения: 18.01.2023).

Как показывает анализ соответствующих данных из статистических сборников и справочников, уровень оплаты труда в России далек от принятого в развитых странах. По данным Росстата, в 2021 г. среднемесячная начисленная (номинальная) заработная плата в стране составила 56 545 р. в месяц, в том числе в Москве – 111 092 р., в Сахалинской области – 108 427 р., а в Ивановской области – 32 179 р. и Ингушетии – 31 297 р., а также в Республике Крым – 38 221 р., в Севастополе – 39 922 р. В 2021 г. реальные денежные доходы населения по сравнению с 2020 г. уменьшились в 25 субъектах Российской Федерации, причем семь из них – это субъекты, размещенные в Северо-Западном федеральном округе. Для сравнения: в Дании средняя заработная плата определялась величиной в 362 тыс. р. (самая высокая в Европе), в Норвегии – 313 тыс. р., в Германии – 193, во Франции – 189, в Чехии – 78, в Польше – 67, в Португалии – 60 тыс. р. (2017 г.).

Однако средняя заработная плата, которую фиксирует статистика, – это не те деньги, которые получает большинство населения России. Большинство работающих зарабатывает ниже среднего уровня.

По данным официальной статистики, в России 73 % работников получают зарплату ниже 45 тыс. р. в месяц, в том числе 53 % – ниже 35 тыс. р. Только 2 % получают более 100 тыс. р. в месяц. По данным Росстата, минимальный доход, необходимый в настоящее время средней российской семье, – 58,5 тыс. р.

В соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», на 2022 г. прожиточный минимум на душу населения составил в среднем по стране 12 654 р., в том числе для трудоспособного населения – 13 793 р., пенсионеров – 10 882 р., детей – 12 274 р. Существенной остается и территориальная дифференциация. Так, величина прожиточного минимума в Москве определялась величиной 18 714 р., в том числе для трудоспособного населения – 21 371 р., а в Чукотском автономном округе – 28 851 р., в Камчатском крае – 22 930 р. В девяти субъектах страны величина прожиточного минимума находится в пределах 10 тыс. р. (в частности, это республики Адыгея, Мордовия, Чувашия, а также Липецкая, Волгоградская, Пензенская и другие обла-

сти). Именно такие невысокие доходы большинства населения тормозят развитие многих отраслей экономики и не позволяют развиваться малому бизнесу.

В основном бедность концентрируется в селах и малых городах. Бедные превращаются в особую касту, как подчеркивает Н. Е. Тихонова: «У них другой круг общения, иной образ жизни, и к ним изменилось отношение общества»¹ в худшую сторону. Бедность все чаще ассоциируется с пьянством, наркоманией, другим асоциальным поведением. Важная особенность бедности в России заключается в том, что она все чаще приобретает хронический характер.

26 ноября 2021 г. Правительство РФ в соответствии с новым Федеральным законом от 29 декабря 2020 г. № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» утвердило новый показатель – граница бедности, которая отделяет бедных граждан страны от всех остальных. Раньше порогом служил прожиточный минимум, который сильно зависел от продовольственной корзины. С конца ноября 2021 г. для расчета границы бедности берется не продовольственная корзина, а 44,2 % от медианного дохода населения (против 60 % в европейских странах). Это – срединная величина, относительно которой у половины населения страны доходы выше, а у половины – ниже. В итоге граница бедности зависит сейчас не от стоимости потребительской корзины, натуральным составом которой можно манипулировать, а от единственного параметра – от доходов населения, точнее – медианного дохода. Между тем для назначения выплат и пособий по-прежнему будет использоваться уровень прожиточного минимума, а не граница бедности: если доходы граждан окажутся ниже прожиточного минимума, они получат господдержку. Банк России предполагает создать особый финансовый инструмент – социальный вклад для бедных граждан. Доступ к вкладу планируется предоставить неимущим, т. е. тем, кто получает социальную помощь от государства.

В 2020 г. 75 % социальных выплат в России выделялось безадресно, без учета доходов населения. Нужно бороться с неравенством с помощью не только единовременных выплат, но и действенной, остро направленной политики. Тогда по-

---

¹ Социологи РАН выяснили, почему многие россияне становятся бедными // Российская газета. – 2013. – 20 июня. – URL: <https://rg.ru/2013/06/21/bednost.html> (дата обращения: 18.01.2023).

мощь достается в первую очередь тем, кому она нужна, и на каждого бедного придется выплат во много раз больше, чем сейчас.

Нарастает напряжение в обществе в связи с сохраняющимся огромным неравенством *между регионами* – так называемым пространственным экономическим неравенством. Мы имеем группы регионов с разными физическими, образовательными и имущественными характеристиками, а также с неодинаковыми традициями.

По нашим подсчетам, если в конце 1990-х годов разрыв по объемам ВРП на душу населения между разными субъектами Российской Федерации составил почти 19 раз, в 2000 г. – 27 раз, то в 2005 г. – уже 43 раза, а в 2019 г. беднейший регион страны – Республика Ингушетия, отличалась от Ненецкого автономного округа почти в 52 раза. Подробный анализ динамики пространственного неравенства в России будет представлен во второй главе.

Академик А. Г. Гранберг еще в начале 2000-х годов писал о процессах увеличения разрыва между наиболее и наименее развитыми регионами – субъектами Российской Федерации. Он доказывал, что по степени межрегиональной социально-экономической дифференциации Россия занимает первое место в мире, а различия между российскими регионами превышают различия между самыми богатыми и самыми бедными странами мира¹.

И в настоящее время сохраняется разрыв между субъектами Российской Федерации по доходам населения, уровню безработицы, обеспеченности жильем и иным базовым социально-экономическим показателям. Так, по уровню бедности разброс в пространственном аспекте остается огромным. Если в Москве, Санкт-Петербурге, Республике Татарстан за чертой бедности живет менее 10 %, то в Тыве, Калмыкии, Ингушетии доля бедных доходит до 40 % населения. У этого дисбаланса десятки причин, включая природно-географические, исторические, религиозные, этнонациональные, связанные со своими способами хозяйствования, этическими установками организации социальной жизни. В тучные времена государство

---

¹ Гранберг А. Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 1. – С. 58.

стремилось сглаживать межрегиональное неравенство с помощью финансовой поддержки по формуле: чем беднее регион, тем больше он получал из центра различных дотаций, субсидий и субвенций. Но в 2015–2020 гг. объем вливаний из центра в экономику регионов сократился в реальном выражении до 20 %. В результате на территории субъектов Российской Федерации уменьшились расходы на образование, социальную защиту, инфраструктуру.

2021 г. стал для многих регионов временем испытаний – потрясений, заметных потерь и одновременно годом продолжения реализации крупных проектов, укрепления ослабленных ковидом бюджетов. Инвестиционная политика в подавляющем большинстве регионов реализуется по принципу «курочка по зернышку клюет», т. е. осуществляется множество малых и средних проектов всевозможной направленности.

В завершение параграфа сформулируем следующие наиболее важные выводы.

Во-первых, усиливается необходимость рассматривать и проектировать социально-экономическое развитие России и ее регионов в контексте духовно-нравственной парадигмы и ее главной составляющей – социальной справедливости.

Во-вторых, бедные регионы не только постоянно беднеют, но и просто остаются в состоянии застойной бедности. Подобная социально-экономическая ситуация становится основным источником противоречий и напряжений между федеральным центром и периферией, порождает конфликты на этнической основе. Весь «комплекс» общероссийских социально-экономических проблем существенно обогащается региональными и местными экономическими, социальными, этнонациональными и иными проблемами. Поэтому не случайными представляются низкие оценки перспектив улучшения качества жизни в регионах у местных жителей и экспертов.

В-третьих, соблюдение и поддержание социальной справедливости в пространственном аспекте должно быть предметом специальной региональной экономической политики государства.

1.3 Регион в координатах концепции «регион-социум»

Развитие региональной экономики как науки происходит по нескольким направлениям, в частности, за счет расширения и углубления содержания объекта исследования, включения новых парадигм и концепций регионального развития, включения в орбиту влияния региональной экономики новых пластов знаний.

Регион как форма пространственной организации общества представляет собой объект исследования экономистов, управленцев и предпринимателей. Понятием «регион» оперируют не только ученые по региональной экономике, но и множество специалистов естественных, экономических, гуманитарных и социальных наук. Как считают уральские ученые А. И. Татаркин и Е. Г. Анимица, «территориальность – доминантный признак любого исследования в рамках региональной экономики, ибо территория (регион) со своими ресурсами и условиями оказывает прямое или косвенное влияние на развитие и функционирование самых разнообразных объектов, осваивающих пространство»¹. Учитывая центральность (базовость) понятия «регион» во многих естественных и общественных науках, его многоаспектное звучание, недостаточную концептуализацию, многообразие точек зрения и концепций, целесообразным представляется обосновать свое отношение к сущностно-содержательным характеристикам региона с позиций региональной экономики, в том числе в контексте духовно-нравственной парадигмы. Исходя из целевых установок настоящей работы наиболее логичным видится исследование региона в экономическом пространстве страны через призму концепции «регион-социум», наряду с концепциями «регион-квазигосударство», «регион-корпорация» и «регион-рынок»². К ним можно присоединить и другие концепции – регион как научная субстанция, регион как система, регион как административно-территориальная единица, регион как объект управления, регион как первичное звено территориальной формы общественного производства, регион как целостное территори-

---

¹ Татаркин А. И., Анимица Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. – 2012. – № 3 (31). – С. 19.

² Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: ВШЭ, 2000. – С. 83.

альное образование, регион как субъект Российской Федерации, регион как подсистема информационного общества и др.¹

Район (регион) длительное время рассматривался через призму неоклассической экономической теории, и в качестве факторов развития исследовались ресурсы, труд, капитал как на региональном, так и на микротерриториальном уровне. Некоторые авторы представляли регион с позиций марксизма.

В нынешних условиях основополагающее значение приобретает раскрытие сущностно-содержательных характеристик понятия «регион» с позиций философии хозяйства, трактующей хозяйство как сложную природно-социальную систему, формирующей ту или иную хозяйственную идеологию для жизнедеятельности индивидуума, для жизни самого человека, нацио-культурно-пространственно обусловленную².

Как считает Е. Г. Анимица, «регион существует не как простая данность: он идентифицируется, воспринимается, проецируется, трактуется, разворачивается и сжимается в науках по-разному, в зависимости от целевых установок исследователя»³, а также стратегического направления и задач развития того или иного региона. Как справедливо замечают А. Н. Асаул, Г. Ф. Балакина, М. К. Соян, «изучение региона с позиции конкретной теоретической базы устраняет беспорядочность в понятийно-терминологической системе, делает исследование более выдержанным и целенаправленным, так как выбранная парадигма региона предопределяет использование конкретного теоретико-методологического подхода, понятийно-терминологического аппарата и инструментов исследования»⁴.

Ф. Бродель, один из крупнейших историков XX века писал, что регион – это аналог особого «мира» с четко очерченными индивидуализированными пространственными границами, придающими ему целостность, определенный смысл,

---

¹ Анимица Е. Г., Иваницкий В. П., Пешина Э. В. В поисках новой парадигмы регионального развития: монография. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 107 с.

² Осипов Ю. М. Время философии хозяйства: монография: в 3 кн. – М.: Экономистъ, 2003. – Кн. 1. – С. 380.

³ Анимица Е. Г. Региональное управление. – Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. – С. 23–24.

⁴ Асаул А. Н., Балакина Г. Ф., Соян М. К. Современные парадигмы региональной экономики // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4 (48). – С. 257–260.

с неким господствующим центром (городом), беспрестанно соперничающим с другими городами, обладающий едиными временными ритмами, с присущим только данному региону менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением¹.

Между тем следует подчеркнуть, что регион неразрывно связан и взаимодействует с национальным и даже мировым хозяйством. Еще академик Н. Н. Баранский, заложивший научные основы отечественной экономической географии, писал: «Отношения между понятиями „мировое хозяйство“, „народное хозяйство“, „экономический район“ надо мыслить диалектически, в порядке отношений между целым и частью. Всякое изменение целого – качественное или количественное – не может отразиться так или иначе на каждой из его частей, а с другой стороны, изменения в каждой отдельной части не могут не сказаться и на целом. Механизмом, передающим эти изменения, является опять-таки система географического разделения труда»². Среди многочисленных топологических свойств и имманентных признаков и атрибутов конкретного региона (в частности, объективность, устойчивость, саморазвитие) особо выделим полисемию, означающую, что любому региону присущи многозначность внутренней структуры, разнообразие сущностных характеристик, многообразие пространственных форм организации³.

Исходя из этой концептуальной установки под регионом-социумом в наиболее общем виде следует понимать относительно самостоятельную, целостную в социокультурном, хозяйственно-экономическом и административно-политическом отношении территорию, в границах которой протекают, взаимодействуют, переплетаются социальные, культурные, конфессиональные, политические, экономические и иные процессы функционирования социума, синтез которых обеспечивает зарождение и формирование социальных институтов, социальных прин-

---

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: монография: в 3 т.: пер. с фр. – 2-е изд. – М.: Весь мир, 2007. – Т. 3: Время мира. – С. 2–26.

² Баранский Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии: монография. – М.: Мысль, 1980. – С. 126–127.

³ Регион в новой парадигме пространственной организации России / Г. А. Агарков, Р. И. Акьюлов, Е. Л. Андреева и др.; под ред. А. И. Татаркина. – М.: Экономика, 2007. – С. 67–68.

ципов и норм поведения и контроля, что в итоге способствует воссозданию и становлению уникальных характеристик региона, позволяющих выделить его среди других территорий.

Как следует из вышеизложенного, помимо экономических вопросов, предлагаемый подход включает культурные, образовательные, медицинские, социально-психологические, политико-общественные и иные стороны жизни регионального социума, синтезу которых региональная наука с самого начала своего формирования уделяла пристальное внимание. Учитывая, что различные парадигмы региона не являются взаимоисключающими, то в рамках трактовки «регион-социум» сочетаются и иные интерпретации региона, в частности, как квазигосударства, квазикорпорации, региона-рынка, и другие концепции, по-разному отражающие особенности действия социально-экономических законов и практических форм их реализации в региональных воспроизводственных процессах.

Наряду с частичной мобилизацией в Вооруженные силы Российской Федерации нужна еще и *экономическая мобилизация*, т. е. концентрация ресурсов на развитие стратегически важных отраслей, выстраивание нормальных отношений властных структур с промышленностью, оптимизация налоговой, бюджетной, таможенной системы, гарантия гражданам реального прожиточного минимума, что в итоге даст заметный импульс процессам преобразования хозяйства регионов и муниципальных образований.

Авторская трактовка конструкта «регион» в качестве социума гораздо шире, чем содержание других парадигм региона, ибо она вовлекает в поле зрения многообразные вопросы духовно-нравственной жизни, что позволяет в полной мере реализовать социально-центричную концепцию регионального развития, создает реальную почву для укоренения социальных институтов и институций¹.

---

¹ Куклински Э. Региональное развитие – начало поворотного этапа // Региональное развитие и сотрудничество. – 1997. – Нулевой выпуск. – С. 3–7; Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: ВШЭ, 2000. – 495 с.; Маслаков В. В., Зубков К. И., Пленкин В. Ю. Модель региона-квазикорпорации // Регион: экономика и социология. – 2000. – № 2. – С. 17–36; Господарчук Г. Г. Развитие регионов на основе финансовой интеграции: монография. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 286 с.

В Декларации по регионализму в Европе (1996 г.), сформулированной Ассамблеей регионов Европы, при определении региона также сделан акцент на самобытность, на социальные, социологические и политические критерии его выделения, на социально-территориальную общность населения: «Регион представляет собой выражение отличительной политической самобытности, которая может принимать самые различные политические формы, отражающие демократическую волю каждого региона принимать ту форму политической организации, которую он сочтет предпочтительной. Регион сам избирает свое руководство и устанавливает знаки различия его представительства»¹.

Как пишут крымские ученые Н. В. Апатова и К. В. Авдеева, подход «к региону как социуму позволяет исследовать институциональные факторы, такие как система власти, культурные традиции, местная законодательная база, а также воспроизводство и размещение трудовых ресурсов, здравоохранение и образование»².

В конце XX – начале XXI века в индустриально развитых странах стандартные теории регионального экономического роста сместились с природных и экономических факторов на социальные. Всемирный банк еще в 1991 г. провозглашал, что экономический рост в мировом и региональном масштабе «включает в себя, в частности, лучшее образование, питание, здравоохранение, сокращение масштабов нищеты, оздоровление окружающей среды, равенство возможностей, расширение личной свободы и более насыщенную культурную жизнь»³.

Нобелевский лауреат по экономике П. Кругман и его коллеги М. Фуджита, А. Венаблес в рамках «новой экономической географии» среди конкурентных преимуществ регионов наряду с факторами «первой природы» (геоэкономическое положение, богатство природными ресурсами) выделяют факторы «второй природы»

---

¹ Декларация по регионализму в Европе, принята 4 декабря 1996 г. в Базеле Ассамблеей регионов Европы (АРЕ). – Ст. 1, п. 4.

² Апатова Н. В., Авдеева К. В. Регион как объект управления и анализа // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 108.

³ World development report 1991. – New York: Oxford University Press, 1991. – 290 p.

(человеческий капитал, институты), которые играют ключевую роль в модернизации экономики регионов¹.

Исследование региона на основе парадигмы социума, который вмещает в себе множество условий воспроизводства общественной жизни на данной территории, делает эту парадигму, как отмечает донецкий исследователь Д. В. Василенко, весьма значимой в контексте сохранения и наращивания трудового, культурного, этнического и других видов потенциалов². В рамках регионального социума деятельность и поведение составляющих его социальных групп и индивидов регулируются не только юридическими законами и корпоративными установками, но и нормами, закрепленными обычаями, традициями, имеющими силу морального должностовования, передающимися от поколения к поколению и сохраняющимися в течение длительного времени в новых исторических условиях.

Основным субъектом и объектом региона-социума выступает человек, объединенный в социальные общности и вступающий в социальные отношения с другими людьми. Поэтому человека, живущего в конкретном регионе, следует рассматривать одновременно как главного производителя товаров, услуг и как их потребителя с растущими интересами и запросами, предъявляющего свои требования к условиям и качеству жизни. Регион в данном случае представляет собой сложную пространственно-организованную форму жизнедеятельности социума, с функциями, обеспечивающими их развитие и управление³.

Регионы страны в настоящее время не только представляют собой административно-территориальные единицы, объединенные геоэкономическим положением, общим центром политико-административного управления, но и обладают со-

---

¹ World development report 2009: reshaping economic geography. – Washington: World Bank, 2009. – 140 p.; Fujita M., Krugman P. The new economic geography: past, present and the future // Papers in Regional Science. – 2004. – Vol. 83, no. 1. – P. 139–164; Fujita M., Krugman P. R., Venables A. J. The spatial economy: cities, regions, and international trade. – Boston: MIT Press, 2001. – 382 p.; Krugman P. First nature, second nature, and metropolitan location // Journal of regional science. – 1993. – Vol. 33, no. 2. – P. 129–144.

² Василенко Д. В. Научная система представлений о регионе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – № 3. – С. 81–86.

³ Барбаков О. М. Регион как объект управления // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 96–100.

циокультурной целостностью, обусловленной единым социокультурным пространством России. На современном этапе развития страны регион выступает в качестве относительно самостоятельного экономического субъекта, способного в пределах собственных административных границ осуществлять самые разнообразные производственные процессы.

Г. А. Аванесова и О. Н. Астафьева утверждают, что понимание региона связывается с некоей «пространственно-территориальной целостностью, единством и взаимодействием выделенных по некоторым основаниям составных частей. Регион может означать природно-климатическую зону, географическую территорию, административную единицу внутригосударственного членения, межгосударственную территорию, выступающую сферой приложения усилий ряда стран, хозяйственный или хозяйственно-экологический район, историко-культурную местность и др.»¹.

Вместе с тем важнейшая особенность региона-социума заключается в его потребности в саморазвивающемся работнике с особыми духовно-нравственными личностными качествами. Здесь особую экономическую ценность представляют такие качественные характеристики субъективного фактора производственной деятельности, как квалификация, знания, умения, навыки, совесть, сострадание, интеллектуальные способности, активность, коммуникабельность и др. Некоторые ученые выделяют такие ценностно-смысловые качества и характеристики жителей региона, как «стратификационный и национальный состав населения, традиции, этнолингвистические особенности, образ жизни и т. д.»². В регионе «экономический человек» (*homo economicus*)³ со своим технократическим воззрением, рациональным выбором и экономически рациональным поведением по мере общественного развития и обновления обретает многие виды нематериальной деятельности, подчиненные не рациональному выбору, а традициям, нормам и обычаям.

---

¹ Аванесова Г. А., Астафьева О. Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. – М.: РАГС, 2001. – С. 105.

² Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Рос. НИИ культ. и природ. наследия, 1998. – С. 60.

³ Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 230 с.

Подход к региону как социуму выдвигает на передний план исследование его территориальной социальной структуры, социальных связей и отношений, социальных институтов и процессов, социальных общностей, воспроизводство социальной жизни – «населения, трудовых ресурсов, образования, здравоохранения, культуры, развитие системы расселения и т. п.»¹. Каждый человек включен в исключительно важные процессы, происходящие на территории региона, которым иногда тысячи лет. Многие поколения людей строили в конкретных местах региона города или села, создавали и развивали самобытные ремесла, обустроивали новые торговые пути, развивали свои традиции в самом широком смысле этого слова. Разнообразие культур, обычаев, образов жизни, установок, ценностей формирует локальные и региональные особенности, создает «дух территорий». В частности, Л. О. Терновая предлагает рассматривать Крым в контексте «гения места» (калька с лат. *genius loci* – дух места), представляющего собой «уникальную геопоэтическую модель мира, которая придает силу геополитическим проектам, связанным с полуостровом»². Самобытность, уникальность регионов все более востребуется обществом, превращается в важнейший нематериальный актив, который должен быть в конце концов капитализирован.

Уникальность региона может служить основой для разработки территориальных брендов, культурной и иной символики³. Исключительность территории является отличным стимулом для развития предпринимательства, в первую очередь малого и среднего. Это источник экономического роста, что в итоге ведет к росту благосостояния народа, повышению качества жизни каждого индивида. Продвижение регионов имеет непосредственное отношение к участию регионов в междуна-

---

¹ Скульмовская Л. Г. Регион как источник разнонаправленного развития социальных общностей // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2005. – № 34. – С. 129.

² Терновая Л. О. Гений места Крыма: единство геопоэтики и геополитики: монография. – М.: Город XXI век, 2017. – 224 с.

³ Зырянов А. И. Формула места // Региональные исследования. – 2013. – № 2 (40). – С. 20–24.

родных культурных обменах и в целом к повышению вкладов регионов в развитие международных связей нашей страны¹.

Рост качественных требований к «экономическому человеку» с позиций его общественной ценности и роли в экономике, в том числе региональной, рассмотрение его в контексте концепции «регион-социум», приводит к необходимости выделения понятия «человеческий капитал». Как считал Нобелевский лауреат по экономике Г. Беккер, человеческий капитал – это имеющийся у каждого человека запас знаний, навыков, традиций, мотиваций². Главная особенность человеческого капитала заключается в неотделимости от личности своего носителя. По мнению Ю. Г. Быченко и Л. В. Логиновой, «человеческий капитал представляет собой кооперацию и комбинацию совокупных человеческих капиталов общества, реально задействованных в индивидуальных хозяйствах, на предприятиях и в организациях, образующих единый хозяйственный комплекс сообщества»³. На человеческий капитал, сформировавшийся в регионе, усиленно влияют «генетические» факторы – сложившаяся в регионе структура экономики, степень освоенности территории, демографическая ситуация, особенности институтов и институций, мобильность населения и т. п.⁴

С духовно-нравственной парадигмой регионального развития и тем более в связи с концепцией «регион-социум» органически связаны теория и практика формирования *социального капитала*. Как раз социальный капитал ввиду истощения традиционных источников энергии становится важным ресурсом экономического развития и повышения качества жизни на территории региона.

---

¹ Рябова Л. А. Регион как социум – участник глобализации: о выборе парадигмы региона при формировании собственной политики развития субъектами РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2010. – № 2 (26). – С. 35–42.

² Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ. под науч. ред. Р. И. Капелюшникова. – М.: ВШЭ, 2003. – 672 с.; Becker G. S. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 412 p.

³ Быченко Ю. Г., Логинова Л. В. Социализация экономики в России: проблемы и перспективы // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2009. – Т. 1, № 1 (37). – С. 262–272.

⁴ Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода: монография. – 3-е изд. – М.: URSS, 2007. – С. 35.

Концепция существования социального капитала по существу является антиподом концепции индивидуализма с присущими только человеку навыками и знаниями. П. Бурдье, который впервые предложил научную модель социального капитала, определял его как «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей, более или менее институционализованных отношений взаимного знакомства и признания»¹. По мнению американского исследователя Ф. Фукуямы, охарактеризовать социальный капитал можно как совокупность правил поведения, не зафиксированных формально, но понятных и соблюдаемых всеми, кто находится в социальной группе². Стержнем социального капитала Ф. Фукуяма считал *доверие*³.

Профессор Р. М. Нуреев и его коллега О. В. Нифаева рассматривают социальный капитал как институционально-этическую категорию, которую образуют связи и соглашения индивидов, соотносимые с такими их морально-нравственными качествами, как честность, доверие, гуманность, справедливость, ответственность, патриотизм, и способствующие справедливому распределению материальных и нематериальных благ, формированию долгосрочных взаимовыгодных отношений, согласованию интересов индивидов в рамках национальных интересов⁴. Хотя социальный капитал не может априори находиться в исключительной собственности отдельного человека, но в то же время неотделим от него и создается индивидами для достижения собственных целей, поэтому его следует рассматривать и использовать как общественное благо, принадлежащее всему региональному социуму, как ресурс развития региона. Социальный капитал в регионе – это капитал, который возникает и увеличивается посредством взаимодействия участников

---

¹ Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с фр. под общ. ред. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 59.

² Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / пер. с англ. под ред. Л. Харрисона и др. – М.: МШПИ, 2002. – С. 129–148.

³ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 730 с.

⁴ Нуреев Р. М., Нифаева О. В. Этические факторы повышения социального капитала в России // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 22.

социальных связей в региональном социуме и образует основу для коллективных действий. В целом социальный капитал, как справедливо считает профессор Н. Д. Гуськова, «обладает способностью к накоплению, ликвидностью, конвертируемостью, способностью к самовозрастанию»¹ и как следствие обеспечивает рост человеческого капитала в регионе, усиливает его конкурентные преимущества.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что регион, несмотря на различные интерпретации, определяется во многих современных экономических науках как важный конструкт, как целостная, сложная пространственно-организационная форма жизнедеятельности социума в определенный период времени. Он включает не только природные, экономические, социальные, политико-административные слагаемые, но и этнонациональную, духовную, нравственную структуры и соответствующие им институты и институции. Устойчивое развитие регионов в координатах концепции «регион-социум» в контексте духовно-нравственных императивов – одно из первоочередных направлений развития региональной экономики, проведения государственной региональной политики и, вместе с тем, условие успешного, эффективного решения многих других общенациональных, региональных и локальных задач.

---

¹ Гуськова Н. Д., Ключева А. П. Современные теории социального капитала // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2 (22). – С. 152–160.

2 Методы исследования экономической деятельности в регионе в контексте духовно-нравственных институтов

2.1 Современные методики измерения социально-экономического состояния региона с учетом духовно-нравственных установлений

Современный методический аппарат исследования экономических процессов во времени и пространстве предлагает широкий набор специализированных методов, позволяющих решать многообразные задачи в рамках региональных исследований. Рассмотрим подходы, применяемые в отечественных и зарубежных трудах по вопросам анализа состояния и динамики развития регионов, а также кросс-территориального сравнения компонентов их развития различной природы.

Как показывает анализ соответствующей литературы, задача оценки социально-экономического положения территории с позиции духовно-нравственной экономики решается в научных исследованиях двумя принципиально разными путями. Первый – построение интегрального показателя благосостояния региона, базирующегося на значении ВРП, интегрированном с экологическими, социальными и нравственными показателями. Второй – пространственный и временной анализ отдельных показателей, характеризующих уровень справедливости и обеспечения иных нравственных ценностей в территориальном сообществе.

В рамках *первого подхода* полноценное исследование региональной экономики невозможно без разнообразных количественных оценок, получить которые можно только с использованием статистических данных, специальных математических методов и моделей, позволяющих выразить в виде количественных, математических соотношений основные свойства изучаемого объекта и найти рациональные решения в тех ситуациях, когда эти решения неочевидны.

В настоящее время в качестве интегрального показателя наиболее распространён индекс человеческого развития¹ (ИЧР, *HDI*). Для определенной страны или региона он зависит от трех следующих показателей:

$$HDI = \sqrt[3]{LEI \times EI \times GNI_{pc}}, \quad (1)$$

где *LEI* – индекс ожидаемой продолжительности жизни; *EI* – индекс образования; *GNI_{pc}* – индекс дохода.

Субпоказатели для расчета ИЧР, в свою очередь, определяются следующим образом:

$$LEI = \frac{LE - 20}{83,2 - 20}, \quad (2)$$

где *LE* – ожидаемая продолжительность жизни;

$$EI = \frac{\sqrt{MYSI \times EYSI} - 0}{0,951 - 0}, \quad (3)$$

где *MYSI* – индекс средней продолжительности обучения (рассчитывается как

$$MYSI = \frac{MYS - 0}{13,2 - 0}, \text{ где } MYS - \text{средняя продолжительность обучения населения в го-}$$

дах); *EYSI* – индекс ожидаемой продолжительности обучения (рассчитывается как

$$EYSI = \frac{EYS - 0}{20,6 - 0}, \text{ } EYS - \text{ожидаемая продолжительность обучения населения, еще по-}$$

лучающего образование, год);

---

¹ Human development report 1990: concept and measurement of human development. – New York: United Nations Development Programme, 1990. – 189 p.

$$GNI_{pc} = \frac{\ln GNI - \ln 163}{\ln 108\,211 - \ln 163}, \quad (4)$$

где GNI_{pc} – внутренняя норма доходности на душу населения по паритету покупательной способности г, долл. США.

Некоторые субъекты Российской Федерации включают ИЧР в качестве ключевого показателя в свою стратегию социально-экономического развития.

Отметим еще ряд индексов, предложенных международными организациями и научно-исследовательскими коллективами, которые продолжили расширять показатель уровня благосостояния для кросс-территориального сравнения путем включения духовно-нравственных индикаторов. Все рассматриваемые далее показатели наряду с доходами, здравоохранением и образованием включают экологические и ресурсосберегающие компоненты, а отличаются именно в части социальных индикаторов.

Ориентир на сохранение природных ресурсов и состояния экологии соответствует концепции устойчивого развития, зародившейся в 1970-х годах. Данный подход лежит в русле духовно-нравственной экономики, поскольку во главу угла он ставит заботу о будущих поколениях. Еще основоположник традиционного институционализма Т. Веблен (1857–1920) выдвинул идею, что целевые установки наряду с рациональными соображениями определяют инстинкты, среди которых наиболее важны праздное любопытство, инстинкт мастерства и родительский инстинкт. Последний он трактует очень широко вплоть до внимания к общественному благу и стремления не нанести ущерба будущим поколениям¹. В свою очередь, лауреат Нобелевской премии по экономике Р. Солоу считал, что сохранение производственной способности в форме месторождений полезных ископаемых, капитального оборудования и технологического знания – вопрос скорее эффективности, чем справедливости².

¹ Veblen T. The instinct of workmanship and the state of the industrial arts. – New York: Routledge, 1990. – 408 p.

² Solow R. M. On the intergenerational allocation of natural resources // The Scandinavian journal of economics. – 1986. – Vol. 88, no. 1. – P. 141–149.

Далеко не все индикаторы, характеризующие духовно-нравственные принципы в рыночной экономической деятельности, имеют количественные оценки. В связи с этим особое внимание автор уделяет проблеме измерения и сравнительной оценки качества жизни в Республике Крым в сравнении с другими республиками России. Рассмотрим, какие духовно-нравственные показатели признаются значимыми на мировом уровне.

Отметим, что существующие оценки качества жизни человека далеко не однозначны – от узкого его понимания как субъективного восприятия до более широкого, которое включает показатели благосостояния и развития человека¹. Существует, например, подход, в котором акцент делается на расширении возможностей выбора человека, при этом не отрицается роль дохода².

По методологии ООН, которая отражает расширительную концепцию, благосостояние измеряется системой индикаторов, характеризующих здоровье, возможности приобретения товаров и пользования услугами, занятость и условия труда, образование, жилищные условия, социальное обеспечение, рекреацию и свободное время, личную безопасность, права человека, экологические условия.

Индекс устойчивого экономического благосостояния³ в числе социальных и нравственных индикаторов рассматривает уровень неравенства, а индекс инклюзивного развития⁴, помимо этого, включает медианный доход домохозяйства и уровень бедности. Индикатор подлинного прогресса⁵ учитывает свободное время граждан (ценность досуга, неоплачиваемая домашняя работа, воспитание детей,

---

¹ Human Development Report 1994. – URL: <https://www.undp.org/publications/human-development-report-1994> (дата обращения: 14.12.2022); Савченко П. В., Федорова М. Н., Шелкова Е. Ю. Уровень и качество жизни: понятия, индикаторы, современное состояние в России // Российский экономический журнал. – 2000. – № 7. – С. 66–73.

² Сен А. Об этике и экономике: пер. с англ. – М.: Наука, 1996. – 160 с.; Sen A. K. Development as capability expansion // Journal of development planning. – 1989. – No. 19. – P. 41–58.

³ Daly H. E., Cobb J. B. For the common good: redirecting the economy toward community, the environment, and a sustainable future. – Boston: Beacon Press, 1989. – 482 p.

⁴ The inclusive development index 2018: summary and data highlights. – Geneva: World Economic Forum, 2018. – 25 p.

⁵ Beyond GDP: the need for new measures of progress / R. Costanza, M. Hart, S. Posner, J. Talberth. – Boston: Pardee Center for the Study of the Longer-Range Future, 2009. – No. 4. – 37 p.

общественная и благотворительная деятельность), которое они могут направить на свое физическое, духовное, нравственное и культурное развитие.

При *втором подходе* применяются методы регрессионного и пространственного анализа для выявления тенденций и пространственных особенностей развития регионов, корреляционного анализа для выявления связей между экономическими и нравственными показателями¹, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать эволюцию субъектов Российской Федерации.

Корреляционно-регрессионный анализ позволяет выявить количественное выражение взаимосвязей экономических явлений и процессов. К сожалению, часто регрессионный анализ используют только для прогнозирования будущих тенденций, хотя получаемые результаты могут помочь оценить текущее состояние, поскольку регрессионная модель предоставляет информацию как о силе, так и о направлении анализируемых воздействий, что приводит к мощному инструменту для оценки и соответствующей корректировки текущей стратегии.

По нашему мнению, проблема сравнения Республики Крым с другими республиками России по уровню развития в разрезе 32 индикаторов официальной статистики может быть решена с использованием кластерного анализа, который позволяет выполнить деление множества объектов на однородные группы, выявить наиболее близкие между собой объекты в выбранном признаковом пространстве. При этом группировка объектов проводится по значительному числу выбранных для анализа параметров, которые могут иметь любые единицы измерения. Современные экономисты и другие специалисты активно развивают методы кластерного

---

¹ См., например: Баринаева В. А., Земцов С. П., Царева Ю. В. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 92–116; Картаев Ф. С., Полушин К. Е. Влияет ли рейтинг инвестиционного климата на экономическое развитие региона? // Вопросы экономики. – 2019. – № 5. – С. 90–102; Картаев Ф. С., Клачкова О. А., Лукьянова А. С. Как инфляция влияет на неравенство доходов в России? // Вопросы экономики. – 2020. – № 4. – С. 54–66; Нуреев Р. М., Нифаева О. В. Этические факторы повышения социального капитала в России // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 20–37; Zemtsov S., Muradov A., Wade I., Barinova V. Determinants of regional innovation in Russia: are people or capital more important? // Foresight and STI governance. – 2016. – Vol. 10, no. 2. – P. 29–42.

анализа для выявления типов регионов по уровню или особенностям экономического и духовно-нравственного развития¹.

Источником данных для анализа выступают, как правило, данные официальной статистики, результаты социологических опросов. В отдельных случаях применяется метод экспертных оценок, однако такой подход является достаточно субъективным, не позволяет обеспечивать воспроизводство результатов и проводить ретроспективный анализ.

Особый класс исследований составляют труды, посвященные выявлению и обоснованию взаимосвязи уровней экономического развития и отдельных базовых духовно-нравственных показателей. Такие исследования носят междисциплинарный характер и основываются не только на положениях и концепциях экономической науки, но и социологии, психологии, истории, географии, этнометрии². Среди них выделим ряд наиболее значимых.

«Всемирный обзор ценностей»³ – исследование общественного мнения с 1981 по 2020 г., предложенное социологом Р. Инглхартом, в рамках которого посредством опроса различных слоев населения формируется диаграмма (карта) ценностей людей разных стран или регионов. Исследование позволяет отслеживать изменения в ценностях, касающихся религии, отношений полов, трудовой мотивации, демократии, системы управления в стране, социального капитала, участия в политической жизни, толерантности, защиты окружающей среды и субъективного ощущения благополучия. На основе этих данных ученые проверяют гипотезы о влиянии духовно-нравственных императивов на экономическое и социальное

---

¹ См., например: Дементьев В. Е. Факторы дифференциации регионов по темпам экономического роста // *Terra Economicus*. – 2020. – Т. 18, № 2. – С. 6–21; Демидова О. А., Иванов Д. С. Модели экономического роста с неоднородными пространственными эффектами (на примере российских регионов) // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. – 2016. – Т. 20, № 1. – С. 52–75; Никитина Л. М., Куркин В. А. Применение кластерного анализа для оценки развития цифровой экономики регионов России // *Регион: системы, экономика, управление*. – 2020. – № 3 (50). – С. 28–38; Окунев И. Ю. Основы пространственного анализа: монография. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 253 с.

² Этнометрия – наука о количественном анализе особенностей национальных культур.

³ Inglehart – Welzel Cultural Map. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp?CMSID=Findings&CMSID=Findings> (дата обращения: 15.03.2023).

развитие территориальных сообществ¹. Автор настоящего исследования считает, что взгляды населения на жизнь играют ключевую роль в экономическом развитии, в возникновении и функционировании демократических институтов, в распространении равенства полов, а также влияют на эффективность управления. Отечественными экономистами проводится анализ идеологических предпочтений и ценностей в привязке к социально-экономическому состоянию региона, как правило, на примерах отдельных субъектов Российской Федерации².

Также заслуживает внимания типология культурных измерений Г. Хофстеде. Нидерландский социолог предложил совокупность показателей, определяющих культурные характеристики различных народов и описал влияние культуры общества на индивидуальные ценности своих членов, а далее – на их поведение. Он предложил шесть ключевых направлений, которые, по его мнению, являются ключевыми в определении социального, политического и экономического поведения человека: дистанцированность от власти, обособленность, мужественность, избегание неопределенности, стратегическое мышление и допущение (или индульгенция). Оценки показателей Г. Хофстеде можно проводить как по странам, так и по отдельным регионам России. В нашей стране подобные масштабные исследования, в том числе в разрезе регионов, проводились Центром изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук³, в рамках проекта «Евробарометр в России» Центра социологических исследований Российской ака-

---

¹ Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Наумов И. В., Козинская К. М. Неформальная институциональная среда социального предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 217–234; Брюханов М. В., Поляченко С. С. Отношение к государственному регулированию экономики: анализ международных данных // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 48 (423). – С. 26–38; Фомичева Т. В. Ценность работы для современных россиян (по результатам кросскультурных исследований) // Уровень жизни населения регионов России. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 136–141.

² См., например: Кришталь М. И. Идеологические предпочтения жителей Калининградской области в системе социально-политических отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 4. – С. 584–599; Латов Ю. В., Латова Н. В. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда // Мир России. Социология. Этнология. – 2007. – Т. 16, № 4. – С. 43–72.

³ Всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России» / Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН. – URL: <https://iphras.ru/page15984714.htm> (дата обращения: 11.11.2022).

демии народного хозяйства и государственной службы¹, а также группой исследователей Российской экономической школы и Института национальных проектов под руководством профессора А. А. Аузана². Полученные значения показателей культурных характеристик позволяют анализировать их связь и влияние на конкретные социально-экономические явления и процессы. Например, профессора Ю. В. Латов и Н. В. Латова на основе этнометрических исследований по Г. Хофстеду доказали, что «на ментальной карте мира российская экономическая ментальность – промежуточная между культурами мегацивилизаций Запада и Востока; существуют значимые корреляции между индексами ментальности, предложенными Хофстедом, и участием россиян в теневой экономике (в том числе в коррупционных отношениях)»³.

Отдельно хотим подчеркнуть перспективность исследований на региональном уровне взаимосвязи уровня институционального доверия и экономического развития. Если межстрановые исследования подтверждают прямое влияние уровня доверия на валовый внутренний продукт на душу населения⁴, то на уровне субъектов Российской Федерации подобные изыскания ограничены отсутствием релевантных данных.

Для оценки социально-экономического состояния региона исследователи применяют *целевой* (достижение стратегических целей развития региона), *адресный* (в зависимости от конечных пользователей результатов анализа), *функциональный* (обеспечение функций базовых институтов, подсистем) и *структурный* (оценка состояния отдельных компонент региона-социума) подходы⁵. Для задачи данного ис-

---

¹ Евробарометр / Портал социологических данных Российской академии народного хозяйства и государственной службы. – URL: <https://social.ranepa.ru/postoyannye-proekty/evrobarometr> (дата обращения: 12.03.2022).

² Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ / А. А. Аузан, М. А. Авдиенкова, Д. А. Андреева и др. – М.: ЦСР, 2017. – 189 с.

³ Латов Ю. В., Латова Н. В. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда // Мир России. Социология. Этнология. – 2007. – Т. 16, № 4. – С. 70–71.

⁴ Algan Y., Cahuc P. Inherited trust and growth // American economic review. – 2010. – Vol. 100, no. 5. – P. 2060–2092.

⁵ Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода: монография. – 3-е изд. – М.: URSS, 2007. – С. 45–46.

следования по кросс-территориальному сравнению субъектов Российской Федерации с учетом духовно-нравственных составляющих экономического роста оптимальным представляется структурно-функциональный подход, позволяющий предложить набор показателей разной природы, отражающих экономические, социальные и духовно-нравственные компоненты развития региона.

С целью обоснования выбора индикаторов определим сущность различных направлений развития региона-социума:

– экономическое развитие – рост валового регионального продукта, отражающий результаты эффективности деятельности в регионе, увеличение объема инвестиций, производительности, конкурентоспособности, а также возможности отвечать на внешние экономические вызовы и угрозы;

– социальное развитие – повышение качества жизни и совершенствование человеческого и социального капитала;

– духовно-нравственное развитие – изменение благосостояния территориального сообщества на основе принципов справедливости.

Первые попытки многостороннего исследования состояния субъектов Российской Федерации предпринимались в середине 1990-х годов¹ как ответ на резкое падение уровня жизни, усиление регионального и социального расслоения населения в условиях трансформационной экономики. Ныне комплексная оценка социально-экономического развития крепко укоренилась в методологии региональной науки. Однако наборы используемых в конкретных методиках параметров весьма разнообразны и зачастую субъективны² или неадекватны для задачи сопоставительного анализа³.

---

¹ См., например: Анализ тенденций развития регионов России в 1992–1995 гг.: отчет по программе TACIS «Экономические реформы в России: региональный аспект». – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 144 с.

² Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода: монография. – 3-е изд. – М.: URSS, 2007. – С. 59.

³ Суспицын С. А. Методы и модели координации долгосрочных решений в системе «национальная экономика – регионы»: монография / под ред. В. В. Кулешова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 152.

Таблица 1 – Обзор научных подходов современных отечественных экономико-географов и региональщиков к определению наборов показателей для комплексной оценки социально-экономического развития регионов

Авторы методики	Направление социально-экономического развития													
	Народное хозяйство, промышленность, ВРП	Инвестиции, фонды	Экспорт, импорт	Бюджетная обеспеченность	Предпринимательство	Демография	Занятость	Доходы	Расходы, потребление, услуги	Жилищный фонд	Образование	Здравоохранение	Инновации	Информатизация, связь
Г. Ю. Гагарина, Е. И. Дзюба, Р. В. Губарев, Ф. С. Файзуллин ¹	+	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-
С. П. Земцов, В. Л. Бабурин ²	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+
Р. М. Нижегородцев, Е. И. Пискун, В. В. Кудревич ³	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-
С. А. Суспицын ⁴	+	+	-	+		-	-	+	+	-	-	-	-	-
О. В. Скотаренко ⁵	+	+	+	+			+	+	+	+	+		+	
Примечание – Составлено автором.														

Анализ научных подходов современных отечественных экспертов к определению наборов показателей для комплексной оценки социально-экономического развития регионов (таблица 1) позволяет выделить базовые компоненты системы

¹ Гагарина Г. Ю., Дзюба Е. И., Губарев Р. В., Файзуллин Ф. С. Прогнозирование социально-экономического развития российских регионов // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, вып. 4. – С. 1080–1094.

² Земцов С. П., Бабурин В. Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, № 1. – С. 117–138.

³ Нижегородцев Р. М., Пискун Е. И., Кудревич В. В. Прогнозирование показателей социально-экономического развития региона // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, вып. 1. – С. 38–48.

⁴ Суспицын С. А. Методы и модели координации долгосрочных решений в системе «национальная экономика – регионы»: монография / под ред. В. В. Кулешова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. – 295 с.

⁵ Скотаренко О. В. Новые методы оценки уровня социально-экономического развития регионов России // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2012. – Т. 15, № 1. – С. 220–229.

региона, которые оказывают ключевое влияние на жизнедеятельность территориальных сообществ:

- промышленность и народное хозяйство;
- инвестиции;
- рынок труда;
- потребительский рынок;
- жилищный фонд;
- население;
- здравоохранение;
- образование;
- информационная инфраструктура.

Таким образом, научные исследования известных отечественных ученых затрагивают лишь отдельные аспекты регионального развития, влияющие на духовно-нравственный мир, не охватывая большинство значимых институций.

Вместе с тем востребованность расширения подхода на духовно-нравственные компоненты деятельности в границах региона-социума уже осознана органами федеральной власти. Так, в Перечень показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации¹ наряду с индикаторами социально-экономического положения включены доверие к власти, доля граждан, занимающихся добровольческой (волонтерской) деятельностью, условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности, число посещений культурных мероприятий, отражающих исключительно духовно-нравственные аспекты жизни региона-социума.

---

¹ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68.

В соответствии с духовно-нравственной парадигмой уточним комплекс индикаторов социально-экономического состояния региона путем отбора показателей, характеризующих обеспечение духовно-нравственной составляющей развития субъектов Российской Федерации и соответствующих институциям, выделенным в параграфе 1.1 (см. рисунок 1). Следует отметить, что для республик, входящих в состав России, особую роль в сравнении с иными субъектами страны играет такой институт, как этническая общность, уходящий корнями в «генетический код» региона и формирующий самоидентичность жителей региона-социума.

Перечень конкретных индикаторов, отражающих социо-экономико-нравственное положение республик, имеющихся в базах официальной статистики, представлен в приложении А. Предлагаемые индикаторы сформированы на основании структурно-функционального подхода и отражают следующие компоненты социально-экономического состояния региона в рамках духовно-нравственной парадигмы:

– демографические характеристики (в том числе коэффициенты демографической нагрузки, коэффициенты рождаемости, численность занятых, приходящихся на одного пенсионера и др.);

– здравоохранение и физическое здоровье населения (ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число больничных коек, число спортивных сооружений, выбросы загрязняющих веществ и др.);

– доходы с учетом принципов справедливости (медианная заработная плата, величина прожиточного минимума, коэффициент Джини, коэффициент фондов и др.);

– характеристики рынка труда (коэффициент напряженности на рынке труда, удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, среднее время поиска работы безработными и др.);

– уровень жизни с позиции достоинства (число собственных легковых автомобилей, общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного

жителя, удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг и др.);

- образование (численность студентов различного уровня);
- благотворительность (количество социально ориентированных некоммерческих организаций).

Для целей кросс-территориального сравнения использованы относительные индикаторы (из расчета на душу населения). Анализ динамики и кластеризация республик по выбранным параметрам будут проведены в следующем параграфе и позволят провести типизацию исследуемых субъектов Российской Федерации, отследить траекторию трансформации их социально-экономического состояния с позиций духовно-нравственной парадигмы.

Подводя итог, отметим следующее.

Во-первых, учитывая религиозные, этнические, культурные и исторические особенности российских республик, целесообразно подходить к ним в экономических исследованиях как к региону-социуму и включать в анализ духовно-нравственные аспекты жизни.

Во-вторых, духовно-нравственная парадигма дает методологический базис для решения сложной задачи комплексной оценки социально-экономического развития с учетом духовно-нравственных индикаторов, однако актуальным остается вопрос о формировании конкретной методики такого анализа.

В-третьих, в структуре экономики Республики Крым заметную роль играет социокультурная составляющая, здравоохранение и социальные услуги, которые в итоге формируют в пространстве полуострова мощный курортно-рекреационный комплекс с необходимой природно-ресурсной обеспеченностью.

2.2. Ковариационный анализ экономики Республики Крым на основе духовно-нравственных индикаторов

Крым обладает рядом конкретных преимуществ и ключевых факторов, и условий, позволяющих отнести его к типу развитых и исключительно значимых субъектов Российской Федерации, расположенных в стратегически важном Азово-Черноморском регионе России¹. Выделим наиболее важные.

Во-первых, уникальное геоэкономическое, геополитическое и транспортно-географическое положение, «место силы» всей русской земли². С самого зарождения Древнерусского государства Крыму досталась сакральная роль в зарождении и развитии России. Размещаясь на стыке Евразии и Средиземноморья, этих двух важнейших ойкумен мировой экономики и культуры, Крым постепенно впитывал эти культуры и в конце концов логично перенял мировоззрение и ментальность православия Византии.

---

¹ Аметов Р. Ф. Региональные особенности развития хозяйственного комплекса Крыма. – Донецк: ИЭПИ НАН Украины, 2001. – 282 с.; Багров Н. В. Крым – модельный регион устойчиво-ноосферного развития // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2010. – Т. 6, № 1–2. – С. 5–12; Нехайчук Д. В., Тарасов В. И., Трофимова В. В. Долгосрочные тренды развития Крыма: социально-экономический аспект: монография. – Симферополь: Крымский институт бизнеса, 2015. – 320 с.; Симченко Н. А., Цёхла С. Ю. Ретроспективы экономических экспериментов в Крыму: уроки и успехи: монография. – Симферополь: Ариал, 2016. – 232 с.; Региональная экономика Крыма: точки роста: монография / Л. М. Борщ, С. Ю. Цёхла, Н. А. Симченко и др. – Симферополь: Антиква, 2017. – 284 с.; Цифровая экономика: развитие территорий и отраслей: монография / под науч. ред. Н. В. Апатовой. – Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2018. – 242 с.; Территория и общественное развитие: когнитивный анализ в геоэкономическом контексте: монография / М. Г. Никитина, В. В. Побирченко, Е. А. Шутаева, Д. Б. Мираньков. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2018. – 262 с.; Анализ тенденций социально-экономического развития Республики Крым: монография / под ред. Ю. П. Майданевич. – Симферополь: Полипринт, 2019. – 362 с.; Устойчивое развитие промышленности в условиях цифровой поляризации: монография / Н. А. Симченко, Р. Р. Тимиргалеева, С. Ю. Цёхла и др. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2022. – 242 с.; Механизм управления экономическим потенциалом пространственной структуры региона: монография / А. В. Олифинов, Д. А. Мардар, Д. А. Хижак и др.; под общ. ред. А. В. Олифинова. – Симферополь: Ариал, 2022. – 156 с.; Социокультурная трансформация регионального развития Крыма: монография / Д. А. Вольхин, И. Н. Воронин, С. А. Гуков и др. – Симферополь: Ариал, 2022. – 218 с.

² Шляхторов А. Г. Без Крыма России не быть! «Место силы» всей Русской Земли. – М.: Эксмо: Яуза, 2017. – 256 с.

Во-вторых, геоэкономическая и политико-государственная субъектность была придана Крыму в результате вхождения его в 2014 г. в геоэкономическое и геополитическое пространство России, что означает в первую очередь концентрацию усилий и действий на рациональном объединении общегосударственных и региональных интересов. Геоэкономическая и политико-государственная субъектность Крыма понимается не только как наличие собственных региональных интересов, но и как существование «сформированной региональной идентичности у населения, осознания им функции и значения своего региона во внешней и внутренней политике государства, в которое этот регион входит, и готовность политико-управленческой элиты реализовать и защитить все преимущества и уникальность региона»¹. Специфика хозяйственной деятельности в Крыму обусловлена как сменой политико-государственной субъектности региона, так и созданием новых институтов управления регионом, приобретением новых компетенций, формированием способности к самоуправлению, созданию новых партнерских отношений с бизнес-структурами, определению собственной ниши в российском межрегиональном разделении труда и т. п.²

В-третьих, Крым с началом специальной военной операции стал своеобразным прифронтовым регионом, ведущим важную созидательную работу со всеми новыми субъектами Российской Федерации, а также в интеграции в российское законодательство. В 2023 г. подписано соглашение между Советом министров Республики Крым и правительством ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей о торгово-экономическом, научно-техническом и культурно-гуманитарном сотрудничестве. Благодаря сухопутному коридору, обеспеченному специальной военной операцией, появилась возможность восстановления единых хозяйственных связей, которые в советские годы объединяли Донбасс, Херсонщину и Запорожье.

---

¹ Социокультурная трансформация регионального развития Крыма: монография / Д. А. Вольхин, И. Н. Воронин, С. А. Гуров и др. – Симферополь: Ариал, 2022. – С. 26.

² Воронин И. Н., Ожегова Л. А., Швец А. Б. Факторы и механизмы трансформации территориальной структуры и характера протекания социокультурных процессов в Республике Крым и городе Севастополе // Ученые записи Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. География. Геология. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 36–49.

В-четвертых, Крым решает задачи особой значимости, которые объективно обусловлены наличием уникального природного рекреационно-курортного потенциала, формированием на его основе мощного многофункционального санаторно-курортного и туристического оздоровительного комплекса всероссийского масштаба. Он способен в полной мере удовлетворить разнообразные рекреационные потребности населения страны с благоприятным физиотерапевтическим эффектом, а также может добиться нормального функционирования отраслей хозяйства, специализирующихся на производстве рекреационных товаров и услуг.

В-пятых, в пространстве региона сложились не только устойчивые производственно-технологические связи, но и исторически укоренились традиционные этно-социальные, культурно-бытовые, конфессиональные связи и отношения, которые соответствовали геополитическим, этнодемографическим и иным местным условиям и обеспечивали внутрирегиональную связность территории. Здесь на протяжении веков сложились территориальные общности людей, обладающие региональным (или локальным) самосознанием, в них исторически сформировались специфические традиции, быт, образ жизни, сложились свои наборы историко-культурных ценностей, символов, образов, мифов, сохраняется историческая память, идея своего региона (своей местности). Они формируют уникальный «генетический код» территории (региона).

В-шестых, экономика Республики Крым в настоящее время оказалась между двух огней – быстрых и жестких санкций Запада, включая военную операцию на Украине, с одной стороны, и внутренних ограничений, стимулов российских властей, пытающихся стабилизировать погружающуюся в кризис экономику региона, с другой стороны. По своей сути данная ситуация – это новая реальность, форма существования и функционирования экономики Республики Крым в настоящее время. Она влечет за собой ряд типичных кризисных явлений: ускорение инфляции, дальнейшее падение темпов экономического развития, а в ближайшее время – падение уровня жизни, высокие цены на ресурсы и роста безработицы. Продолжает проседать и банковский сектор, хотя между банками (Банк «Россия», ПСБ) усиливается конкуренция. В результате экономика республики быстро трансформируется,

изменяется и уже не может вернуться к прежней ситуации. Происходящие в экономике события на длительном горизонте времени воспринимаются, с одной стороны, как стресс, а с другой – как окно возможностей, открытие новых свободных ниш.

В-седьмых, системный подход к исследованию проблем региональной экономики применяется для изучения сложноорганизованных территориальных социально-экономических систем, каковой и является Республика Крым, а также для анализа тенденций и многообразных экономических преобразований, происходящих здесь за последние годы, в частности, после присоединения Крыма к России.

В-восьмых, мы предлагаем рассматривать экономику Крыма с позиций мезооснований, т. е. на основе структурных представлений, под влиянием примата целостности экономики региона¹. Кроме того, с учетом авторских целевых установок мезоэкономические основания позволяют исследовать развитие региональной экономики, обусловленное поведенческими характеристиками.

В-девятых, очевидно, что повышение эффективности региональной экономики представляет собой главный способ успешного решения стоящих перед страной и ее регионами многообразных экономических и социальных задач. Одновременно и социально-экономическим факторам принадлежит значительная роль в повышении производительности труда и экономической эффективности общественного производства, т. е. связь между экономической и социальной эффективностью достаточно сложная.

В-десятых, усиливается влияние возрастающих экономических рисков, в том числе финансовых (в частности, превышение расходов по отношению к запланированным, изменение курса валют и др.), маркетинговых (изменение туристских потоков, переориентация социальных сетей и т. п.), внутренних рисков конкретного предприятия, а также политических рисков (связанных с закрытием границ, специ-

---

¹ Мезоэкономика: элементы новой парадигмы: монография / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер. – М.: ИЭ РАН, 2020. – С. 25.

альной военной операцией, санкциями западных стран, сложностями с авиасообщением, изменением в международных платежных системах и др.)¹.

Рассмотрим с этих принципиальных оснований динамику развития хозяйства нового субъекта Российской Федерации – Республики Крым за 2015–2020 гг., а также проведем ковариационный (сопряженный) анализ индикаторов развития экономики изучаемого региона с другими аналогичными регионами страны, в данном случае с республиками Российской Федерации. В региональном анализе экономических процессов важную роль играют коэффициенты (индексы) локализации разных отраслей хозяйства на территории региона, которые характеризуют степень концентрации отрасли (таблица 2).

Таблица 2 – Значения коэффициента локализации* отраслей хозяйства на территории Республики Крым

Вид экономической деятельности	По среднегодовой численности занятых в экономической деятельности		По стоимости валового регионального продукта	
	2021	2015	2019	2014
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство	1,60	1,88	1,49	4,56
Добыча полезных ископаемых	0,56	0,50	0,22	0,29
Обрабатывающие производства	0,63	0,53	0,50	0,27
Обеспечение электроэнергией, газом, паром, кондиционирование воздуха	0,83	1,14	1,38	1,76
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность ликвидации загрязнений	1,40	–	2,20	–
Строительство	1,02	1,04	1,80	0,81
Торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	1,10	1,03	1,06	0,9
Транспортировка и хранение	0,86	1,01	0,55	0,72
Деятельность гостиниц и предприятий общепита	1,80	2,15	3,00	1,64

¹ Латышева А. А., Мозокина С. Л., Хорева Л. В., Шраер А. В. Инновационные подходы к организации услуг санаторно-курортного туризма // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 3 (135). – С. 86.

Продолжение таблицы 2

Вид экономической деятельности	По среднегодовой численности занятых в экономической деятельности		По стоимости валового регионального продукта	
	2021	2015	2019	2014
Деятельность в области информации и связи	0,59	–	0,70	–
Деятельность с операциями с недвижимым имуществом	1,00	0,45	1,48	0,28
Образование	1,02	1,06	1,33	1,94
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	1,31	1,32	2,05	2,49
<p>Примечание – Составлено автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – С. 164–166, 530–531; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 1112 с.; Статистический ежегодник. Республика Крым. 2020: стат. сб. / Крымстат. – Симферополь, 2021. – С. 46–48, 136.</p> <p>* Коэффициент локализации отрасли на территории региона рассчитывается как отношение удельного веса (доли) отрасли в хозяйстве региона к удельному весу этой отрасли в хозяйстве страны: $K_{л} = \frac{O_p}{X_p} \times 100 / \frac{O_c}{X_c} \times 100$, где O_p – отрасль региона, X_p – хозяйство региона, O_c – отрасль страны, X_c – хозяйство страны.</p> <p>Расчеты производились по среднегодовой численности занятых в экономической деятельности и стоимости ВРП. Коэффициент локализации показывает степень концентрированности данной отрасли в данном регионе. При значении коэффициента больше единицы предполагается считать данную отрасль отраслью специализации; чем выше это значение, тем более ведущей считается отрасль в регионе.</p>				

Как показывают данные таблицы 2, коэффициент более единицы при анализе всех отдельных отраслей Крыма по базовым показателям (численность занятых и стоимость ВРП) наиболее значим для сельского хозяйства и рыболовства, а также для деятельности в области здравоохранения и социальных услуг. Эта информация оказывается весьма важной как для оценки достижений различных программ развития, так и для экономических прогнозов.

Более удовлетворительным и результативным с методологической и практической точек зрения представляется метод анализа структуры хозяйства исследуемого региона (таблица 3).

Таблица 3 – Динамика отраслевой структуры хозяйства Российской Федерации и Республики Крым (по среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности в 2015, 2020 и 2021 гг.), % к общей численности занятых

Отрасль	2015		2020		2021	
	Российская Федерация	Республика Крым	Российская Федерация	Республика Крым	Российская Федерация	Республика Крым
Обрабатывающие производства	14,4	7,7	14,0	8,8	14,1	8,5
Социальная инфраструктура:	35,5	41,0	35,3	42,0	35,1	42,7
– торговля оптовая и розничная, ремонт	18,8	19,4	18,8	20,7	18,7	21,2
– деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2,0	4,3	2,5	5,1	2,6	5,4
– образование	8,1	8,6	7,7	7,9	7,5	7,8
– деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	6,6	8,7	6,3	8,3	6,3	8,3
Всего занято в народном хозяйстве	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<p>Примечание – Составлено автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – С. 164–167; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 126–127; Статистический ежегодник. Республика Крым. 2020: стат. сб. / Крымстат. – Симферополь, 2021. – С. 46–48; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – С. 126–127.</p>						

Данные таблицы 3 наглядно свидетельствуют о том, что отрасли специализации Крыма за 2015–2022 гг. существенно увеличили свою значимость. Так, отрасли социальной инфраструктуры рассматриваемого региона увеличили свой удельный вес в структуре хозяйства региона с 41,0 % в 2015 г. до 42 % в 2020 г.

По данным Крымстата, валовой региональный продукт Крыма вырос с 265 970,6 млн р. в 2015 г. до 515 610,8 млн р. в 2020 г. (в 1,94 раза).

Проведем сопряженный (ковариационный) анализ индикаторов развития экономики региона, характеризующих духовно-нравственные принципы в рыночной экономике, в сопоставлении с другими 22 республиками Российской Федерации.

Профессор Международного института управления развития в Лозанне А. Брис в одной из статей предлагает новый подход к оценке экономического благосостояния людей в исследуемой стране. Ученый предлагает дополнительно критерии оценки, среди которых так называемые «индексы счастья» и «индексы удовлетворенности жизнью»¹. На смену объективным показателям все чаще приходят субъективные.

В проводимом исследовании акцент делается на анализе достижений социальной справедливости и выбраны те показатели официальной статистики, которые характеризуют этот аспект развития регионов. Автор проводит сравнение республик России по величине этих индикаторов.

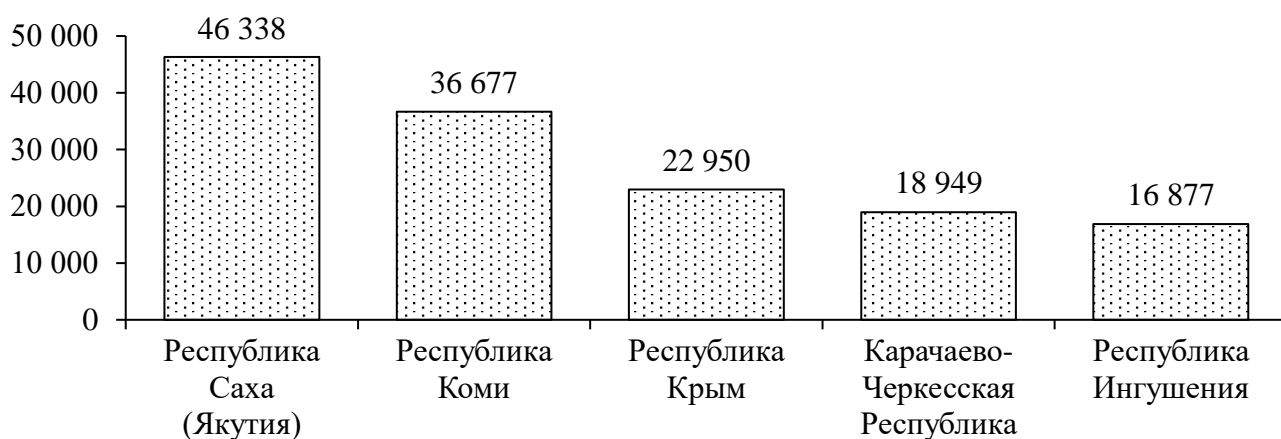
Широта и полнота используемого набора индикаторов определяется наличием достоверной статистической базы данных. К сожалению, официальная статистика позволяет оценить далеко не все направления, характеризующие достигнутый уровень социальной справедливости.

Доходы населения – главный индикатор его благосостояния. Различия в доходах в определенной мере обусловлены неодинаковым размером семьи и региональными различиями в заработной плате работающих членов семьи. Одной из предпосылок региональной дифференциации заработной платы являются различия в структуре хозяйства и отраслевая дифференциация заработной платы. Поскольку средняя заработная плата в республиках с большой долей сельского хозяйства в экономике чаще всего ниже, а средний размер семей в тех же республиках выше, оба эти фактора, как правило, действуют в одном направлении.

На рисунке 2 показаны среднедушевые доходы населения в Республике Крым, двух республик с наиболее высокими доходами и двух с наиболее низкими. Среди республик России по величине среднедушевых доходов Крым занимает 15-е место.

---

¹ Брис А. ВВП умер. Да здравствует счастье // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/3234698> (дата обращения: 15.03.2023).

Примечание – Составлено автором.

Цифра вверху столбца гистограммы показывает место, которое занимает республика по величине среднедушевых денежных доходов населения в России.

Рисунок 2 – Среднедушевые денежные доходы населения в 2020 г., р. в месяц

Одним из статистических индикаторов региональной дифференциации является коэффициент Джини (таблица 4).

Таблица 4 – Динамика коэффициента Джини в Республике Крым за 2016–2020 гг.

Год	Значение коэффициента Джини
2016	0,329
2017	0,340
2018	0,348
2019	0,335
2020	0,332

Примечание – Статистический ежегодник. Республика Крым. 2020: стат. сб. / Крым-стат. – Симферополь, 2021. – С. 67.

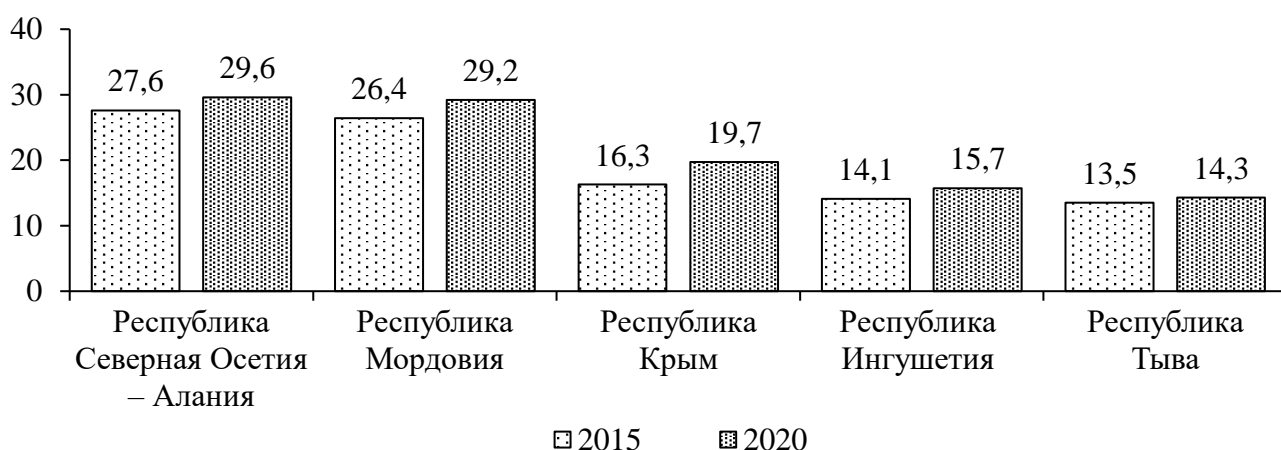
Самые низкие значения коэффициента Джини наблюдаются в Республиках Крым и Ингушетия, а самые высокие – в республиках Адыгея и Башкортостан.

Отмечается рост медианной заработной платы во всех республиках России, при этом в Крыму – самый высокий процент роста данного показателя.

В мировой практике оценка качества жизни учитывает жилищные условия. Наличие жилья и его качество определяет множество других возможностей чело-

века. В целом жилье для человека традиционно было одним из главных приоритетов его существования.

Наибольший процент роста площади жилых помещений, приходящейся на одного жителя, отмечается в Крыму (21 %), а наименьший – в Бурятии (3 %) (рисунок 3).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3 – Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя

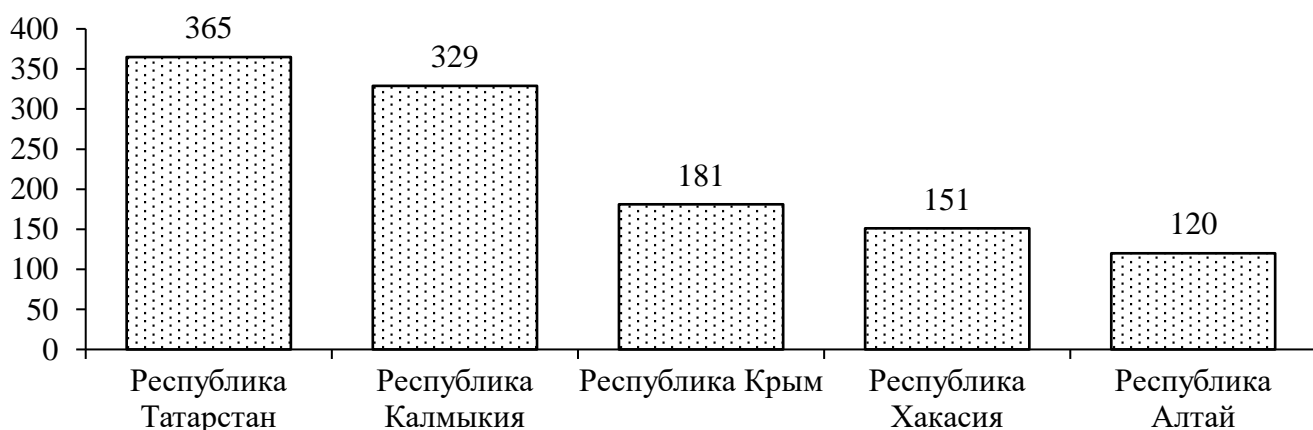
Сокращается доля аварийного жилищного фонда. По величине удельного веса аварийного жилищного фонда Крым занимает второе место среди республик России.

Поскольку основная часть денежных доходов населения реализуется через *торговлю*, уровень ее развития в значительной мере определяет возможность превращения номинальных денежных доходов в реальные потребительские стоимости. По величине оборота розничной торговли на душу населения среди республик России Крым в оба периода, взятых для анализа, занимает 14-е место.

Каждый тип (отраслевой) структуры народного хозяйства предъявляет определенные требования не только к профессиональной квалификации, но и к *общеобразовательной подготовке кадров*. С точки зрения изучения региональных различий имеет смысл обратить внимание не только на достигнутый уровень образования сам по себе, но и на возможность эффективного использования полученного

образования в народном хозяйстве. Как показывает анализ, акцент по программам подготовки в республиках различается. Есть республики, где основное внимание уделяется программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, другие делают акцент на подготовку специалистов среднего звена, третьи – на программы подготовки бакалавриата, специалитета и магистратуры. Так, Республика Алтай среди республик России лидирует по подготовке специалистов среднего звена, но занимает последнее место по численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры.

В Крыму наиболее значительная часть населения обучается по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Среди республик России по данному направлению подготовки Крым занимает 14-е место и 60-е по стране в целом. В то же время по численности студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, Крым занимает последнее место среди республик России и 81-е по стране в целом. По численности студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, Крым занимает 19-е место среди республик России, при этом значительно опережая аутсайдеров по указанному направлению подготовки (рисунок 4).

Примечание – Составлено автором.

Над столбцами гистограммы указано место, которое занимает республика в России.

Рисунок 4 – Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 чел. населения, чел.

При оценке качества жизни необходимо учитывать такие показатели, как *здоровье населения* и экологические условия проживания.

Одним из настораживающих явлений современного этапа развития выступает ухудшение качества среды обитания человека. Проводимые повсеместно исследования фиксируют ухудшение качества воды и воздуха, особенно в крупных городах. Экологический фактор в настоящее время оказывает существенное влияние на качество жизни населения с уже заметными негативными последствиями. Проблемы качества атмосферного воздуха связаны с выбросом большого количества вредных веществ. Основным источником загрязнения атмосферного воздуха является автотранспорт, но свой вклад вносят и стационарные источники. При этом намечается рост объемов промышленного производства и продолжается интенсивный рост количества автомобилей.

Как видно из рисунка 5, рассматриваемая ситуация в Крыму достаточно благоприятная: он занимает 12-е место среди республик России, при этом объем выбросов в Крыму в 12 раз меньше, чем, например, в Башкортостане, который занимает последнее место по данному показателю.

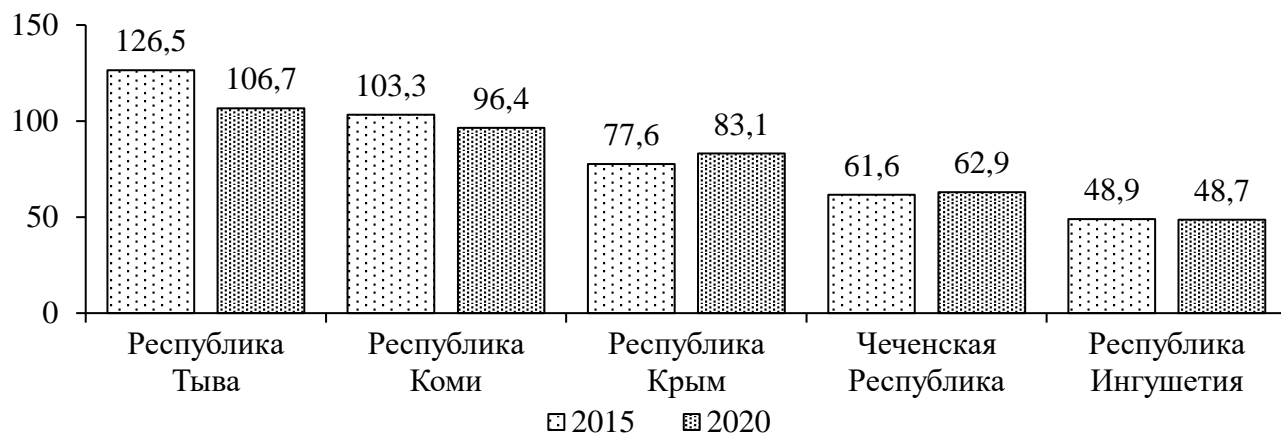
Примечание – Составлено автором.

Рисунок 5 – Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. т

Проблема организации и совершенствования системы здравоохранения никогда не теряла своей актуальности. Поэтому при выполнении сравнительного анализа качества жизни в республиках России этот показатель также учитывался.

Если обратиться к показателю числа больничных коек на 10 000 чел. населения, то его значение в 2020 г. по сравнению со значением в 2015 г. демонстрирует снижение показателя в 14 республиках России (рисунок 6).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 6 – Число больничных коек, ед. на 10 000 чел. населения

Наибольший процент снижения показателя отмечается в Удмуртской Республике и Республике Саха (Якутия) – на 17 % и 18 % соответственно, а наибольший рост данного показателя выявлен в Карачаево-Черкесской Республике (13 %) и Республике Северная Осетия – Алания (9 %).

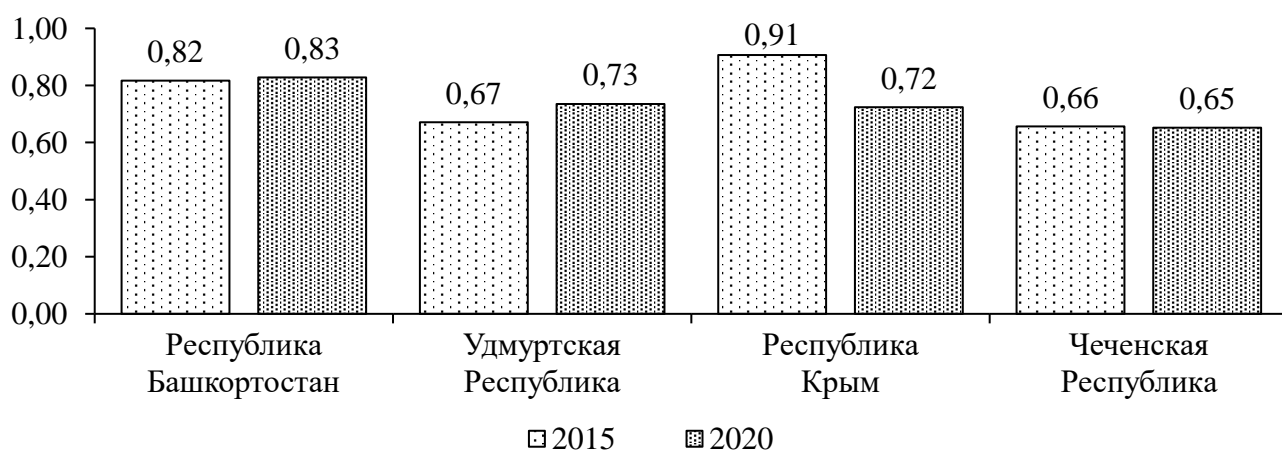
На рисунке 6 представлены данные по Республике Крым и тем республикам, в которых наблюдаются наиболее высокие и наиболее низкие значения рассматриваемого показателя. В Крыму число больничных коек на 10 000 чел. населения увеличилось на 7,1 %.

С каждым годом среди населения России увеличивается приверженность к здоровому образу жизни и занятиям спортом. Естественно, условия, созданные для занятия спортом в республиках России, неодинаковы. Чтобы существенно не увеличивать количество анализируемых показателей, для анализа взята сумма плоскостных спортивных сооружений (площадки и поля), спортивных залов и плавательных бассейнов на 1 000 чел. населения. Как показал анализ статистических данных, в пяти республиках значение названного показателя снизилось, тогда как

в остальных 17 республиках увеличилось. Наибольшее снижение наблюдается в Республике Татарстан, а наибольший рост – в Республике Калмыкия. В Республике Крым произошло незначительное снижение числа названных спортивных сооружений.

Показатель среднедушевых денежных доходов населения в определенной мере характеризует жизненный уровень, однако, по мнению автора, следует уделить внимание и той доле, которую составляют *потребительские расходы в доходах* населения. Поскольку в состав потребительских расходов включаются только расходы, направленные на приобретение потребительских товаров и услуг, то с определенной условностью можно оценить объем денежных средств, которые могут быть направлены на другие нужды (например, на оплату, капитальный ремонт жилых помещений, приобретение предметов искусства и т. д.). Данный показатель позволяет оценить затраты домашних хозяйств на личное потребление.

Как показали расчеты, доля потребительских расходов в составе среднедушевых доходов в 2020 г. по сравнению с 2015 г. снизилась в большинстве республик России (15 республик). Наибольшее снижение показателя наблюдается в Крыму, а наименьшее – в Чеченской Республике. Рост значения показателя отмечается в семи республиках, при этом наибольший рост характеризует Удмуртскую Республику, а наименьший – Республику Башкортостан (рисунок 7).

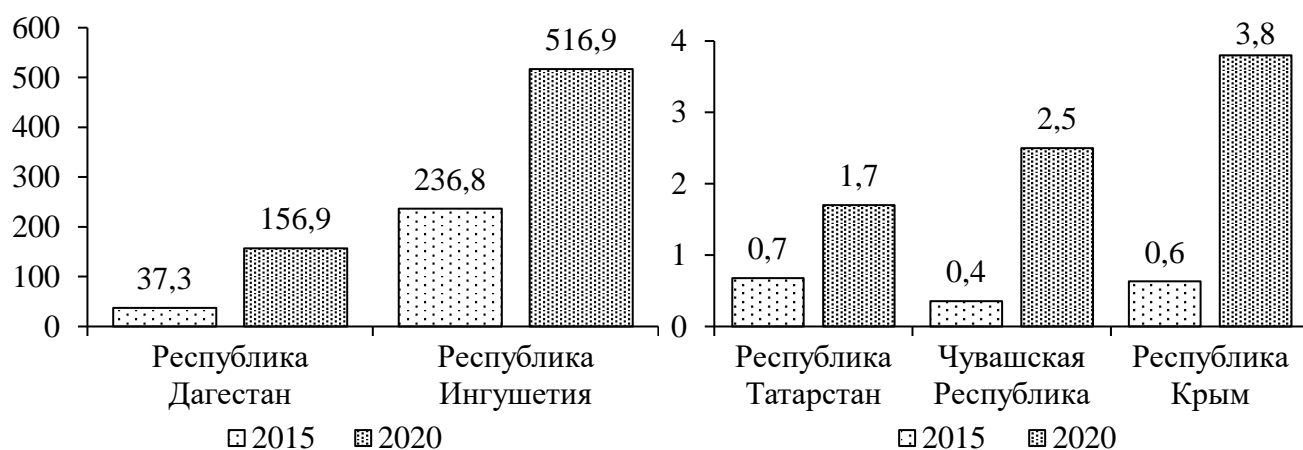

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 7 – Доля потребительских расходов в среднедушевых доходах населения, %

Поскольку нарушение социально-экономических прав человека связано с ростом *безработицы*, анализ проводился с учетом ситуации на рынке труда республик России. Одним из наиболее информативных в выбранном для анализа перечне показателей является так называемый коэффициент напряженности, который рассчитывается как отношение среднегодовой численности безработных к среднегодовому числу вакансий.

Как видно из рисунка 8, ситуация на рынках труда в республиках России крайне неоднозначна. В левой части рисунка показаны республики, в которых на одну заявленную вакансию приходится до 517 чел., а в правой части – те республики, в которых ситуация наиболее стабильная. Отметим, что во всех республиках увеличивается нагрузка на одну заявленную вакансию. В Крыму значение этого показателя в 2020 г. по сравнению с 2015 г. выросло на 3,2.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 8 – Коэффициент напряженности на рынке труда

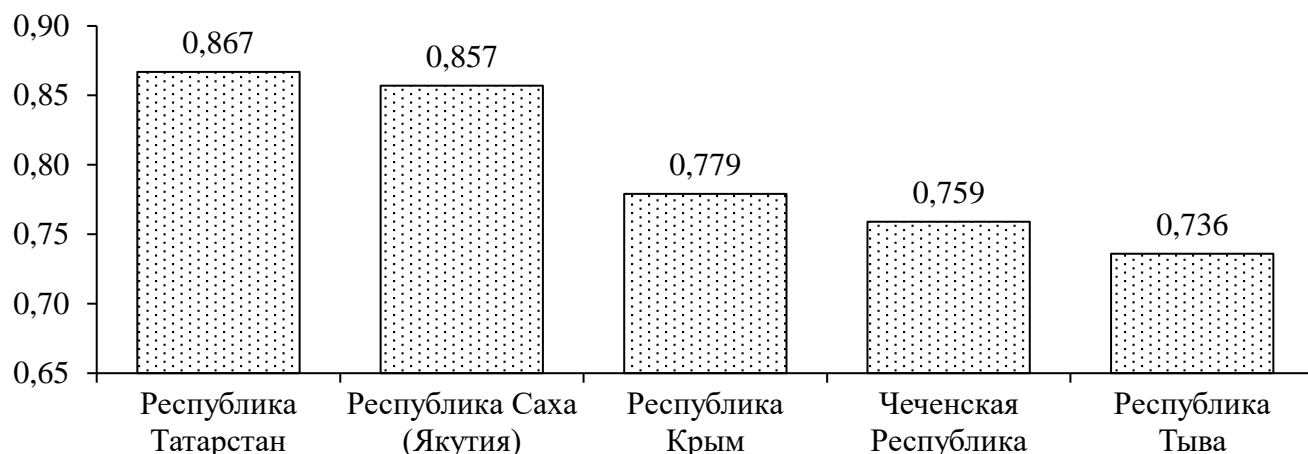
Президент РФ в своих посланиях Федеральному Собранию отмечал необходимость повышения качества *социальных услуг*. Согласно законопроекту, который 7 июля 2020 г. Государственная дума передала в Совет Федерации, социально ориентированные некоммерческие организации (СОНКО) смогут принимать активное участие в процессе оказания социальных услуг. На территории России эти организации решают определенные социальные проблемы. Для корректной оценки по информации из реестра социально ориентированных некоммерческих организаций

сформированном 30 июля 2021 г. учитывалось количество СОНКО на тысячу человек населения. По величине данного показателя Республика Крым в составе республик России занимает 17-е место.

В качестве интегрального показателя ВРП на сегодняшний день наиболее распространен *индекс человеческого развития*¹ (ИЧР), который оценивается службой государственной статистики по субъектам Российской Федерации. Как отмечалось, некоторые регионы включают ИЧР в качестве ключевого показателя в свою стратегию социально-экономического развития.

В регионах России отмечается неравенство населения по величине среднедушевого дохода. Такие составные части человеческого потенциала, как доход, образование и долголетие, являются разбалансированными: например, высокий индекс долголетия может сочетаться с низким индексом образования. Перечисленные явления снижают объективность оценки ИЧР. Более того, в расчет ИЧР введены новые показатели, связанные с экологической ситуацией.

На рисунке 9 показаны Республика Крым, две республики с наиболее высоким значением ИЧР и две республики с наиболее низким.

Примечание – Составлено автором.

Над каждым столбцом гистограммы приведены значения рейтинга среди всех регионов России.

Рисунок 9 – Индекс человеческого развития в республиках России

¹ Human development report 1990: concept and measurement of human development. – New York: United Nations Development Programme, 1990. – 189 p.

В целом для проведения последующего анализа будет использоваться 31 показатель официальной статистики по 22 республикам России (приложения Б, В).

Для корректного использования собранной статистической информации выполнялся ее дополнительный анализ, который включает меры центральной тенденции, меры изменчивости и меры формы (приложение Г).

Как показал проведенный анализ, вариабельность большинства показателей, для которых проводился анализ, в 2015 и в 2020 гг. невысокая, так как рассчитанный автором коэффициент вариации не превышает единицу, т. е. отклонение от математического ожидания не превышает его величину.

Поскольку на практике малыми значениями асимметрии и эксцесса можно пренебречь, определялась их значимость на основе средней квадратической ошибки (приложение Г).

Учитывая значения квадратической ошибки асимметрии и коэффициента вариации, можно сделать дополнительные выводы о показателях, взятых для анализа. В приложении Г (таблица Г.1) приведен перечень показателей, для которых вариабельность достаточно высокая и для которых нельзя пренебречь имеющейся асимметрией.

Значительный разброс значений отмечается у показателей, характеризующих занятость населения, таких как коэффициент напряженности на рынке труда и нагрузка незанятого населения в расчете на одну заявленную вакансию, как в 2015 г., так и в 2020 г. По величине удельного веса аварийного жилищного фонда в 2015 г. разброс значений показателя можно признать значительным, но к 2020 г. вариабельность показателя снизилась до нормального значения.

У всех показателей, приведенных в таблице Г.1, наблюдается правосторонняя асимметрия, т. е. в распределении показателя преобладают более высокие значения как в 2015 г., так и в 2020 г. Для показателей, не включенных в упомянутую таблицу, значением асимметрии можно пренебречь, а их вариабельность приближена к нормальной.

Проведенный выше анализ не позволяет получить комплексную оценку качества жизни по всей совокупности выбранных показателей. Показатели имеют

разную размерность, анализ абсолютного отклонения от лучшего значения достаточно трудоемкий, а главное, малоинформативный.

Для получения убедительно доказательных результатов необходимо разработать интегральный показатель. Преимущество интегрального показателя заключается в том, что он представляет собой безразмерную величину, которая формируется с учетом всего набора показателей качества жизни, выбранных для анализа. В этом случае выбранный набор показателей качества жизни как многомерного явления упрощается и формализуется, появляется возможность свести его в единую оценку. Получаемый результат позволяет достаточно эффективно проводить сравнение объектов, в нашем случае – республики России. Отметим, что широкий перечень используемых показателей позволяет получить более надежную систему счета и более достоверные результаты.

На основе официальных статистических данных автором сконструирован интегральный, или обобщенный, индекс качества жизни Q :

$$Q = \frac{\sum_{k=1}^n R_k}{n}, \quad (5)$$

где n – количество показателей качества жизни населения, в нашем случае $n = 31$ (приложение Б).

$$R_k = \frac{P_k}{\max_j \{P_k\}}, \quad k = \overline{1, n}, \quad (6)$$

где P_k – численные значения показателей, взятых для характеристики качества жизни в республиках России; j – количество республик.

Широкий диапазон численных значений анализируемых показателей приводит к необходимости их нормирования, что позволяет получить сопоставимые

оценки. Показатели качества жизни (величины P_k) были нормированы на их максимальные значения по выбранным для сопоставления республикам (величины R_k).

Интегральный, или обобщенный, индекс качества жизни Q рассчитывался как среднее значение нормированных оценок. В проводимом исследовании использовались невзвешенные оценки, т. е. предполагалось, что все выбранные показатели одинаково важны для общего результата.

Значения обобщенного индекса качества жизни Q , рассчитанного по изложенной выше методике в 2015 и в 2020 гг., приведены в приложении Д.

Согласно проведенным расчетам, за пять лет в составе Российской Федерации в Республике Крым индекс качества жизни Q увеличился, республика по величине этого индекса переместилась с 17-го места на 12-е. Добавим, что многие аспекты качества жизни в Крыму не затронуты официальной статистикой, так как касаются исключительно Республики Крым и не вносятся в общий перечень социально-экономических показателей регионов России (например, строительство крымского моста, восстановление водоснабжения, электроснабжения, строительство и реставрация дорог и т. д.).

Что касается других республик России, то в 2015 г. наиболее высокое значение индекса качества жизни отмечалось у Республики Татарстан (0,601), второе место с практически одинаковым значением индекса (0,583) поделили Республики Адыгея и Башкортостан, на третье место вышла Чувашская Республика (0,574). Наиболее проблемными по значениям индекса качества жизни оказались республики Тыва (0,482), Карачаево-Черкесская (0,465) и Ингушетия (0,319).

Дополнительно по изложенной методике рассчитывался обобщенный индекс по выделенным блокам показателей (приложение Б). Если проводить анализ по выделенным блокам, то по блоку «Занятость и безработица» Республика Крым поднялась с 12-го места на 3-е. Существенно улучшились значения таких показателей, как среднее время поиска работы безработными и удельный вес безработных, ищущих работу в течение года и более. В оба анализируемых периода в состав лидеров по данному блоку входит Татарстан, в 2015 г. к нему присоединялись республики Марий Эл и Удмуртия, а в 2020 г. – Адыгея и Крым.

По блоку «Денежные доходы» Республика Крым также улучшила свои позиции, поднявшись с 20-го на 15-е место. Особо отметим, что по показателям, характеризующим степень социального расслоения (коэффициент Джини и коэффициент фондов) Крым находится в числе лидеров, занимая по их величине в 2015 г. 1-е место, а в 2020 г. – 4-е. Однако по показателю «стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг» Крым переместился с 4-го места на 16-е. По мнению автора, это связано с переходом от гривны к рублю, уходом из Крыма достаточно большого количества украинских магазинов. Лидируют по блоку «Денежные доходы» и в 2015 г., и в 2020 г. республики Хакасия и Удмуртия. В 2015 г. к ним присоединялась Республика Карелия, а в 2020 г. ее заменил Татарстан.

По блоку «Жилищные условия» в целом ситуация практически не изменилась, но она изменилась по отдельным показателям. По вводу в действие жилых домов на 1 000 чел. населения Крым перемещается с последнего 22-го на 12-е место. Но в то же время ухудшается индекс сравнения по удельному весу расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг (переход с 3-го места на 12-е) и по удельному весу аварийного жилищного фонда (переход с 8-го места на 16-е). Первые три места в указанном блоке в 2020 г. занимают Республики Адыгея, Татарстан и Башкортостан.

По блокам «Здравоохранение», «Образование» и «Прочие» положение Республики Крым практически не изменилось. В блоке «Образование» по показателю численности студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, Крым переместился с 7-го места на 3-е. В блоке прочих показателей Крым лидирует по объему бытовых услуг на душу населения.

По блоку «Здравоохранение» лидирующие позиция в оба периода занимают Республика Тыва и Кабардино-Балкарская Республика, по блоку «Образование» – республики Удмуртия и Башкортостан, а по блоку прочих показателей – республики Башкортостан и Адыгея.

В многомерном анализе выделяются разделы, которые не изолированы, а проникают и переходят один в другой. Это кластерный анализ, таксономия, распознавание образов, метод главных компонент, факторный анализ. В решении задач клас-

сификации объектов наиболее эффективен *кластерный анализ*, который позволяет выполнить разбиение множества исследуемых объектов на однородные в соответствующем понимании группы, или кластеры, которое должно удовлетворять некоторому критерию оптимальности¹. Выбираемые критерии разбиения определяют состав и количество кластеров.

Чтобы получаемы результаты были корректны, большинство рассматриваемых показателей были соотнесены с численностью населения. Дополнительно решалась задача выбора масштаба, так как взятые для анализа данные сильно разнятся по абсолютной величине. Решение поставленной задачи решалось нормализацией данных, позволяющей получить дисперсию, равную единице (приложение Е).

В проводимом исследовании использовались иерархические агломеративные методы, в рамках которых выполняется последовательное объединение исходных элементов с соответствующим уменьшением числа кластеров. Объединение исходных элементов выполнялось на основе евклидова расстояния (приложение Е).

После определения расстояния между объектами идет объединение объектов в кластеры. При определении расстояния автор использовал метод Варда² (приложение Е), который направлен на объединение близко расположенных кластеров. Учитывая цели исследования, автор счел необходимым выполнять разбиение объектов на три кластера: со средними, лучшими и худшими характеристиками.

В приложении Е представлены графики агломерации выполненной кластеризации, которые показывают, какие наблюдения были объединены на каждом этапе процесса кластеризации.

С использованием процедуры кластеризации для показателей 2015 г. по описанной выше технологии сформировано три кластера. В состав первого кластера вошли 11 республик (50 %), в состав второго кластера – 4 республики (18,2 %) и в состав третьего – 7 республик (31,8 %). При этом изменение меры расстояния между кластерами позволяло получить результаты близкие к тем, что получены

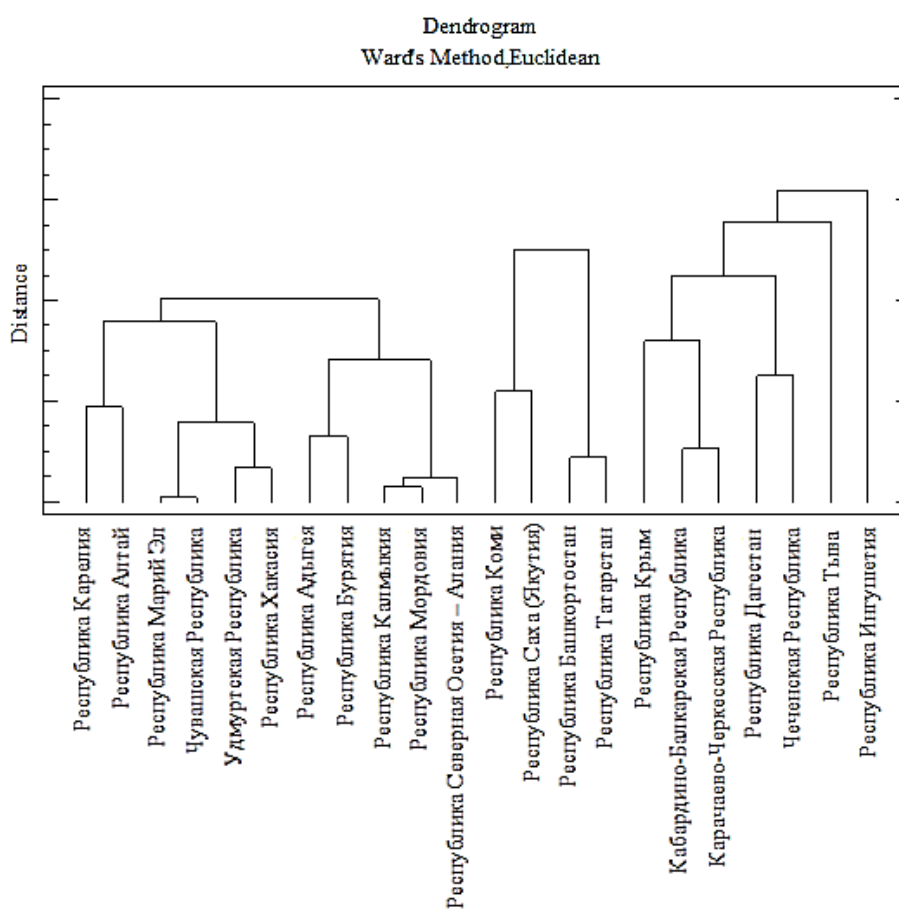
---

¹ Процедура кластеризации выполнялась в пакете прикладных программ StatGraphics Centurion XVI Version 16.2.04.

² Ward J. H., Jr. Hierarchical grouping to optimize an objective function // Journal of the American statistical association. – 1963. – Vol. 58, no. 301. – P. 236–244.

с использованием метода Варда, что еще раз свидетельствует об устойчивости выделенных кластеров.

Иерархические алгоритмы связаны с построением дендрограмм, которые описывают близость объектов анализа и самих кластеров друг к другу и представляют собой вложенную группировку объектов, которая изменяется на различных уровнях иерархии. Последовательность объединения кластеров на рисунке 10 показывает, какие республики объединены в каждый из трех кластеров и какие республики наиболее близки в выбранном признаковом пространстве.

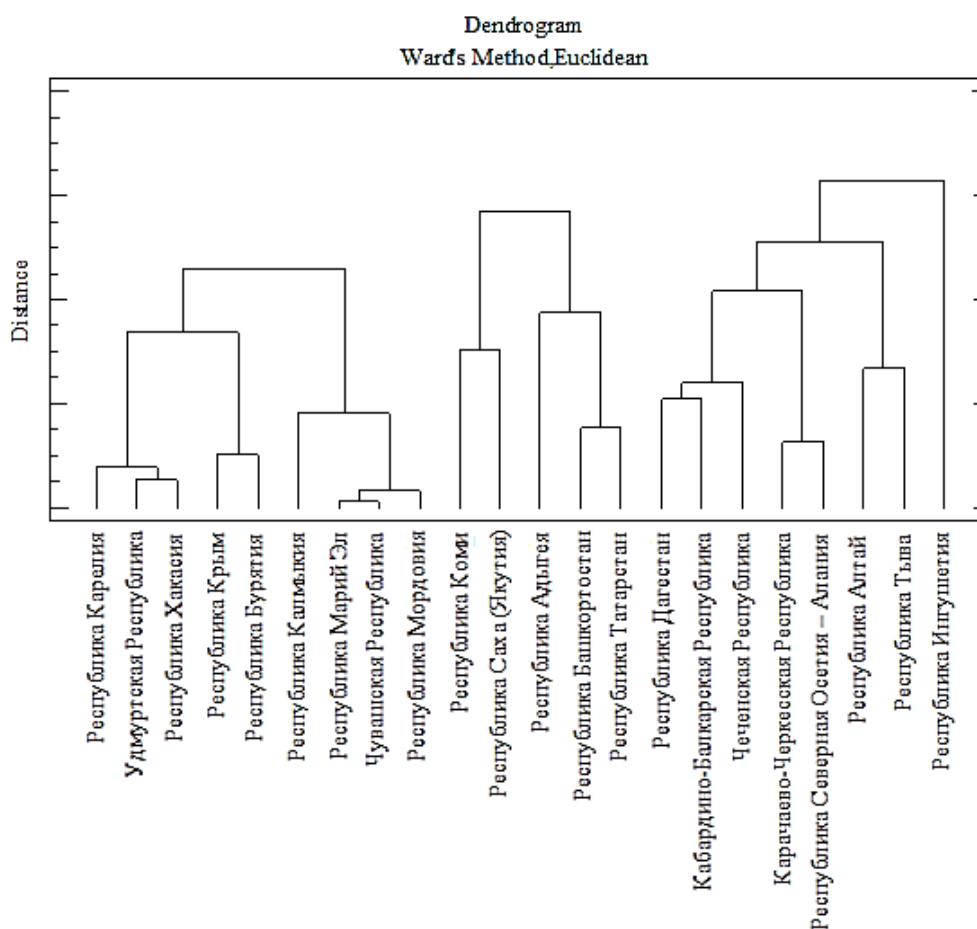
Примечание – Составлено автором.

Рисунок 10 – Дендрограмма разбиения республик на кластеры в 2015 г.

Выделение лучшего, худшего и среднего кластеров выполнялось по выделенным блокам показателей (приложение Б). В лучший кластер вошли республики Коми, Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия). Отметим, что в лучшем кластере коэффициент Джини, коэффициент фондов и стоимость фиксированного набора

потребительских товаров и услуг принимают максимальные значения, что носит явно негативный характер и требует дополнительного анализа. Если обратиться к показателям, характеризующим экономическое развитие, то можно увидеть, что в этих республиках самые высокие показатели экономического развития, такие как валовой региональный продукт на душу населения, величина основных фондов в экономике, сальдированный финансовый результат деятельности организаций. Очевидно, что в таких условиях бизнес развивается более активно и дает возможность определенным слоям населения получать высокие доходы.

Далее автором выполнена проверка стабильности кластеров. С этой целью аналогичная процедура кластеризации проведена на тех же показателях в 2020 г. Как показал анализ, выделенные кластеры достаточно устойчивы. Переходов объектов между кластерами немного (рисунок 11).

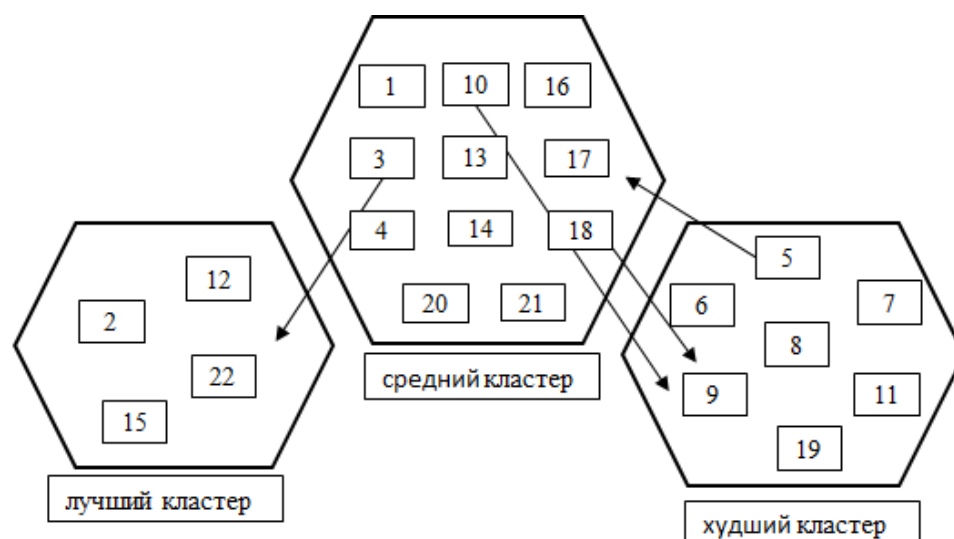

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 11 – Дендрограмма разбиения республик на кластеры в 2020 г.

В состав лучшего кластера вошла Республика Адыгея, переместившись из среднего кластера. Две республики (Северная Осетия – Алания и Тыва) переместились из среднего кластера в худший. Отметим, что ситуация в Республике Крым в выбранном признаковом пространстве за пятилетний период, на протяжении которого Крым находится в составе России, изменилась к лучшему: Крым переместился из худшего кластера в средний.

На рисунке 12 показано описанное выше перемещение объектов¹. Можно утверждать, что положение республик в признаковом пространстве, взятом для анализа, существенно не изменилось. Как позиции лидеров, так и позиции аутсайдеров остались неизменными.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 12 – Перемещение объектов между кластерами в 2020 г.

В заключение раздела отметим выявленные в ходе анализа наиболее значимые тренды и противоречия, предложения относительно которых будут представлены в следующей главе. В частности:

– проведенный анализ убеждает в том, что субъекты РФ – экономические регионы, развиваются неравномерно, что проявляется различиями в получении валово-

¹ Нумерация республик соответствует их перечню в официальных статистических данных и показана в приложении В.

вого регионального продукта, реальных доходов населения и т. п. Неравномерность развития регионов приводит к серьезным сдвигам в их положении в структуре кластеров, в экономическом пространстве страны, способствует серьезной деформации экономики во времени и пространстве;

– в целом место республики Крым за пятилетний период в совокупности кластеров от худшего, среднего и лучшего уровня социально-экономического развития было достаточно стабильным, продемонстрирована положительная динамика подавляющего большинства параметров, произошло перемещение из худшего кластера в средний;

– по информации Минкурортов республики, в Крыму в период с 2014 по 2022 г. было открыто 60 санаторно-курортных и гостиничных организаций на 3 454 номера, проведена модернизация 509 объектов размещения. Только за 2022 г. открыто 8 новых гостиниц на 336 номеров, проведена модернизация и реконструкция 89 санаторно-курортных и гостиничных организаций. Крым стал победителем в финале Всероссийской туристской премии Russian Travel Awards –2022. По оценке экспертного жюри, Крым с его уникальным климатом, богатыми традициями курортолечения, которые сочетаются с современными технологиями, стал лучшей территорией санаторного и оздоровительного туризма в России;

– наблюдается обратная зависимость между показателями экономического развития республик России и индикаторами социальной справедливости в территориальном сообществе страны.

2.3 Исследование рекреационно-курортного комплекса региона с позиций ключевых элементов духовно-нравственной парадигмы

Рекреационно-курортная деятельность становится важной составной частью региональной экономики. Это в первую очередь связано с тем, что рассматриваемая деятельность генетически связана с развитием региональных территорий, с их

ресурсным потенциалом и возможностями¹. Рекреационно-курортная деятельность отражает культурный код населения того или иного региона, дает ключ к пониманию сути сложившихся в регионе духовно-нравственных ценностей. В данном разделе исследования рекреационно-курортный комплекс будет рассматриваться в качестве ключевого компонента экономики Республики Крым.

Формирование в Крыму современного рекреационно-курортного комплекса, характеризующегося конкурентоспособностью, востребованностью, разнообразием предлагаемых санаторно-курортных и туристических услуг с высоким качеством обслуживания, происходит под влиянием нескольких длительных глубинных процессов. Среди них выделим узловые.

1. Исходя из целевых установок настоящей работы важным представляется декрет, подписанный В. И. Лениным 4 апреля 1919 г. «О лечебных местностях общегосударственного значения», в котором впервые в советском законодательстве дается определение понятия «курорт» – «лечебная местность» как территория страны, обладающая природными лечебными средствами (минеральными источниками, грязями, особым климатом и т. п.) и необходимыми условиями для их использования, например, работой санаторий².

Согласно Федеральному закону от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ (в ред. от 26 мая 2021 г.) «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных мест-

---

¹ Устойчивый Крым. План действий: научные труды КИПКС. – Киев–Симферополь: Сонат, 1999. – 400 с.; Концепция развития туристско-рекреационного потенциала Крыма: монография / М. Ю. Лайко, Л. А. Попов, Т. А. Воронова и др. – М.: Onebook.ru, 2014. – 274 с.; Симченко Н. А., Цёхла С. Ю. Ретроспективы экономических экспериментов в Крыму: уроки и успехи: монография. – Симферополь: Ариал, 2016. – 232 с.; Ефимов С. А., Ефимова А. С. Рекреация, рекреационная деятельность, туризм: понятийно-терминологические аспекты // Труды Крымской Академии наук. – Симферополь: Ариал, 2017. – С. 24–36; Региональная экономика Крыма: точки роста: монография / Л. М. Борщ, С. Ю. Цёхла, Н. А. Симченко и др. – Симферополь: Антиква, 2017. – 284 с.; Анализ тенденций социально-экономического развития Республики Крым: монография / под ред. Ю. П. Майданевич. – Симферополь: Полипринт, 2019. – 362 с.; Попов А. Д. Всесоюзная здравница: история туризма и курортного дела Крыма в 1920–1980-е годы. – Симферополь: Антиква, 2019. – 272 с.; Селиванов В. В. Исследование возможностей рекреационных ресурсов Республики Крым для развития инновационных направлений туристской и экскурсионной деятельности: монография. – Ялта: РИО гуманитарно-педагогическая академия, 2020. – 252 с.; Буркальцева Д. Д., Лавринюк Ю. Н., Киселев Р. О. и др. Развитие туристско-рекреационного комплекса Республики Крым: проблемы и направления их преодоления // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2021. – № 3 (56). – С. 155–165.

² Декрет СНК о лечебных местностях общегосударственного значения: Постановление СНК РСФСР от 4 апреля 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5. – М., 1971. – С. 19–21.

ностях и курортах», под курортами понимается используемая в лечебно-профилактических целях особо охраняемая территория, располагающая природными лечебными ресурсами и необходимыми для их эксплуатации зданиями (в том числе средствами размещения) и сооружениями, включая объекты инфраструктуры¹. Как правило, на курортных территориях размещаются санаторно-курортные комплексы, каждый со своим профилем.

С позиций социальной справедливости большое значение приобрел исторический документ «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» – декрет, подписанный В. И. Лениным 21 декабря 1920 г. Практически сразу после установления на территории Крыма Советской власти появился приказ Крымского ревкома от 14 декабря 1920 г. № 106 «О мерах по превращению Крыма во Всероссийскую здравницу», в котором подчеркивалась необходимость исключительно целевого использования санаторно-курортного фонда².

В декабре 2017 г. в целях снижения негативных тенденций идея стимулирования развития санаторно-курортной сферы и лечебно-оздоровительного туризма на период 2018–2025 гг. в рамках Государственной программы «Развитие здравоохранения» были разработаны подпрограммы: «Совершенствование оказания медицинской помощи, включая профилактику заболеваний и формирование здорового образа жизни», «Развитие медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения, в том числе детей»³.

2. Повсеместной тенденцией стало сокращение времени лечения в санатории. Если в советский период стандартными были санаторные путевки на 21 день и более, то в настоящее время лечение дольше двух недель является редкостью. Сокращается спрос и на туры дольше 14 дней, особенно в современных условиях нестабильности и неопределенности.

---

¹ О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах: федер. закон от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ (ред. от 26 мая 2021 г.).

² О мерах по превращению Крыма во всероссийскую здравницу // Ревкомы Крыма: сб. докладов и материалов. – Симферополь: Крым, 1968. – С. 167.

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640.

3. Роль здоровья выходит на передний план в ряду ценностей человека, независимо от уровня образования, социальной дифференциации населения и субъективной оценки состояния здоровья.

Забота о здоровье стала востребованной не только у поколения предпенсионного и пенсионного возраста, но и у поколения 30–50-летних, чья юность и молодость пришлась на постсоветский период и уже привыкшие достойному высококачественному сервису на всех стадиях (начиная с заказа и оформления санаторной путевки, завершая обеспечением обратной связи).

4. Исходя из целевых установок настоящей работы нас интересует в первую очередь *капитал здоровья*. Понятие капитала здоровья как формы человеческого капитала ввел в экономический оборот в 1972 г. американский экономист М. Гроссман, который считал, что медицина и здравоохранение – это отрасли, занимающиеся формированием, поддержанием и совершенствованием здоровья человека, его работоспособностью¹. По мнению ученого, здоровье является потребительским благом и одновременно средством получения прибыли.

Капитал здоровья в настоящей работе, вслед за другими исследователями², нами трактуется как актив, позволяющий человеку в течение определенного времени использовать по назначению свой человеческий капитал для получения доходов и удовольствий.

Величина капитала здоровья в определяющей степени складывается под влиянием ряда природно-климатических, экономических, этнодемографических, социально-экономических условий страны и ее регионов, а также качества функционирования и объема финансирования системы здравоохранения во всех уровнях экономической иерархии, в том числе состояния рекреационно-курортного комплекса.

---

¹ Grossman M. The demand for health: a theoretical and empirical investigation. – New York: National Bureau of Economic Research, 1972. – 115 p.; Grossman, M. On the concept of health capital and the demand for health // Journal of political economy. – 1972. – Vol. 80, no. 2. – P. 223–255.

² Канева М. А. Оценки капитала здоровья для российских регионов в 2004–2018 гг. // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 1 (109). – С. 72–96; Куделина О. В., Канева М. А. Капитал здоровья и эффективность региональных систем здравоохранения: соответствия и противоречия // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 24–32.

5. С учетом концептуальных установок автора предлагаем следующую трактовку дефиниции «рекреационно-курортный комплекс» – это целостное конкретное природно-социальное пространство, в пределах которого расположены уникальные природные ресурсы с натуральными полезными для человека свойствами, локализована сложная совокупность лечебно-оздоровительных, туристических и культурно-познавательных учреждений, сопутствующих предприятий инфраструктуры, объединенных внутренними устойчивыми многослойными экономическими, социальными, технологическими, информационными и иными связями и отношениями, действия которых на протяжении длительного промежутка времени направлены на сохранение, восстановление и укрепление здоровья населения и на наращивание капитала здоровья.

Понятие «рекреационно-курортный комплекс» объединяет три узловых детерминированных понятия:

– территориальность, т. е. привязанность комплекса к определенной территории (пространству);

– комплексность, т. е. сочетание в границах территории дискретных компонентов, между которыми исторически сформировались устойчивые связи и отношения;

– деятельность рекреационно-курортного комплекса региона как сложного природно-социального объекта направлена не только на сохранение и восстановление здоровья отдыхающих, но и на оказание рекреационных услуг местному населению, что в итоге будет сказываться на росте капитала здоровья как составной части национального или регионального богатства¹.

6. Рекреационно-курортный комплекс Крыма способен принести в региональный бюджет собственные доходы за счет эффективного использования благоприятных природных факторов, возможности формирования конкурентоспособ-

---

¹ Асланов Д. И. Системные представления о здоровье как основном компоненте человеческого капитала // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 12-1. – С. 202–206; Лепихина Т. Л., Карпович Ю. В., Оборин М. С. Курортное лечение как форма инвестирования в капитал здоровья / Т. Л. Лепихина // *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. – 2015. – № 4 (27). – С. 123–131.

ного предложения по цене и качеству для лечения болезней, а также развития туризма на основе использования уникальной комбинации природных ландшафтов, климатических условий, памятников истории, археологии и культуры.

7. Рекреационно-курортный комплекс региона формирует мощный мультикативный эффект. При его развитии заметно растут налоговые поступления в местный бюджет, повышается уровень занятости населения региона, растут спрос и общая покупательная способность местных жителей, повышается объем, разнообразие и качество продукции АПК, развивается торговля, расширяются художественные промыслы, улучшается транспортное сообщение и другие обслуживающие производства. Формирование материально-технической и логистической базы данного комплекса активизирует развитие множества других отраслей местного хозяйства, включая строительство.

8. В структуре рекреационно-курортного комплекса повышается значимость оздоровительного туризма и увеличиваются требования к нему. «Нездоровые» дестинации старательно избегаются, угасает спрос на пляжный отдых, но повышается потребность в оздоровлении разных видов в ходе пребывания на отдыхе: от фитнеса до специальных процедур. Туристы, привыкшие в домашних условиях к регулярным пробежкам, упражнениям на свежем воздухе, к здоровому питанию, стремятся сохранить свой образ жизни и на отдыхе.

С усилением динамичности образа жизни растет доля фрилансеров, в связи с чем увеличивается удельный вес спонтанных бронирований путевок, уменьшается число запланированных путешествий. С ростом у туристов спроса на впечатления, на яркий и незабываемый отдых связан возрастающий спрос на такие виды модного отдыха, как горные лыжи, серфинг, велотуризм, скалолазание, аэротуризм, яхтенный туризм и др. Искушенность туристов означает повышение спроса к качеству услуг и к соотношению «цена – качество». Это создает новые повышенные требования к туристическим дестинациям.

Однако учитывая, что геополитическая и геоэкономическая ситуация в Крыму не является стабильной, к тому же она непредсказуема и опасна, а спрос на отдых и лечение в Республике Крым, оставшийся на низком уровне из-за коронавируса, а с

самого начала военных действий на Украине заметно уменьшился, то выйти на приемлемый уровень роста в ближайшие годы вряд ли удастся.

9. В настоящее время в структуре экономики Республики Крым преобладает сектор услуг, на долю которого приходится 61,7 % валового регионального продукта (2020 г.), в том числе торговля – 15,0 %, операции с недвижимостью – 14,8 %, деятельность в сфере здравоохранения и социальных услуг – 8,2 %¹. Следовательно, допускается рассмотрение республики как рекреационно-курортной территории с необходимой ресурсной обеспеченностью, в пределах которой предоставляется необходимое санаторно-курортное лечение, оздоровление отдыхающих, медицинская реабилитация, услуги в сфере путешествий и туризма и ряд иных социальных услуг.

Рассмотрим с этих принципиальных оснований динамику развития рекреационно-курортного хозяйства нового субъекта Российской Федерации с 2009–2021 гг., а более подробно – в 2015–2020 гг. Анализ многочисленных научных источников, раскрывающих сущностно-содержательные характеристики понятий «рекреация» и «рекреационная деятельность» показывает, что исследователи вкладывают различный смысл в это понятие². В общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД-2001) рекреационная деятельность отдельно не выделяется и рассредоточена по различным классам и группам. В связи

---

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 462–463.

² Статистическое исследование туристской отрасли в Республике Крым: монография / Е. А. Егорова, О. В. Кучмаева, О. Л. Петяркова и др. – М.: Русайнс, 2015. – 316 с.; Управление рекреациями в цифровой экономике: монография / Н. В. Апатова, К. В. Авдеева, Л. Н. Акинина и др.; под науч. ред. Н. В. Апатовой. – Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2018. – 334 с.; Цёхла С. Ю., Павленко И. Г., Османова Э. У. Продвижение республики Крым как дестинации на рынке туристских услуг: монография. – Симферополь: Ариал, 2018. – 252 с.; Цёхла С. Ю., Павленко И. Г., Букреев И. А. Стратегическое планирование развития предпринимательской деятельности в рекреационной сфере Республики Крым: монография. – Орел: ОрелГУЭТ, 2020. – 183 с.; Цёхла С. Ю., Березина Н. А. Повышение инвестиционной привлекательности сферы туризма и рекреации: реализация концессионных соглашений в Крыму // Инновационные решения финансовых, социальных, технологических проблем цифрового общества: монография / под общ. ред. Н. В. Парушиной. – Орел: ОрелГУЭТ, 2021. – С. 91–111; Симченко Н. А., Яновская А. А., Цёхла С. Ю. Экосистемная модель медико-рекреационного развития Республики Крым // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 77–86; Механизмы формирования модели креативного пространственного развития экономики Республики Крым / О. Г. Блажевич, Л. М. Борщ, А. С. Ванюшкин и др. – Симферополь: ИП Корниенко, 2023. – 330 с.

с этим автор постулирует, что *рекреация* (рекреационная деятельность) выступает как *отдых*, который в физиологическом смысле относится к основным элементам жизненного цикла человека, представляет собой добровольную деятельность человека, направленную на удовлетворение объективных потребностей субъекта в восстановлении здоровья, работоспособности, на развитие его жизненных сил (физических, психических и духовных), а также на обеспечение этого процесса необходимыми местными ресурсами. *Оздоровление* – комплекс специализированных мероприятий социального, воспитательного, медицинского, гигиенического и спортивного характера, направленных на улучшение и укрепление физического и психического здоровья человека, осуществляемого в учреждении оздоровления и отдыха в течение оздоровительной смены. Рекреация служит не только отдыху и оздоровлению, но и развитию личности, удовлетворению потребности в общении, при которых развиваются духовно-культурные потребности.

Рекреационно-курортные ресурсы Крыма, которые послужили начальным фактором и катализатором курортно-рекреационной деятельности в регионе, представлены большим рекреационным пространством, с разнообразными уникальными природными, лечебными и культурно-рекреационными ресурсами, позволяющими в современных условиях удовлетворять многочисленные реакционные потребности населения, достигать благоприятного физиотерапевтического эффекта, а также добиваться нормального функционирования отраслей хозяйства, специализирующихся на производстве рекреационных товаров и услуг.

Мы присоединяемся к мнению Н. С. Мироненко и И. Т. Твердохлебова, что «рекреационные ресурсы – это объекты и явления природы, результаты человеческой (антропогенной) деятельности, которые можно использовать для отдыха, туризма и лечения»¹.

Основу рекреационно-курортных ресурсов Крымского полуострова составляет совокупность курортологических, оздоровительных и туристских и иных ресурсов (рисунок 13).

---

¹ Мироненко Н. С., Твердохлебов И. Т. Рекреационная география. – М.: МГУ, 1981. – С. 26.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 13 – Структура рекреационно-курортных ресурсов Крыма

Лечащихся лиц, отдыхающих и туристов в Крыму привлекают климат, природные и рекреационные объекты – Черное и Азовское моря с 517 км пляжей разных типов (57 % общей протяженности береговой линии). Сюда следует добавить более 30 разведанных источников минеральных вод, 26 месторождений лечебных грязей с запасами около 27 млн м³, ландшафтное разнообразие: море, горы, леса, степи, 25 горных вершин, 15 водопадов, более 800 коралловых пещер (50 из них признано пригодными для посещения туристами) и свыше 170 иных ландшафтных объектов. Полуостров является лидером среди субъектов Российской Федерации по разнообразию природных и природоохранных объектов – 153 (6 заповедников, 33 заказника, около 100 памятников природы, 30 объектов садово-паркового искусства)¹. Продолжительность комфортного периода для летних видов рекреации – 120–150 дней.

¹ Концепция развития туристско-рекреационного потенциала Крыма: монография / М. Ю. Лайко, Л. А. Попов, Т. А. Воронова и др. – М.: Onebook.ru, 2014. – 274 с.; Туристско-рекреационный ресурсный потенциал Республики Крым и г. Севастополь / Г. Н. Амеличев, Л. А. Багрова, Б. А. Вахрушев и др.; под ред. И. М. Яковенко. – Симферополь: Арал, 2015. – 408 с.

Крым – мультикультурный регион, в том числе с громадным античным наследием. Он впитал в себя множество различных культур. Поэтому Крымский регион уникален по концентрации объектов социально-культурного наследия: всего здесь зарегистрировано 12 350 объектов, из них 227 памятников национального значения. Среди которых 150 внесены в списки ЮНЕСКО, 7 историко-культурных заповедников, 28 исторических городов и поселков, которые сложились в течение многих веков во взаимодействиях природы и культуры, 17 государственных и более 300 общественных и ведомственных музеев. Особую уникальность Крыму придают древние культуры коренных народов – крымских греков, крымских татар, караимов, крымчаков, крымских армян, а также культурные достижения европейских колонистов разных национальностей. Они в современной культурно-рекреационной деятельности воспринимаются не только как культурные ресурсы, но и как экономические ресурсы, представляемые на рынке в виде продуктов и услуг непосредственно как индустрия наследия, связанная с индустрией туризма.

В понятие «реакционно-курортное обслуживание» входит не только отдых на природе, но и широкий комплекс общеукрепляющих и оздоравливающих процедур, которые закаляют человеческий организм, повышают иммунитет, сопротивляемость к неблагоприятным факторам окружающей среды, снимают негативное влияние возрастающих нагрузок, а также с помощью климатических и других лечебных факторов уменьшают риск повторного заболевания.

По нашему мнению, курортно-рекреационный комплекс – это совокупность организационно, технологически, экономически и географически связанных друг с другом предприятий и организаций различных видов рекреационной деятельности, объединенных единой целевой установкой – создание общей для них комплексной рекреационной услуги. Типичная, или характерная, рекреационная услуга (или рекреационный продукт) – это любой продукт (товар) или услуга, в совокупном спросе которого значительную долю составляет спрос со стороны лиц, участвующих в рекреационной деятельности. Все товары и услуги, связанные с рекреационной деятельностью, потребляются одновременно и посетителями (гостями) и местными жителями (резиденты данной местности).

В общем можно выделить основные четыре вида рекреационных услуг: лечебные, оздоровительные, туристические, культурно-познавательные (рисунок 14).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 14 – Функционально-организационная структура рекреационно-курортного комплекса региона

Следует подчеркнуть, что деление рекреационных услуг на эти виды довольно условно, особенно в последние годы. В частности, с резким падением спроса на лечебно-оздоровительные услуги многие пансионаты, профилактории фактически функционируют как гостиницы. В последнее время появились многочисленные частные гостиницы-пансионаты с удобствами и, по желанию гостей, с питанием. В подавляющем большинстве эти гостиницы не сертифицированы. По сути, этим можно объяснить отсутствие единых статистических показателей у разных иссле-

дователей, характеризующих и оценивающих реакционно-курортный комплекс Крыма за определенный период.

Рекреационно-курортный комплекс региона, пространственно локализованный преимущественно на прибрежной зоне Черного и Азовского морей, обладает высоким экономическим потенциалом для всего хозяйства Республики Крым¹.

В советский период Крым являлся важнейшим рекреационно-курортным регионом страны, получив общепризнанный статус всероссийской, а затем и всесоюзной здравницы. Ежегодно рос поток отдыхающих: если в 1960 г. ежегодное количество рекреантов и туристов в Крыму достигло 1,2 млн чел., в 1970 г. – 5 млн, в 1980 г. – 7 млн, то в 1988 г. – уже 8,3 млн чел. (абсолютный максимум)², в том числе 2,1 млн чел. в организованном секторе, поддерживаемые профсоюзами, и 6,2 млн – в неорганизованном.

С распадом СССР, образованием отдельного украинского государства и становлением рыночных отношений начался процесс заметного сокращения как количества рекреационных предприятий, так и мест в них. Так, в 1995 г. туристский поток в Крым составил всего около 2,5 млн чел. В этот период большей популярностью в стране стали пользоваться зарубежные курорты, поскольку отдых за рубежом оказался достаточно престижным, характеризующим социальный статус и социальное положение человека.

В функциональной структуре рекреационного хозяйства выделяются оздоровительные предприятия (дома отдыха, пансионаты, базы отдыха, турбазы и т. п.). На их долю приходится около 70 %, а на долю профилактического лечения (санаториев, курортов, пансионатов с лечением) более 31 % объектов (таблица 5).

---

¹ Цёхла С. Ю. Трансформация рекреационной деятельности и развитие региональных рынков курортно-рекреационных услуг (методология, анализ и пути совершенствования). – Симферополь: Таврия, 2008. – 352 с.

² Курортно-рекреационное хозяйство Крыма: сезонность, занятость населения: информационный материал / сост. Б. Л. Финогеев, Г. Д. Боднер, Н. М. Булкина, С. М. Шишкина. – Симферополь: Укр. филиал НИИ труда, 1990. – С. 13.

Таблица 5 – Динамика численности и вместимости рекреационных предприятий (объектов) Крыма (без детских оздоровительных лагерей)

Показатель	2015	2017	2018	2019	2020	2021
Коллективные средства размещения*, всего:						
– число организаций, ед.	1 149	1 257	1 312	1 320	1 490	1 630
– обслужено лиц, тыс. чел.	1 626	1 625	2 083	2 380	1 942	2 549
В их числе:						
Специализированные средства размещения:	361	456	471	487	501	524
– в них мест (коек), тыс.	...	92,2	96,5	103,9	102,2	101,6
– обслужено лиц, тыс. чел.	...	736,5	1127,6	1 224,2	834,3	1 013,1
Гостиницы и аналогичные средства размещения:	...	801	841	833	989	1 106
– в них мест, тыс.	...	56,1	55,5	64,9	69,0	77,6
– обслужено лиц, тыс. чел.	...	888,1	986,1	1 222,7	1 155,1	1 536,5
Число туристических фирм, ед.	48	48	204	203	166	
Количество туристов, млн чел.	4,6	5,4	6,8	7,2	6,1	9,5
<p>Примечание – Составлено автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 425–427; Республика Крым в цифрах. 2021: крат. стат. сб. / Крымстат. – Симферополь, 2022. – С. 80.</p> <p>* К коллективным средствам размещения относятся специализированные средства размещения (санаторно-курортные организации и организации отдыха), а также гостиницы и аналогичные средства размещения (гостиницы, мотели, хостелы и другие организации гостиничного типа).</p>						

Как показывают данные таблицы 6 и приложения Ж, Республика Крым по числу коллективных средств размещения и численности работников, занятых в них, занимает в России 2-е место, заметно уступая только Краснодарскому краю.

Таблица 6 – Динамика основных показателей развития коллективных средств размещения туристско-рекреационного комплекса Республики Крым в сравнении с субъектами Российской Федерации, занимающими ведущее место в туристско-рекреационной деятельности, в 2011 и 2021 гг.

Показатель	Республика Крым	Краснодарский край	Ставропольский край
Число коллективных средств размещения			
2011	–	1 207	230
2021	1 630	5 404	494

Продолжение таблицы 6

Показатель	Республика Крым	Краснодарский край	Ставропольский край
Прирост с 2011 по 2021 г.	12 238	4 197	264
Рейтинг по значению в 2021 г.	2	1	16
Рейтинг по приросту за 10 лет	2	1	9
Число мест в коллективных средствах размещения			
2011	–	202 286	36 052
2021	179 200	473 447	46 694
Прирост с 2011 по 2021 г.	92 350	271 161	10 642
Рейтинг по значению в 2021 г.	3	1	13
Рейтинг по приросту за 10 лет	3	1	25
Численность размещенных лиц в коллективных средствах размещения, чел.			
2011	–	2 783 340	797 120
2021	2 479 712	8 073 926	1 082 734
Прирост с 2011 по 2021 г.	1 990 247	5 290 586	285 614
Рейтинг по значению в 2021 г.	5	2	13
Рейтинг по приросту за 10 лет	4	1	21
Численность граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения, чел.			
2011	–	2 369 913	761 296
2021	2 449 965	7 969 424	1 068 244
Прирост с 2011 по 2021 г.	2 037 196	5 599 511	306 948
Рейтинг по значению в 2021 г.	5	1	13
Рейтинг по приросту за 10 лет	5	1	26
Доходы коллективных средств размещения от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей, тыс. р.			
2011	–	32 961 126,9	13 980 017,0
2021	51 026 263,6	122 893 806,2	27 615 777,9
Прирост с 2011 по 2021 г.	45 014 073	89 932 679	13 635 761
Рейтинг по значению в 2021 г.	3	1	6
Рейтинг по приросту за 10 лет	2	1	6
Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей и работников несписочного состава), чел.			
2011	–	54 150	26 079
2021	33 462	64 244	22 666

Продолжение таблицы 6

Показатель	Республика Крым	Краснодарский край	Ставропольский край
Прирост с 2011 по 2021 г.	33 462	10 094	–3 413
Рейтинг по значению в 2021 г.	2	1	5
Рейтинг по приросту за 10 лет	1	2	81
Число санаторно-курортных организаций, ед.			
2011	–	218	116
2021	109	202	114
Прирост с 2011 по 2021 г.	13	–16	–2
Рейтинг по значению в 2021 г.	3	1	3
Рейтинг по приросту за 10 лет	1	79	32
Число мест в санаторно-курортных организациях			
2011	–	914 668	30 012
2021	44 054	102 948	31 184
Прирост с 2011 по 2021 г.	8 262	11 280	1 172
Рейтинг по значению в 2021 г.	2	1	3
Рейтинг по приросту за 10 лет	2	1	5
Численность размещенных лиц в санаторно-курортных организациях, чел.			
2011	–	1 024 322	503 085
2021	544 041	1 292 262	582 961
Прирост с 2011 по 2021 г.	348 126	267 940	79 876
Рейтинг по значению в 2021 г.	3	1	2
Рейтинг по приросту за 10 лет	1	2	3
Доходы санаторно-курортных организаций от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей, тыс. р.			
2011	–	19 203 402,3	12 992 039,5
2021	20 937 675,5	41 066 339,2	24 675 813,1
Прирост с 2011 по 2021 г.	17 626 705,0	21 862 937,0	11 683 774,0
Рейтинг по значению в 2021 г.	3	1	2
Рейтинг по приросту за 10 лет	2	1	3
<p>Примечание – Составлено автором по: Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm (дата обращения: 12.03.2023). Без учета микропредприятий. Прирост по Республике Крым указан с 2014 по 2021 г. Субъекты РФ выстроены по рейтингу числа организаций санаторно-курортного типа в 2021 г. (см. приложение И).</p>			

Республика Крым уверенно расположилась в тройке лидеров по всем показателям, характеризующим состояние санаторно-курортного комплекса страны (таблица 7).

Таблица 7 – Перечень субъектов Российской Федерации – лидеров санаторно-курортного комплекса в 2021 г.

Номер в рейтинге	Топ-5 субъектов Российской Федерации			
	по количеству организаций санаторно-курортного комплекса	по числу мест в санаторно-курортных организациях	по численности размещенных лиц в санаторно-курортных организациях	по доходах санаторно-курортных организаций от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей
1	Краснодарский край	Краснодарский край	Краснодарский край	Краснодарский край
2	Ставропольский край	Республика Крым	Ставропольский край	Ставропольский край
3	Республика Крым	Ставропольский край	Республика Крым	Республика Крым
4	Московская область	Московская область	Московская область	Алтайский край
5	Республика Башкортостан	Республика Башкортостан	Республика Башкортостан	Московская область
Примечание – Составлено автором.				

Так, по числу санаторно-курортных организаций в 2021 г. Республика Крым занимала в стране 3-е место (109 организаций против 202 в Краснодарском крае и 114 в Ставропольском крае), а по количеству мест в них – 2-е место (44 054 места против 102 948 в Краснодарском крае) и 3-е место по численности размещенных лиц (свыше 544 тыс. в 2021 г.), уступая заметно Краснодарскому краю и Ставрополью.

При этом существенно возросла роль региона за период после вхождения в состав России. Так, за 2014–2021 гг. доля Республики Крым от значения по стране в целом по числу организаций санаторно-курортного комплекса выросла с 5,0 % до 6,2 % (на 1,2 п. п.), по численности размещенных в них лиц – с 3,2 % до 9,1 % (на 5,9 п. п.), по доходам санаторно-курортных организаций от предоставляемых услуг без учета налогов и платежей – с 2,9 % до 12,6 % (на 10,3 п. п.).

Однако число российских санаторно-курортных организаций стремительно убывает, в первую очередь в регионах-лидерах по развитости рекреационно-курортного комплекса¹. Исключение составляет Республика Крым, в которой с 2014 г. дополнительно введено 13 санаторно-курортных учреждений. С учетом сложившихся экономических условий, без целенаправленного воздействия на тенденцию со стороны государства не ожидается заметного роста санаторно-курортного комплекса России, в том числе Республики Крым.

Практически все санаторно-курортные учреждения Республики Крым предназначены для круглогодичного функционирования, вплоть до эпидемиологической обстановки 2020 г.

В зимний период 2022 г. в Крыму продолжали работать 65 санаторно-курортных организаций из 1 102 средств размещения (около 6 %) и 109 санаторно-курортных учреждений (59,6 %).

Основная цель поездки в Крым – *купально-пляжный отдых* (более 94 % отдыхающих) (таблица 8). Популярностью пользуются экскурсии по дворцам и паркам, заповедникам, морские прогулки на яхте, катере, корабле. Лечебно-оздоровительными видами отдыха пользуются около 25 % отдыхающих. Большой известностью пользуется детский отдых и лечение, климато-, бальнео-, грязелечение.

После присоединения Крыма к России коренным образом изменилась география потока отдыхающих: если в 2013 г. в общем объеме отдыхающих более 70 % составляли граждане Украины, то в настоящее время целевая аудитория крымских курортов, санаториев и других видов отдыха формируется в основном жителями Москвы и Московской области (более 40 %), Санкт-Петербурга (более 5 %), а также городов Центральной России, Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Почти полностью иссяк поток зарубежных отдыхающих.

---

¹ Рахмеева И. И., Чеснюкова Л. К., Чернышев К. В. Санаторно-курортный комплекс как средство расширенного воспроизводства человеческого капитала // Пермский край. Стратегия в глобальной неопределенности. От горных заводов к технологиям будущего: материалы VII Перм. экон. конгресса (Пермь, 2–3 февраля 2023 г.). – Пермь: ПГНИУ, 2023.

Таблица 8 – Популярность видов отдыха в Крыму¹

Вариант размещения	Туристы, %	Потенциальные туристы, %
Купально-пляжный	94,2	92,4
Экскурсии по дворцам и паркам	31,3	38,2
Экскурсии по заповедникам	24,6	30,3
Морские прогулки	23,6	49,1
Пещерные города и горы	18,4	23,2
Лечебно-оздоровительные процедуры	18,2	16,6
Посещение музеев и дворцов	15,0	19,4
Водные аттракционы	14,5	28,4
Активный морской отдых	11,8	8,1
Пешие походы	8,8	19,7

Территориальную структуру сети рекреационно-курортных предприятий формирует узкая трехкилометровая полоса Южного берега Крыма и его Западный берег (курорт Евпатория) (до 90 % здравниц республики). Здесь размещены наиболее крупные рекреационные предприятия. Средняя емкость одного прибрежного предприятия составляет около 300 мест. Наиболее крупными из них являются турбазы (до 500 мест) и санатории (420 мест). В целом для Крыма характерны незначительные по вместимости предприятия. Лишь около 2 % из общего количества приходится на предприятия емкостью 1 000 мест и более. Доля здравниц вместимостью 300 мест и меньше занимает 70 %. Особое место в рекреационном хозяйстве Крыма занимает *туризм*, который представляет 166 предприятий (см. таблицу 5).

Как показывает анализ, значительная часть природных и социокультурных рекреационных ресурсов уже вовлечена в эксплуатацию, обеспечивая функционирование и развитие основных видов лечебной, оздоровительной, познавательной и спортивной рекреации. Вместе с тем в Крыму исторически сформировался лечебно-оздоровительный внутренний туризм, который оказывает услуги по перемещению граждан внутри страны между регионами для получения медицинских

¹ Концепция развития туристско-рекреационного потенциала Крыма: монография / М. Ю. Лайко, Л. А. Попов, Т. А. Воронова и др. – М.: Onebook.ru, 2014. – С. 41.

услуг¹. Как справедливо подчеркивает профессор М. С. Оборин, в рамках лечебно-оздоровительного туризма отдыхающие должны пребывать на курортной территории как минимум 21 день, как в советское время, а не 10–14 дней, как сейчас. Более того, длительность высокого сезона сократилась с 4–5 мес. (май – сентябрь) до 1,5–2 мес. (июль – август), что негативно сказывается на рентабельности предприятий рекреационно-курортного комплекса.

Емкость туристических предприятий в Крыму составляет 7,2 тыс. мест в месяц максимального развертывания. Основным законом, впервые определившим отношения на рынке туристических услуг Республики Крым, можно считать Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации» (с учетом изменений, внесенных законом от 2 декабря 2019 г. № 419-ФЗ). В нем были сформулированы главные принципы развития и функционирования туризма, в том числе определяющие государственную политику в сфере развития туризма на полуострове².

Туристско-рекреационный комплекс Крыма пока не является ключевым сегментом валового регионального продукта. Доля гостиниц и предприятий общественного питания в структуре ВРП Республики Крым в 2019 г. составила 2,4 %. Прямые налоговые поступления от туристской отрасли в бюджет республики в 2020 г. составили 3,842 млрд р., или около 7 % в общей сумме налогов. В настоящее время туристско-рекреационный сектор хозяйствования обеспечивает работой около 40 тыс. чел., что составляет 4,7 % от общей среднегодовой занятости населения.

В региональном туристическом рейтинге России за 2021 г. Республика Крым убедительно занимает 4-е место (5,9 млн туристов в 2013 г., 3,8 млн в 2014 г.

---

¹ Десятниченко Д. Ю., Десятниченко О. Ю. О стратегических приоритетах развития лечебно-оздоровительного туризма в России // Экономика и управление народным хозяйством (Санкт-Петербург). – 2018. – № 3(5). – С. 106–115; Оборин М. С. Состояние и перспективы развития лечебного и спортивно-оздоровительного туризма в России // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 57–65.

² Буркальцева Д. Д., Лавринюк Ю. Н., Киселев Р. О. и др. Развитие туристско-рекреационного комплекса Республики Крым: проблемы и направления их преодоления // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2021. – № 3 (56). – С. 155–165.

и 6,1 млн в 2020 г.), хотя и не смогла в полном объеме реализовать туристический потенциал из-за антикоронавирусных ограничений¹.

За последние два года Крым потерял почти 20 % своего потока туристов, что значительно ниже по сравнению с другими курортно-рекреационными центрами России (например, Краснодарский край потерял треть своего туристического потока).

Как показывают данные рейтинговой оценки привлекательности направлений туристских потоков на лето 2021 г., Республика Крым на первом месте в России по привлекательности (29 % всех респондентов, а Краснодарский край – всего лишь 17 %)².

По итогам Национального туристического рейтинга – 2021 Республика Крым заняла 4-е место – 117,8 балла против 120,3 балла, доставшихся Краснодарскому краю, занявшему 1-е место в «золотой двадцатке» России. В настоящее время на коронавирусные проблемы наложилось и трудности, связанные со специальной военной операцией ВС РФ на Украине. Потенциально это предвещает дальнейшее уменьшение турпотоков в Крым и усиление транспортных проблем. Анализ и обобщение публикаций, посвященных кризису современного туризма, показывает, что взгляды отдельных ученых и специалистов по проблемам возникновения кризиса, способов его преодоления и характера влияния на социально-экономические процессы в основном близки³. Однако пока рано оценивать влияние специальной военной операции на развитие туристско-рекреационного комплекса Крыма, так как ситуация продолжает развиваться.

---

¹ Национальный туристический рейтинг – 2020. – URL: <http://russia-rating.ru/info/18-797.html> (дата обращения: 20.12.2021); Национальный туристический рейтинг – 2021. – URL: <https://rustur.ru/nacionalnyj-turisticheskij-rejting-2021> (дата обращения: 20.12.2021).

² Аналитический обзор ВЦИОМ «Летние планы – 2021». – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/letnie-plany-2021> (дата обращения: 20.12.2021).

³ Жуковская И. Ф., Овчинников А. Ю. Туризм и COVID-19: анализ проблем и перспективы развития после пандемии // Вестник Национальной академии туризма. – 2020. – № 3 (55). – С. 24–27; Карпова Г. А., Валеева Е. О. Проблемы и перспективы развития туризма в условиях пандемии // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 1 (127). – С. 97–104; Оборин М. С., Сарян А. А. Организационно-экономические основы адаптации туризма к кризисным условиям // Сервис в России и за рубежом. – 2021. – Т. 15, № 4 (96). – С. 110–125.

Санаторно-курортный сектор рекреационно-курортного комплекса весьма чувствителен к изменениям, происходящим в экономике страны и ее регионов, ибо соотношение темпов инфляции и роста доходов населения определяет величину совокупного спроса на курортно-рекреационный продукт. Расслоение населения по уровню доходов, снижение реальных доходов у значительной части населения резко ограничило их возможности лечения. Ситуацию усугубила военная операция на Украине вблизи границ Крыма. Изменение совокупного спроса населения на курортно-рекреационные услуги, предоставляемые крымскими здравницами, наглядно представлено данными в таблице 9.

В 2021 г. насчитывалось 109 санаторно-курортных учреждений разного типа на 44,0 тыс. мест. Статус общероссийских курортов имеют бальнеогрязевые курорты Саки и Евпатория, специализирующиеся на лечении болезней опорно-двигательного аппарата, и климатические курорты Южного и Юго-Восточного берега Крыма (Большая Ялта, Алушта, Феодосия, Судак), лечебный профиль которых связан с лечением заболеваний органов дыхания, сердечно-сосудистых и нервных болезней.

Средняя загрузка в июле-августе 2021 г. превышала 85 %, а в отдельных центрах – еще больше. Неравномерная и в целом низкая загрузка санаторно-курортных учреждений в 2015–2020 гг. привела к отсутствию прибыли и нерентабельности деятельности. Особенно увеличились убытки в 2020–2022 гг. В 2020 г. численность лечившихся и отдохнувших резко сократилась (на 48,7 %) в связи с введением запрета на бронирование, прием и поселение граждан в санаторно-курортных организациях в связи с распространением коронавирусной инфекции.

Согласно данным официальной статистики, в 2014–2020 гг. прослеживается положительный тренд экономических результатов деятельности санаторно-курортных организаций, млрд р.: 2014 г. – 3,3; 2016 г. – 9,2; 2020 г. – 13,1. Вхождение Крыма в социально-экономическое пространство Российской Федерации позволяет превратить санаторно-курортный комплекс региона в реальный высокодоходный сегмент российской экономики.

Таблица 9 – Основные показатели деятельности специализированных коллективных средств размещения и санаторно-курортных организаций за 2009–2021 гг.

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Число специализированных коллективных средств размещения, ед.	554	548	544	506	463	198	187	370	456	471	487	501	524
– санаторно-курортных учреждений*	142	144	143	145	146	96	126	111	111	113	109	113	109
– из них санаториев	114	115	115	89	89	73	76	73	75	76	77	81	81
Количество койкомест в специализированных средствах размещения, ед.	119 556	120 362	120 203	112 509	105 053	50 261	60 562	90 367	92 157	96 525	103 882	102 225	101 562
– в санаторно-курортных учреждениях	59 739	60 140	60 516	54 164	52 480	35 792	45 806	45 353	41 047	43 885	43 592	44 151	44 054
– из них в санаториях	45 678	45 768	46 402	36 740	35 272	18 867	26 666	27 456	28 582	29 665	30 865	31 778	33 348
Численность обслуженных в специализированных средствах размещения, чел.	907 376	888 885	852 331	825 573	823 443	247 652	482 797	887 448	736 473	1 127 639	1 224 165	834 327	1 013 114
– в санаторно-курортных учреждениях	595 954	555 598	537 821	512 379	521 466	209 280	431 315	558 340	470 841	760 046	894 139	461 131	608 730

Продолжение таблицы 9

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
– из них в санаториях	484 757	449 208	444 461	378 968	395 193	113 273	298 143	310 551	362 749	656 207	772 836	381 342	512 360
Количество детей, оздоровленных в детских оздоровительных лагерях, чел.	115 259	131 478	165 402	169 364	177 893	104 500	71 126	87 044	77 507	58 789	77 900	16 198	45 491
Среднесписочная численность работников в специализированных коллективных средствах размещения, чел.	37 695	37 080	36 227	30 402	29 673	15 417	21 333	22 596	22 941	Показатель не разрабатывался	22 063	20 532	21 942
– в санаторно-курортных учреждениях	25 681	25 333	24 641	21 142	20 629	13 625	19 847	18 173	17 824		16 588	16 138	16 557
– из них в санаториях	22 785	22 336	21 390	14 742	14 738	5 665	10 778	12 415	13 186		12 435	12 176	13 566
<p>Примечание – Составлено автором по: Статистичний щорічник АР Крим за 2010 рік. Головне управління статистики в АР Крим – Сімферополь, 2011. – С. 455–457; Регионы Республики Крым за 2013 г.: стат. сб. / Крымстат. – Симферополь, 2014. – С. 85–87; Регионы Республики Крым за 2013 г.: стат. сб. / Крымстат. – Симферополь, 2014. – С. 63–65. Показатели за 2015–2021 гг. – данные Крымстата.</p> <p>* Санаторно-курортные организации включают санатории (в том числе детские и для детей с родителями), пансионаты с лечением, курортные отели, санатории профилактории, курортные поликлиники, бальнеологические лечебницы, грязелечебницы и др.</p> <p>С учетом неработающих учреждений. С 2012 г. – с учетом деятельности индивидуальных предпринимателей.</p>													

Санаторно-курортная деятельность в Крыму скрепляется в единое территориально-общественное образование не только уникальными природными ресурсами и условиями, материально-технической и социальной инфраструктурой, но и разнообразными правилами, нормами, обычаями, традициями, нравственными обстоятельствами, которые в совокупности и формируют мощный санаторно-курортный комплекс региона.

В зарождении и становлении курортно-санаторного дела в Крыму особое место принадлежит именно *благотворительной деятельности*, понимаемой как намеренные добровольные действия, совершаемые отдельными лицами или организациями безвозмездно, средствами, отвечающими положительным требованиям нравственности, и совершаемые по моральным мотивам.

Крым в силу своего экономико-географического положения, специфики природных ресурсов и условий оказался одним из немногочисленных регионов России, где представители предпринимательского сообщества стали активно вкладывать свои материальные средства в зарождение и развитие курортного дела. Не случайно именно на Крымском полуострове, начиная со второй половины XIX века благотворительность русских предпринимателей и представителей других этносов, а также государства в лице членов императорской фамилии, представителей аристократии и высшего чиновничества приобрела наиболее широкие масштабы.

Да и само понятие «благотворительность» стало активно использоваться в лексиконе как раз во второй половине XIX века. Профессор С. Г. Зубанова так характеризует феномен благотворительности: «XIX век поистине считается периодом расцвета отечественной благотворительности, когда широта русской души развернулась во всей многогранности форм проявления любви к ближнему. Благотворительностью и социальным служением занимались все: и члены императорской семьи, и небогатый церковный приход. Христианские заповеди милосердия способствовали появлению частных благотворительных организаций и государственных филантропических заведений. Благотворительная, социальная деятельность

были делом совести и стремлением к покаянию, осознанием невозможности жить в роскоши, когда рядом находились нуждающиеся в помощи люди»¹.

Когда государству не хватало ресурсов для социально-экономического развития Крыма, тогда в дело вступали институты благотворительности. Становление их произошло на рубеже 1860–1870-х годов. В первую очередь это касается санаторно-курортной деятельности, просвещения, образования и культуры. Так, в Евпатории состоятельные караимы охотно сдавали собственные здания в аренду под учебные заведения, входили в попечительные советы евпаторийских учебных заведений, учреждали именные стипендии, участвовали в строительстве зданий для учебных заведений, материально поддерживали образовательные и просветительские проекты и др.²

Начиная с середины XVII века греческое купечество Крыма занимало ведущие позиции в организации торговли и предпринимательства в Крымском ханстве, оказывая заметное влияние на хозяйственную и культурную жизнь всего региона.

В целях серьезного экономического ослабления Крымского ханства путем лишения его главного источника доходов от христианского, в первую очередь греческого, населения Крыма русское правительство решило предпринять уникальную акцию – вывести греков и других христиан из Крыма³. В итоге из Крымского ханства всего было переселено более 31 тыс. чел., в том числе греков – свыше 18 тыс.⁴ Выход христиан из Крыма – одна из самых крупных волн иммиграции населения не только в России, но и в Европе в середине XVIII века.

Активная регулярная благотворительная деятельность греков Крыма началась со второй половины XIX века. Она была как частной (пожертвования частных лиц), так и церковной (приходской).

---

¹ Зубанова С. Г. Благотворительность и социальное служение женщин в дореволюционной России // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 17. – С. 128.

² Никифорова, Л. Л. С. Э. Дуван как благотворитель гимназий // Вестник музея. Вып. 10. К 100-летию Евпаторийского краеведческого музея. – Симферополь: Полипринт, 2021. – С. 236.

³ Анимица Е. Г. Греки в судьбе России. – Екатеринбург: УрГЭУ, 2003. – С. 29.

⁴ Анимица Е. Г., Чернышев К. В. (Каллиник). Исход крымских христиан в Россию в XVIII в / Е. Г. Анимица, // Труды Таврической духовной семинарии: сб. тр., вып. 1. – Симферополь: Ариал, 2021. – С. 4.

Наиболее ярко проявилась благотворительная деятельность целой плеяды российских предпринимателей, заложивших основы курортно-санаторной деятельности в Крыму. Следует отметить работы исследовательницы И. А. Кеня, посвященные выявлению вклада предпринимателей Центральной России в социокультурное развитие Южного берега Крыма, становление крымских курортов и развитие благотворительности в Крыму¹. В частности, стараниями таких предпринимателей, как П. И. Губонин, который считается первооснователем крымского курортостроения, Гурзуф стал курортом мирового уровня; С. И. Мальцов и его сыновья превратили Симеиз в именитый и модный курорт Крыма; Н. Д. Стахеев, который был настоящим покровителем Алушты, благодаря которому город активно развивался как крупный курорт; П. Ф. Соболев – один из наиболее известных благотворителей Ялты, который свою благотворительную помощь направил на развитие здравоохранения и образования.

Приобретение Александром II в 1860 г. Ливадии для императрицы способствовало тому, что вслед за коронованными особами потянулись в Крым и другие представители высших кругов российского государства². Однако решающая роль в формировании курортов в Крыму принадлежала частной благотворительности. Крупные российские промышленники и предприниматели активно вкладывали в курортную деятельность региона значительные капиталы, заработанные в других сферах производства за пределами Крыма, хотя курортостроительство нельзя было признать высокоприбыльным делом, а во многих случаях оно было даже убыточным.

Само название Черноморского побережья Крыма – Русская Ривьера, говорит о достигнутых здесь масштабах курортного здравоохранения, о попытках подража-

---

¹ Кеня И. А. Благотворительность династии Мальцовых // Крымский архив. – 2015. – № 4 (19). – С. 57–76; Кеня И. А., Лупоядова Л. Ю. Условия и особенности развития благотворительности в Крыму во второй половине XIX – н. XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 4 (34). – С. 73–83; Кеня И. А. Вклад российских предпринимателей в становление курортов южного берега Крыма в конце XIX – начала XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 38–46; Кеня И. А. Вклад предпринимателей центральной России в социокультурное развитие южного берега Крыма во второй половине XIX – начале XX вв. // Крымский архив. – 2018. – № 1 (28). – С. 47–60.

² Мелега В. Императорская фамилия в Крыму // Русская старина. – 1916. – Т. 167. – С. 3.

ния Западу в организации санаторно-курортной деятельности в России¹. Все эти обстоятельства становятся «неопровержимым свидетельством вхождения Российской империи в круг цивилизованных государств. Отдых становится общественно значимым публичным явлением»². В самом начале XX века на Южном берегу Крыма открываются первые санатории противотуберкулезного профиля для взрослых и детей, а весной 1914 г. в Севастополе создается Институт физических методов лечения, положивший начало отечественной физиотерапии.

Опыт строительства социализма в нашей стране, в том числе и развитие курортно-санаторной деятельности в Крыму, показывает, что при данном политическом строе благотворительность может осуществляться только в небольших масштабах.

В соответствии с Декретом 23 декабря 1920 г. за подписью Ленина «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» все курорты и санатории Крыма были переданы в государственную собственность и подчинены Наркомздраву. С этого времени отношение к благотворительности резко изменилось. Все функции по социальной защите всех групп населения, в том числе по курортно-санаторному обслуживанию, взяло на себя государство. Само понятие благотворительности стало носить уничижительный характер, осуждалась сама идея уместности при социализме. Патерналистская функция государственных органов, в том числе в деле охраны здоровья населения, не оставила места благотворительности как социальному институту, и, кроме того, в советской России некому было брать на себя функции меценатства. В Крыму стали организовываться за счет государства новые как профилактические, так и лечебные учреждения: институты, санатории, курортные пансионаты, детские пионерские санатории-лагери, детские санатории, а также подсобные медицинские учреждения (лечебные пляжи, солярии, лаборатории и т. п.).

---

¹ Мальгин А. В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX вв. – 2-е изд. – Симферополь: Сонат, 2016. – 349 с.

² Большакова О. В. 2005.04.012. Мальгин А. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху империи. Конец XVIII – начало XX в. – Симферополь, 2004. – 352 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – 2005. – № 4. – С. 47.

За первые 10 лет советской власти через курортные учреждения Крыма прошло более 250 тыс. больных со средним пребыванием на курорте в 39,3 дня. Начали строиться грязевые курорты всесоюзного значения. Если в 1923 г. на крымских курортах насчитывалось 1 500 коек, то в 1930 г. функционировало свыше 7 тыс. коек.

В этот период в условиях общественной собственности на природные ресурсы и санаторно-курортные объекты в функционировании и развитии рекреационно-курортной деятельности, вместо благотворительности, стали играть важную роль такие нравственные институты, как *справедливость* как высшая добродетель, *совесть*, выражающая внутреннюю убежденность нравственного значения совершаемых действий, способность работников к моральному самоконтролю, *сострадание (сочувствие)*, основанное на признании законности потребностей и интересов человека, в том числе в сохранении и улучшении своего здоровья.

Переход к рыночной экономике, изменение политических и социально-экономических условий в начале XXI столетия, недостаточное финансирование социальной сферы, а также создание правовой базы, регулирующей благотворительную деятельность, способствовало ее возрождению, в том числе в рекреационно-курортной деятельности.

Согласно Федеральному закону от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки.

Духовная деятельность (духовное производство, духовный труд) – особая форма человеческой деятельности (в экономическом смысле), определенным образом институционализированная, организованная, профессионально закреплённая за особой группой работников в соответствии с классификацией ОКВЭД. Духовная деятельность выполняет важную социально-экономико-интегративную функцию, является мощным фактором включения человека в производственную деятель-

ность, берет на себя задачу объединения людей в региональное и локальное сообщество.

Ученые выделяют следующие виды (институты) духовного производства: науку, образование, культуру, искусство, право и религию. Некоторые философы, экономисты и социологи добавляют к ним и мораль, хотя мораль создается самим обществом, а не изобретается профессионалами.

Ключевой аспект духовно-нравственной парадигмы – *доверие*, в современных условиях становится доказанным реальным стимулом экономического роста, основой эффективного экономического взаимодействия, является законом успешного и взаимовыгодного предпринимательства, в том числе в сфере курортно-рекреационной деятельности, выступает важным источником регионального развития и наращивания социального капитала. Как считает Нобелевский лауреат по экономике К. Эрроу, «в сущности каждая коммерческая операция содержит в себе элемент доверия, особенно если она занимает определенный период времени. Было бы вполне правдоподобно утверждать, что большая часть экономической отсталости в мире может быть объяснена недостаточностью взаимного доверия»¹. Ф. Фукуяма доверие трактует следующим образом: «Доверие есть возникающее в рамках определенного сообщества ожидание того, что члены данного сообщества будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепризнанными нормами»².

Академик О. Т. Богомолов подчеркивал: «Российская практика страдает от чуть ли не поголовного дефицита доверия, что сковывает бизнес, парализует долгосрочное банковское кредитование, сдерживает внедрение и реализацию институциональных проектов»³. Доверительные отношения между предпринимателями, между предпринимателями и потребителями услуг, особенно в социальной сфере,

---

¹ Arrow K. J. Gifts and exchanges // Philosophy and public affairs. – 1974. – Vol. 1, no. 4. – P. 357.

² Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и создание благосостояния // Новая пост-индустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 134.

³ Богомолов О. Т. Нравственный фактор социально-экономического прогресса // Вопросы экономики. – 2007. – № 11. – С. 56.

в том числе и в рекреационно-курортной деятельности, действуют тогда, когда в обществе, в социуме соблюдаются такие нравственные каноны и нормы, как *порядочность, честность, правдивость*, когда не нарушаются юридически оформленные соглашения, не фальсифицируется качество продукции или услуг, не обманывают клиентов. Необходимость объединения усилий в трудовой деятельности вызывает потребности взаимных обязательствах и, следовательно, в доверии.

Можно напомнить, что российская экономика при Николае I держалась преимущественно на честном слове старообрядцев, на обязательности купеческого слова.

Важнейшим компонентом духовно-нравственной парадигмы в советский период развития России был советский патриотизм, в центре которого – всенародный *героический труд*, приведший к небывалому экономическому росту в стране. В СССР насаждался культ труда, почтение к труду, считалось, что труд – это благо, посланное советскому человеку, а его плоды – священны. Готовность работника следовать жестким государственным планам и программам, четкое соблюдение многочисленных пунктов различных инструкций, долгосрочная ориентация экономики, нацеленность на коренные перемены в странах, которые базировались на вышеуказанных постулатах, в итоге вылились во впечатляющие экономические результаты.

Одним из всех периодов социалистического строительства в Крыму, в том числе в сфере курортов и туризма, было то, что оно осуществлялось за счет героического напряжения сил всего крымского народа, совершения трудовых подвигов из-за внутренних порывов, появляющихся при определенных обстоятельствах¹. Государственной наградой звания Героя социалистического труда были удостоены более ста крымчан. Исследование трудовых успехов в экономическом развитии Крыма, проведенное в работе, доказывает, что именно человек со своим образованием, знаниями, опытом, квалификацией и своим отношением к трудовой деятель-

---

¹ Цёхла С. Ю., Симченко Н. А., Потеев А. Т. Трудовые подвиги в экономическом развитии Крыма. – Симферополь: Ариал, 2020. – С. 181–182.

ности определяет настоящее и будущее социально-экономического развития региона.

По результатам настоящего исследования можно резюмировать следующее.

1. Крымчане в своем большинстве – носители одного типа с остальной Россией культурного, социального, интеллектуального кода, а также капитала здоровья.

2. Республика Крым обладает необходимыми ресурсами и условиями для развития рекреационно-курортного хозяйства и превращения его в ведущую отрасль региональной экономики. Курортно-рекреационная деятельность республики основывается на активном использовании практически всех видов ресурсов и условий региона, в том числе мощного природно-ресурсного потенциала, значительных социально-экономических возможностей, уникального культурно-исторического наследия.

3. Республика Крым – это относительно замкнутое естественно-географическое и целостное социально-общественное образование, в котором исторически сформировалось общее геокультурное пространство в результате сосуществования, интеграции, диссимилиации, действия и взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, духовных, нравственных, ценностных установок разных народов и этносов со своим восприятием конкретных образов и картин окружающего мира. Все это – безграничные ресурсы и условия для активизации рекреационно-туристической деятельности. Духовно-нравственная парадигма в развитии Крыма формировалась именно в историко-географическом контексте территории, позволяющей обнаружить устойчивые и тесные внутренние связи, найти сменяющие друг друга укоренившиеся местные сообщества, населявшие и осваивающие пространство полуострова. Региональная идентичность анализирует и осмысляет культурно-географическое пространство, в котором акцент делается на общенациональную духовно-нравственную идентичность, а также на многослойные периферийные кросс-культуры, жестко фиксированные, четко ограниченные пространством Крымского полуострова.

3 Стратегические приоритеты социально-экономического развития Крыма в сопряжении с духовно-нравственным императивом

3.1 Основной вектор перманентного развития Крыма в обозримой перспективе

Республика Крым, как и вся Россия, вступила в период развития, когда стратегические возможности, внешние и внутренние вызовы и риски, конфликты и столкновения стали существовать и действовать одновременно, а значимость неопределенности и непредвидимых факторов в социально-экономическом развитии региона значительно усиливается.

В настоящее время Россия заняла первое место в мире по количеству рестрикций среди стран, против которых когда-либо вводили санкции. По данным Института экономики РАН, в 2023 г. их насчитывалось 13 596. С позиций интересов обычных людей в результате санкций произошло падение доходов населения, получили очень высокую инфляцию, существенный рост цен, заметными стали риски в социальной сфере.

Будущее развитие Крыма обладает не только общими контурами и чертами современного и будущего социально-экономического развития России, но и выделяется своей региональной спецификой, базирующейся на собственных региональных реалиях и региональных интересах.

Еще постановлением Правительства РФ от 11 августа 2014 г. № 790 (в ред. от 28 сентября 2017 г.) «Об утверждении Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 г.» и Федеральным законом РФ от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Рес-

публики Крым и города федерального значения Севастополя», а также соответствующими региональными законами (законом Республики Крым от 9 января 2017 г. № 352-ЗРК/2017 «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 г.» в редакции от 30 мая 2018 г., в частности, основными положениями данной стратегии) были определены приоритеты будущего социально-экономического развития Крыма.

Поэтому общая концепция развития Крыма и его рекреационно-курортного комплекса будет и дальше находиться в фокусе вышеназванных правительственных актов, а также в русле принятого в 2014 г. Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Хотя эти нормативные акты и содержат жесткую регламентацию стратегирования регионов Российской Федерации, политико-географическая и геоэкономическая субъектность Крыма, духовно-нравственные императивы и сложившаяся ситуация позволяют формулировать собственные прогнозные тренды развития Крыма¹. В экономическом пространстве Республики Крым основным вектором стратегического развития выступает «генетический код» – *консюмеризм* (от лат. *consumer* – потребитель), согласно которому экономическая деятельность в регионе будет базироваться на возрастающем потреблении пришлым и собственным населением высококачественных услуг исторически сложившегося рекреационно-курортного комплекса общегосударственного значения.

Геополитические, исторические, социальные и культурные особенности Крыма (наряду с природно-ресурсным, производственно-хозяйственным, транспортно-коммуникационным и этнодемографическим потенциалом) становятся

---

¹ Кирильчук С. П., Симченко Н. А. Потенциал эффективности развития российской экономики: сценарный подход // Теоретическая экономика. – 2022. – № 2 (86). – С. 76–87; Симченко Н. А., Кирильчук С. П. Теоретический дискурс в развитии положений традиционного институционализма и неинституционализма в условиях цифровой поляризации // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2022. – № 2 (76). – С. 177–182; Симченко Н. А., Коркин В. И. Социально ориентированный экономический рост современной России: концепты и факторы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 111–118.

в обозримом будущем своеобразным «товаром», важным преимуществом в конкуренции с другими регионами страны.

Для обеспечения комплексного развития Крыма в обозримой перспективе предполагается продолжить согласно федеральной целевой программе «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 г.» формирование в Республике Крым шести *туристско-рекреационных кластеров* (в частности, кластер в г. Евпатории, детский отдых и оздоровление, кластер в г. Саки, лечебно-оздоровительный отдых и др.). Это дает возможность создавать необходимые объекты обеспечивающей инфраструктуры, усиливать оздоровительно-развлекательные функции, активизировать инвестиционную и туристическую деятельность в Крыму, направленную на оздоровление человека, восстановление его трудового потенциала¹.

Исходя из этой целевой установки в стратегическом видении развития Крыма упор делается не на различных реформах, не на типично экономическом росте, а на развитии человека, на удовлетворении его потребностей, причем не только проживающего в пределах региона, но и преимущественно пришедшего из других регионов населения, пребывающего в регион с целью получить уникальные рекреационно-курортные услуги. Сюда следует присоединить создание и обновление производственной и социальной инфраструктуры.

Основной территориально-отраслевой формой организации хозяйства Крыма в обозримой перспективе должен выступить *рекреационно-курортный комплекс* с диверсифицированным набором соответствующих отраслей, сопряженное функционирование которых позволяет генерировать синергетический эффект. Рекреационно-курортному комплексу надлежит стать ведущим звеном в региональной экономике Крыма. Остальные сферы хозяйственной деятельности должны быть ориентированы на первоочередное удовлетворение потребностей рекреационно-курортного комплекса и населения региона на основе опережающего формирова-

---

¹ Нехайчук Д. В., Тарасов В. И., Трофимова В. В. Крымский вектор в управлении развитием территориями: от теории к практике: монография. – Симферополь: Крымский институт бизнеса, 2016. – С. 154.

ния высокотехнологичных и конкурентоспособных производств, обеспечивающих приток финансовых поступлений в региональный бюджет¹. На рекреационно-курортный комплекс непосредственно работают также сельское хозяйство и пищевая промышленность. Для этого следует создать условия для глубокой структурно-функциональной перестройки хозяйства региона с соответствующим правовым и организационно-экономическим обеспечением².

В связи с проведением специальной военной операции на Украине трансформируется функционально-отраслевая структура хозяйства и динамика развития Крыма. Формируются подразделения по охране и обороне особо важных и ценных объектов в условиях повышенной опасности или крайнего осложнения оперативной обстановки. Крым стал одной из главных тыловых баз специальной военной операции. По его единственной железнодорожной ветке осуществляется подвоз топлива, продовольствия, войск, техники и боеприпасов для южной группировки. Силами железнодорожных войск планируется построить короткий путь в 225 км от Крымского моста до Севастополя, параллельно стратегической автостраде «Таврида», стоимость проекта составит 35 млрд р. В Севастополе будет возведен крупный военный и гражданский логистический центр общей стоимостью 17 млрд р.

В рамках госпрограммы развития Крыма и г. Севастополя, продленной в апреле 2022 г. Президентом России В. В. Путиным до 2027 г. по программе социально-экономического развития Крыма, планируется построить 89 новых объектов, куда входит, в частности, строительство у озера Мойнаки нового уникального лечебного комплекса площадью номерного фонда до 100 тыс. м², продолжение строительства в регионе канализационно-очистных сооружений, водоочистительной станции в г. Красноперекоском. Продолжится реализация в пределах Крыма национальных проектов. В одном только 2022 г. в Крыму реализовывалось 12 национальных проектов (только на их осуществление республика получила 21,5 млрд р.) и 47 региональных. Основные из них относились к сферам здравоохранения, образования, жи-

---

¹ Новиков Ю. Н. Модель анализа экономики Крыма в составе экономики России на основе национальных счетов. – Симферополь: ИП Хотеева Л. В., 2017. – С. 147.

² Социокультурная трансформация регионального развития Крыма: монография / Д. А. Вольхин, И. Н. Воронин, С. А. Гуров и др. – Симферополь: Ариал, 2022. – 218 с.

лично-коммунального хозяйства, экологии, цифровой экономике. В 2023 г. на их реализацию уже выделено почти 17 млрд р. Самый популярный национальный проект – «Здравоохранение». В 2022 г. на реализацию данного проекта республика получила 2,4 млрд р.

В рамках государственной программы «Развитие туризма» предусмотрены: организация круглогодичного функционирования плавательных бассейнов; создание обеспечивающей инженерной и транспортной инфраструктуры; создание пляжей; создание модульных некапитальных средств размещения; кемпингов и автокемпингов; разработка новых туристских маршрутов¹.

Из федерального бюджета на развитие туризма предусматривается выделение Крыму в 2022–2024 гг. в совокупности свыше 20 млрд р. – более половины всех межбюджетных трансфертов субъекта РФ на поддержку отрасли. Предусматривается введение курортного сбора, организация выдачи сертификатов на турпоездки семьям участников СВО. Предполагается освободить турпродукт, который формируют туроператоры, от НДС начиная с января 2023 г. и до июля 2027 г., как это сделано для гостиниц и перевозчиков².

Республика Крым вошла в число победителей *конкурсного отбора на 2023 г.* среди субъектов Российской Федерации на предоставление грантов, направленных на развитие туристической инфраструктуры, благоустройство пляжных территорий и поддержку событийных мероприятий. Общая сумма гранта на развитие туризма – 165 млн р. в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства».

Ярко выраженная *сезонность* предоставления рекреационно-курортных услуг в Крыму выступает одним из важнейших недостатков этой сферы деятельности. Длительность высокого сезона в Крыму составляет всего 5 мес. (с мая по сентябрь), из которых наиболее активный курортный сезон отмечается в июне – августе, когда пляжи и парки терпят серьезные перегрузки.

---

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма»: постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2439 (ред. от 15 апреля 2023 г.).

² Крымские известия. – 2022. – 25 августа.

Преодоление фактора сезонности основных видов отдыха (по сравнению, например, с курортами Южной Европы) следует обеспечивать на основе рыночных механизмов, в частности, ценовых льгот местному населению в определенные сезоны и в определенных местах Крыма, а также продвигать виды отдыха и лечения, не подверженные серьезным сезонным колебаниям. Это прежде всего развитие культурно-исторического, событийного, конгрессного, делового вида туризма. Крым может стать «*Меккой отечественного туризма*». Становится необходимым создание в Крыму соответствующей инфраструктуры для игровых, олимпийских и паралимпийских видов спорта федерального уровня, особенно тех, тренировочные условия которых требуют круглогодичного наличия плюсовой температуры (например, футбол, волейбол, легкая атлетика и т. п.) и водной акватории (в частности, гребной спорт, гребля на байдарках и каноэ, парусный спорт, триатлон и др.). В Крыму могут получить развитие экстремальные виды спорта, а также следует популяризовать идею проведения здесь российских и международных соревнований по экстремальным видам спорта.

Необходимо подчеркнуть, что неповторимый потенциал рекреационно-курортной деятельности в Крыму во многом еще не востребован¹. Следует вовлекать ранее неосвоенные ресурсы в рекреационно-курортное использование с целью диверсификации структуры рекреационно-курортного комплекса и разгрузки староосвоенных территорий.

В качестве *перспективных территорий* полномасштабного вовлечения в рекреационное функционирование возможно привлечение *равнинно-степного* Крыма

---

¹ Селиванов В. В. Исследование возможностей рекреационных ресурсов Республики Крым для развития инновационных направлений туристской и экскурсионной деятельности: монография. – Ялта: РИО гуманитарно-педагогическая академия, 2020. – С. 17–18; Цепилова Е. С. Особые экономические зоны туристско-рекреационного типа и туристско-рекреационные кластеры как инструменты развития туризма // Финансовые исследования. – 2021. – № 3 (72). – С. 80–91; Кузнецов Н. Г., Цепилова Е. С., Родионова Н. Д. Роль экологического туризма в развитии туристских дестинаций России // Beneficium. – 2021. – № 4 (41). – С. 48–55.

– территории, в настоящее время оторванной в рекреационном отношении от развитых и популярных побережий и используемой как территория транзита¹.

Необходимо «встроить» туристско-рекреационную сферу равнинно-степного региона в рекреационно-курортный комплекс развитых прибрежных территорий, используя при этом специально разработанную программу. Большими возможностями для рекреации располагают болотно-охотничьи угодья Сиваша.

На глубинных территориях Крыма есть все необходимые условия для нового масштабного рекреационного освоения. К ним можно отнести: живописные ландшафты долин горного Крыма; наличие свободных ресурсов для рекреационного строительства и более низкие затраты на строительство здравниц, чем на побережье, которое отличается сложным рельефом, особыми гидрологическими, инженерными и сейсмическими условиями; развитие скоростного транспорта, который доставит рекреантов к морю и обратно.

Следует сказать о такой тенденции, как продолжающееся ухудшение целебных свойств природной среды Крыма за счет загрязнения воздушного и водного бассейна². Ухудшаются и изменяются целебные свойства эксплуатируемых лечебных грязей. На базе крымской рапы и местных лечебных грязей до сих пор отсутствует брендовая продукция.

В качестве *перспективных месторождений* для использования в санаторно-курортных целях можно рассматривать шесть объектов, в том числе озера Сакское, Чокракское, Узунларское, Кояшское, Джарылчагское, Тобечикское, в которых общие запасы лечебных грязей составляют 28 млн м³.

Вместе с тем в настоящее время в связи с проведением специальной военной операции на Украине и введением Западом санкций резко усиливается значимость *духовно-нравственных принципов и установок* в хозяйственном развитии региона. Анализ единовременной рекреационной емкости ресурсов Крыма показывает, что

---

¹ Территория и общественное развитие: когнитивный анализ в геоэкономическом контексте: монография / М. Г. Никитина, В. В. Побирченко, Е. А. Шутаева, Д. Б. Мираньков. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2018. – С. 146–147.

² Доклад о состоянии и охране окружающей среды Республики Крым в 2020 г. – Симферополь, 2021. – 466 с.

экономический оптимум ежегодного въездного потока находится на уровне до 9 млн чел., а если будут увеличены площади рекреационных ресурсов (в том числе равнинно-степных), то в перспективе возможен рост рекреантов до 10–15 млн чел.

В связи с возрастающими нагрузками на инфраструктуру и окружающую среду в целом должен обязательно соблюдаться режим *санитарной охраны*. В частности, наистрожайший режим должен быть установлен для месторождений минеральных вод (для скважин, источников), месторождений лечебных грязей, других месторождений полезных ископаемых, используемых в лечебных целях, а также для оборудованных лечебных пляжей и прилегающих к ним акваторий. Здесь категорически запрещается проживание людей и осуществление любой хозяйственной деятельности.

Сохраняющийся низкий уровень развития *инфраструктуры*, в том числе недостаточная развитость внутрирегиональной дорожной сети, активизирует необходимость развития транспортной инфраструктуры. Недостаточное количество гостиниц не только международного класса (4- и 5-звездочных), но и 3-звездочных предопределяет надобность в строительстве относительно *недорогих отелей* (например, категории 3*), предоставляющих отдыхающим качественный сервис, который позволяет конкурировать региону с Турцией и Египтом, а также курортами Краснодарского и Ставропольского краев. Достаточно высок физический и моральный *износ* материально-технической базы большинства объектов рекреационно-курортной сферы в связи с небольшими объемами инвестиций и недостатком средств на обновление основных фондов. Необходимы реконструкция и модернизация многих курортно-санаторных объектов, обновление лечебно-диагностической аппаратуры. Если речь идет о курорте, то необходима целая совокупность сооружений, зданий, систем и служб, необходимых для функционирования курортной системы, включая рестораны, гостиницы, парки, центры досуга, цветники, фонтаны, пляжи.

Решение сложных социальных проблем позволит обеспечить *стабильную нагрузку* всех объектов курортно-санаторного лечения, отдыха и туризма. Так, дей-

ствующая стратегия развития туристического компонента рекреационно-курортного комплекса предполагает рост турпотока до 2030 г. до 10–11 млн чел., включая более 3 млн чел. в организованном секторе.

Для потенциально отдыхающих важными остаются такие факторы, как близость к морю, комфортность, качество питания, условия для отдыха детей, благоустройство территории, стоимость проживания.

Необходимо продолжить формирование соответствующего *имиджа* Крыма, предлагать отдыхающим наслаждение крымской природой, ее целебными дарами (в частности, курортное лечение), познание уникальной культуры края.

Важным стратегическим направлением выступает дальнейшее активное развитие в рекреационно-курортном комплексе различных реформ государственно-частного партнерства¹, заметное повышение социальной ответственности корпоративных структур², а также проведение *научно-исследовательских, проектных и поисковых работ* по актуальным проблемам функционирования и трансформации рекреационно-курортного комплекса, рационального использования природного и историко-культурного потенциала региона.

Медицинские специалисты могут организовать учреждения *оздоровительного туризма*, которые одновременно с проживанием, питанием, досугом будут предоставлять профилактические и консультационные оздоровительные услуги. Данный вид услуг нуждается в значительных инвестициях, связанных со строительством (модернизацией) жилья, обустройством территории, приобретением оборудования и медицинструментов. С позиций учета региональных приоритетов оздоровительный туризм является наиболее перспективным и социально значимым.

---

¹ Симченко Н. А., Яновская А. А. Развитие форм государственно-частного партнерства в санаторно-курортном комплексе // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства: сб. науч. тр., вып. 6. – Симферополь: Ариал, 2020. – С. 570–573.

² Трансформация сферы социально значимых услуг в экономике России / Д. Н. Ганченко, Н. А. Симченко, Л. В. Рябцева и др. – Симферополь: Полипринт, 2019. – 167 с.; Симченко Н. А., Волошин А. И., Срибный В. И. Корпоративная социальная ответственность. – Симферополь: Ариал, 2019. – 230 с.

С точки зрения региональных приоритетов перспективным направлением может выступать организация услуг *лечебно-оздоровительного туризма*¹, включая профилактические и прочие консультационные медицинские услуги². Медицинский туризм в Крыму превращается в особую форму предпринимательской деятельности³. Исторически сформировавшийся медико-рекреационный облик Крыма еще в большей степени «вписывается» в экосистему Крыма⁴. Большие перспективы, наряду с лечебно-оздоровительным туризмом в Крыму, имеет спортивно-оздоровительный туризм, который не только оздоравливает, укрепляет и развивает человека, его силу воли и духа, но и повышает социальную активность, интеллектуальное развитие и поднимает культурный уровень населения.

Поскольку Крым в настоящее время является составной частью Российской Федерации, сохраняет роль летней культурной столицы страны, остается важнейшим центром классической и модернистской русской культуры, *культурно-исторический туризм* в сложноорганизованном общественном пространстве региона превращается в одну из ведущих суботраслей туризма⁵.

Благодаря историческому туризму человек имеет возможность территориального (место исторического события, этническое поселение и т. д.), организационного (музеи, выставки) и тематического (отдельные аспекты культурной жизни, творчества) ознакомления с прошлым полуострова. Специалисты в области исторического туризма особо подчеркивают наличие в данном регионе компонента

---

¹ Зырянов А. И., Баюнова А. Д., Гирш Ю. Д. Проблемы развития лечебного туризма в России // Актуальные проблемы развития туризма и индустрии гостеприимства: сб. науч. тр. II Международ. науч.-практ. конф. (Казань, 23 октября 2019 г.). – Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2019. – С. 189–193.

² Соболева С. Ю., Соболев А. В. Кластерный подход к формированию зон лечебно-оздоровительного туризма // Волгоградский научно-медицинский журнал. – 2018. – № 1 (57). – С. 7–10; Савельева Н. А., Сафина Е. О., Рокотянская В. В. Исследование состояния и развития медицинского туризма в России в целях совершенствования управления продвижением услуг // Естественно-гуманитарные исследования. – 2022. – № 41 (3). – С. 237–245.

³ Управление развитием медицинского туризма как особой сферы предпринимательства / Г. М. Романова, Н. А. Савельева, Т. Ю. Анопченко и др. – М.: Ай Пи Ар Медиа, 2020. – 252 с.

⁴ Симченко Н. А., Яновская А. А., Цехла С. Ю. Экосистемная модель медико-рекреационного развития Республики Крым // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 77–86.

⁵ Рябова Е. Л., Терновая Л. О. Исторический туризм – соединения путешествия в пространстве и времени // Альманах Крым. – 2020. – № 22. – С. 11–21.

наследия. Здесь исторически совместно проживают несколько народов, которые имеют право на идентичность, на сохранение и воспроизводство себя демографически и культурно.

В Крыму, в отличие от других популярных курортов Российской Федерации, перспективное развитие получает так называемый *интеллектуальный туризм*. Знаменитые дворцы, являющиеся шедеврами архитектуры (в частности, Ливадийский, Воронцовский, Массандровский дворцы), этнографические музеи, литературные дома-музеи А. П. Чехова, А. С. Грина, А. Н. Ахматовой, М. А. Волошина, Н. З. Бирюкова, С. Н. Сергеева-Ценского, Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского, Ханский дворец в Бахчисарае, «Малый Иерусалим» в Евпатории и многое другое привлекают и будут привлекать любознательных людей на полуостров. Поскольку Крым – мультикультурный регион, с громадным античным наследием, впитавший в себя множество различных культур, важную роль в развитии функциональной и территориальной структуры рекреационно-курортного комплекса могут сыграть *мифологические ресурсы* народов, населявших Крым в разные исторические эпохи. В частности, в Крыму может быть актуализировано более 60 мифов, относящихся к античному миру¹.

В 2023 г. Крым получит 15,8 млрд р. из федерального бюджета в рамках госпрограммы «Развитие туризма» на поддержку и развитие *событийного туризма*². В числе событийных проектов – этногастрономический фестиваль «Ноябрьфест».

Крым – один из немногих регионов России, где исторически сформировался и получает дальнейшее развитие религиозный туризм, который делят на два вида: религиозно-познавательный экскурсионный и паломнический³. Первый вид туризма ориентирован на желающих (не обязательно верующих) посетить культовые

---

¹ Территория и общественное развитие: когнитивный анализ в геоэкономическом контексте: монография / М. Г. Никитина, В. В. Побирченко, Е. А. Шутаева, Д. Б. Мираньков. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2018. – С. 161.

² Гриненко С. В. Организация событийного туризма в границах национальных парков Российской Федерации // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. – 2022. – № 4 (16). – С. 41–50.

³ Огудин В. Л. К вопросу о «религиозном туризме» // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России: материалы I Всерос. с междунар. участием науч. конф. (Алушта, 26–27 апреля 2018 г.). – Алушта: Ариал, 2018. – С. 22–28.

сооружения (монастыри, церкви) с познавательными целями¹. Второй вид представлен верующими, отправляющимися с определенными целями к культовым объектам, к местам-святыням, именуемыми в православном христианстве паломниками (а также крестоходцами, т. е. «странствующими богомольцами»), а в исламе – зияратчи (от араб. «посещение»).

Согласно исследованию М. П. Никифоровой и М. С. Мирненко, к наиболее посещаемым культовым сооружениям православия относятся: в Симферополе – Собор во имя Святого князя Александра Невского, в Бахчисарае – Свято-Успенский пещерный мужской монастырь и пещерный монастырь Качи-Кальон, в Балаклаве – Свято-Георгиевский монастырь и церковь Двенадцати апостолов, в селе Тополевка Белогорского района – Тополевский Свято-Троице-Параскевиевский женский монастырь, в Севастополе – Покровский Собор покрова Пресвятой Богородицы и Свято-Никопольская церковь, в Инкермане – Свято-Климентовский пещерный мужской монастырь, в Фаросе – храм Светлого Христова Воскресения, в Ореанде – храм Святого Архистратига Михаила, в селе Малореченском (Большая Алушта) – храм-маяк святителя Николая и др.²

По данным автора в Республике Крым в 2023 г. насчитывалось 367 местных религиозных организаций русской православной церкви, в том числе 16 монастырей (приложение И). По крымским святым местам организованы 16 паломнических маршрутов (приложение К). По материалам Крымской Митрополии, в 2022 г. Крым для поклонения посетили более 5 тыс. чел. не только с территории Российской Федерации, но и многих стран славянского мира. М. П. Никифорова и М. С. Мирненко называют наиболее распространенные и наиболее посещаемые в Крыму мусульманские святыне места и мечети, среди которых культовые сооружения: в Евпатории – Текие дервишей и мечеть Джума-Джами, в Симферополе – Кебир Джами, в Бахчи-

---

¹ Арутюнян Д. В., Брюханова Г. Д. Современное состояние религиозного туризма на внутреннем рынке // Молодежь – науке – XII. Актуальные проблемы туризма, гостеприимства, общественного питания и технического сервиса: материалы Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. (Сочи, 15–17 апреля 2021 г.). – Сочи: СГУ, 2021. – С. 370–372.

² Никифорова М. П., Мирненко М. С. Религиозный туризм в Крыму: современное состояние и перспективы развития // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 2 (58). – С. 636–641.

сарая – Биюк Хан Джами (Большая Ханская мечеть), Исми Хан Джами и Орта Джами (Бахчисарай), в Старом Крыму – мечеть Байбарса и мечеть Хана Узбека, в Судак – Аджи-бей, в Феодосии – Муфти-Джами. Более подробно мусульманских святыни, связанные с паломничеством, рассмотрены в статье Е. В. Соболевой¹.

Как справедливо считают эти исследователи, посещение действующих культовых объектов, созерцание ландшафтов Крыма, приобщение к духовно-нравственной культуре, соблюдение религиозных правил на пути следования несет в себе огромный положительный заряд. Особенно он важен для расширения кругозора подрастающего поколения, воспитанного в рамках городской субкультуры и практически утратившего связь с землей предков.

С позиций региональной экономики паломничество – это новые рабочие места в туристическом бизнесе, в пансионатах, гостиницах, денежные поступления в местный бюджет. В рабочей силе (трудниках) нуждаются и многочисленные крымские монастыри.

Усиливается интерес к таким видам отдыха, как морские прогулки на катере, яхте, корабле. Предлагается создание круглогодичного *морского курорта* в Крыму. Перспективным считается *горный туризм*, в частности, скалолазание, спелеотуризм, вело-, автотуризм. Предлагают отдыхающим *этнографический туризм*, *охотничий туризм*. Большими возможностями для будущего развития имеет *сельский туризм*, учитывая этническое разнообразие Крыма². Представляет интерес развитие *археологического туризма*, связанного с продажей лицензий на раскопки, открытием аукционов по продаже находок. В условиях формирования цифровой среды в регионе устойчивый спрос приобретает *самостоятельный туризм*, который представляет собой форму организации путешествий, использующую современ-

---

¹ Соболева Е. В. Мусульманські святині Криму: походження та складові культу поклоніння = Мусульманские святыни Крыма: происхождение и составляющие культа почитания // Краєзнавство. – 2012. – № 3. – С. 33–41.

² Зырянов А. И., Семиглазова В. А. Сельский туризм: от географических конструкторов к моделям развития // География и природные ресурсы. – 2021. – Т. 42, № 1. – С. 33–41.

ные информационные технологии и частичный или полный отказ от профессиональных услуг посредников в лице туристических фирм¹.

В Крыму в полной мере наиболее ярко проявились принципы духовно-нравственной парадигмы.

Можно считать справедливым и глубоко нравственным, что прибывшие на территорию Крыма из Украины и Донбасса, Херсонской и Запорожской областей могут получить во всех учреждениях здравоохранения республики разнообразную медицинскую помощь при наличии миграционной карты или удостоверения личности. Они могут рассчитывать на первичную медико-санитарную и неотложную помощь, первичный осмотр и лабораторные исследования на коронавирус, а также вакцинацию в соответствии с календарем профилактических прививок. Губернатор С. В. Аксенов предложил участникам СВО и их семьям оздоравливаться в Крыму. Создается госфонд помощи семьям погибших участников СВО и ветеранов. Также предусмотрены меры поддержки в форме единоразовых выплат, медицинской реабилитации и социальной поддержки. Отличившиеся в ходе СВО сотрудники Росгвардии получают земельные участки в Крыму. Жители Крыма в 2022 г. отправили в зону проведения специальной военной операции *гуманитарные грузы*, в числе которых генераторы, бензопилы, брезент, теплые вещи, бытовая химия, медикаменты, транспортные средства, маскировочные сети.

Возрождается *патриотизм* как общественное явление, как важнейший компонент духовно-нравственной парадигмы, один из важнейших принципов нравственности, характеризующий отношение людей, каждого человека к своей Родине, региону. Он представляет собой один из принципов направленности гуманистического развития Крыма. В настоящее время в Крыму патриотизм проявляется сочувствием к страданиям беженцев. С середины 2022 г. он носит не пассивный, а активный характер. Так, в середине 2022 г. на территории Крыма находилось около 320 тыс. беженцев из Украины и Донбасса. В их обслуживании были задействованы тысячи крымчан. Более сотни детей были эвакуированы в Крым в начале

---

¹ Оборин М. С. Развитие самостоятельного туризма как актуальная тенденция спроса // Сервис plus. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 15–24.

октября 2022 г., их поселили в санаториях Евпатории, обеспечили местами в школах. Дети и дальше будут оставаться в оздоровительных лагерях.

В феврале 2023 г. в Крыму открылся первый в России детский *центр гуманитарной помощи*, где беженцы, многодетные, малоимущие родители, матери-одиночки могут подобрать для своих ребятишек одежду, обувь, средства гигиены. С момента образования центра гуманитарную помощь получили 24 тыс. крымчан, в том числе 11 тыс. беженцев.

В Крыму несовершеннолетние смогут получить статус «*Дети СВО*», что позволит его обладателям получать льготы, которые имеют люди со статусом «Дети войны». Новый статус смогут получить дети, в период проведения спецоперации проживавшие в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях.

Привлекательной моделью для будущего экономики Республики Крым является создание так называемой системы сельских *малых отелей* (особенно в горной местности) с соответствующей материально-технической базой, которые в итоге формируют в регионе «зеленую экономику».

Хорошим *примером* для новых регионов России – Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, является положительная динамика развития Крыма со времени перехода его под юрисдикцию Российской Федерации. Между Крымом и новыми регионами России будут подписаны соглашения в области развития туристическо-рекреационной деятельности. Опыт Крыма позволит им отстроить туристические объекты и инфраструктуру в максимально короткие сроки.

Требует своего решения и проблема «*тенизации*» рынка рекреационно-курортных услуг. Частные домовладения, в которых концентрируются до 80 % всего туристского потока, не подлежат налогообложению, к ним не применяется государственная статистическая отчетность.

На рекреационно-курортный комплекс непосредственно работают также сельское хозяйство и пищевая промышленность. Другие отрасли, прежде всего химическая и нефтехимическая, на основе опережающего формирования высокотех-

нологичных и конкурентоспособных производств, обеспечивают приток поступлений в региональный бюджет.

3.2 Узловые сценарии развития рекреационно-курортного комплекса Крыма в обозримой перспективе

Долговременные тотальные санкции консолидированного Запада диктуют необходимость пересмотра концептуальных основ ныне действующей региональной экономико-управленческой модели в таких важнейших аспектах, как борьба за человеческий капитал, создающий реальные возможности для реализации амбициозных проектов практически во всех сферах жизнедеятельности республики; формирование новых технологий в рекреационно-курортной сфере, в освоении всего многообразия ресурсов республики Крым, в первую очередь в курортологии; трансформация системы здравоохранения в высокодоходный сектор экономики, ориентированный на развитие инновационных методов оздоровления и реабилитации, высокотехнологичной медицины; формирование нового культурного пространства, в котором культурное достояние является базовым элементом идентичности региона. Однако в кризисные времена, в периоды больших общественных разломов растет неопределенность и резко сокращается горизонт прогнозирования. Все процессы в мире резко меняются, обостряются, в той или иной мере сказываясь и на развитии Крыма. К тому же в этот крымский мир залетели стаи «черных лебедей» – непредсказуемых плохих (отрицательных) событий. Мы не знаем, как и с какой силой они будут воздействовать на социально-экономические процессы в Крыму.

В любом случае развитие рекреационно-курортного комплекса остается одним из элементов системы восстановления здоровья населения, что способствует расширенному воспроизводству человеческого капитала (рисунок 15).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 15 – Логическая схема воздействия рекреационно-курортного комплекса на человеческий капитал

В начале третьей декады XXI века актуализировалась потребность в увеличении потока лиц в организации рекреационно-курортного комплекса для восстановления здоровья, пострадавшего в период пандемии COVID-19, а также в период проведения специальной военной операции. Однако наблюдаемая динамика и складывающиеся условия несут существенную угрозу развития рекреационно-курортного комплекса страны и регионов. Рассмотрим детальнее перечень рисков для развития рекреационно-курортного комплекса Республики Крым (таблица 10) и на основе сценарного метода спрогнозируем его развитие.

Таблица 10 – Перечень рисков для развития рекреационно-курортного комплекса Республики Крым

Описание риска	Вид риска	Срочность риска	Вероятность наступления
Снижение платежеспособного спроса	Экономический	Краткосрочный период	Очень высокая
		Среднесрочный период	Высокая
		Долгосрочный период	Средняя
Ухудшение состояния (состава) транспортно-логистической инфраструктуры	Экономический	Краткосрочный период	Высокая
		Среднесрочный период	Низкая
		Долгосрочный период	Низкая
Снижение туристической, культурно-исторической привлекательности региона	Социальный	Краткосрочный период	Низкая
		Среднесрочный период	Низкая
		Долгосрочный период	Низкая

Продолжение таблицы 10

Описание риска	Вид риска	Срочность риска	Вероятность наступления
Ухудшение экологической обстановки в регионе	Экологический	Краткосрочный период	Высокая
		Среднесрочный период	Низкая
		Долгосрочный период	Низкая
Затягивание продолжительности специальной военной операции с сохранением высокой степени небезопасности пребывания в регионе	Политический	Краткосрочный период	Очень высокая
		Среднесрочный период	Средняя
		Долгосрочный период	Низкая
Примечание – Составлено автором.			

Сценарный метод предполагает составление нескольких (оптимально – трех) вариантов гипотетических будущих условий (внешних, не поддающихся воздействию факторов) с построением на основе причинно-следственной связи пролонгации аппроксимированной траектории развития региона (динамики отдельных показателей) и желаемой реакции (приспособления) к возникающим внешним условиям (в том числе угрозам и возможностям) для обеспечения устойчивого социально-экономического состояния территории.

Составим прогноз динамики основных показателей состояния рекреационно-курортного комплекса для трех сценариев: пессимистичного, инерционного и оптимистичного. В числе основных показателей рассмотрены число организаций рекреационно-курортного комплекса (суммарное количество коллективных средств размещения и санаторно-курортных организаций), числа мест в них и размещенных лиц.

Для всех трех сценариев в 2022–2023 гг. будет наблюдаться шоковое падение, схожее с ковидным периодом, в связи с резким сокращением посещаемости Республики Крым и южных субъектов Российской Федерации ввиду небезопасной обстановки (данный регион обеспечивал в последние четыре года размещение более 10 % от числа лиц, посетивших организации санаторно-курортного комплекса), а также использованием ряда рекреационных организаций для размещения гражд-

дан, приехавших с территорий Донецкой и Луганской областей, и участников специальной военной операции. Однако, в отличие от ковидного периода, относительная глубина провала по Республике Крым будет больше, чем по России в целом.

Прогноз развития Республики Крым осуществлен на основе дедуктивного сценарного метода, включающего следующую последовательность этапов: выявление ключевых факторов (рисков) развития, анализ альтернатив их изменения (составление трех вариантов гипотетических будущих условий) и реакции на эти изменения основных акторов (потребителей и поставщиков услуг рекреационно-курортного комплекса). Для инерционного сценария пролонгируется сложившийся с учетом обстоятельств последних лет тренд динамики показателей, определенный на основе подбора наиболее подходящей полиномиальной функции (с $R^2 \geq 0,7$ и количеством пиков, соответствующим количеству переломов тренда, обусловленных внешними условиями) либо иной функции с более достоверным качеством аппроксимации (более высоким R^2). Прогноз для негативного и оптимистичного сценария корректируется относительно инерционного с учетом реакции (приспособления) акторов к возникающим внешним условиям (в том числе угрозам и возможностям), выведенной на основе логических методов построения причинно-следственной связи.

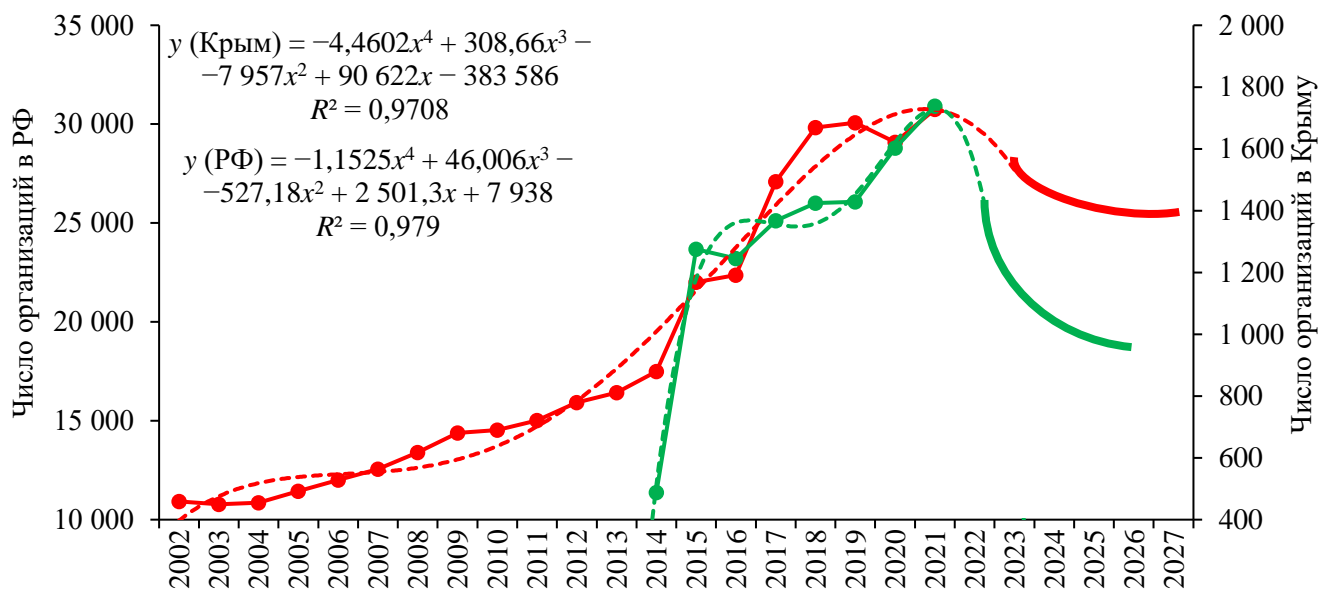
Пессимистичный сценарий характеризуется затягиванием международных конфликтов с участием России на длительный период и наступлением глубокого экономического кризиса, сопровождающегося падением покупательной способности и развитием негативных настроений в обществе.

Для данного сценария и для России в целом, и для Республики Крым в период нестабильности политической ситуации в регионе будет происходить резкое падение показателей с постепенным замедлением падения до уровня 2015–2016 гг. (рисунки 16–18).

Для расчета тренда по всем показателям воспользуемся полиномом четвертой степени, учитывающим понижающий наклон на прогнозном участке.

Относительное изменение показателей рекреационно-курортного комплекса будет наименьшим для показателя «число организаций» в силу сложности и дли-

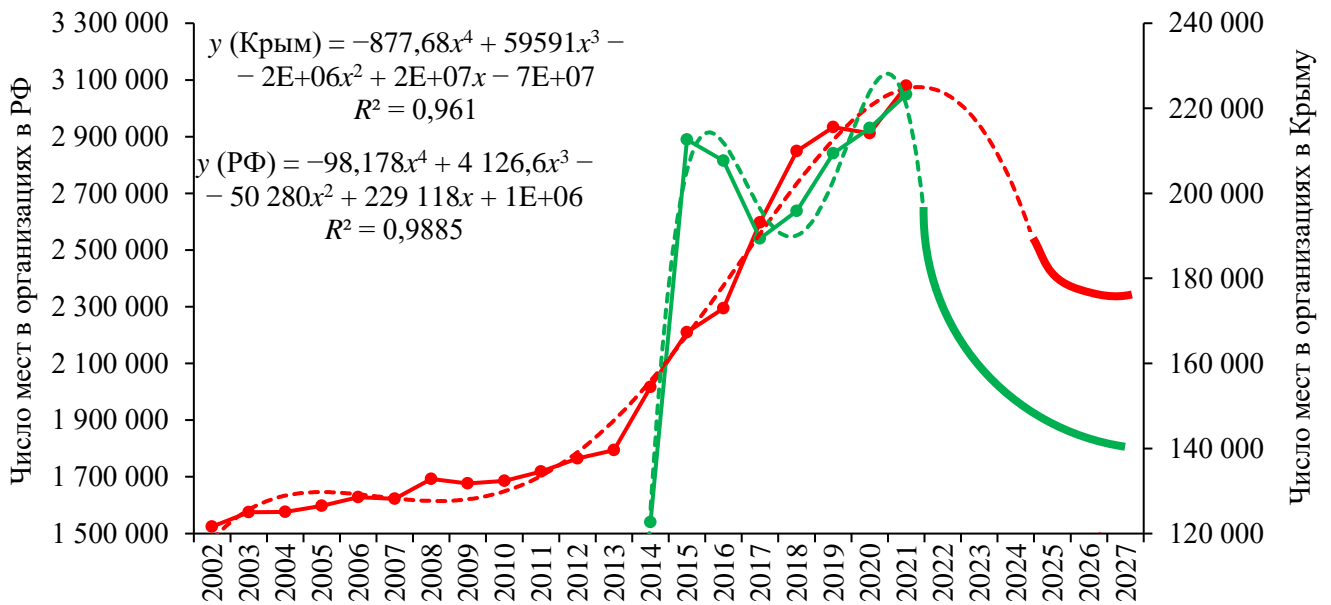
тельности открытия или закрытия нового предприятия, средним для числа мест в исследуемых организациях, в силу того, что сокращать число мест или создавать дополнительные места в зависимости от спроса может каждая организация, и наибольшим для численности размещенных в организациях лиц, поскольку спрос на услуги рекреационно-курортного комплекса весьма эластичен по цене, доходу и внешним факторам (политической обстановке, безопасности и пр.).

Примечание – Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Рисунок 16 – Прогноз динамики числа организаций рекреационно-курортного комплекса для пессимистичного сценария:
 Республика Крым: —●— фактическая динамика; - - - - - тренд; — прогноза;
 Российская Федерация: —●— фактическая динамика; - - - - - тренд; — прогноза

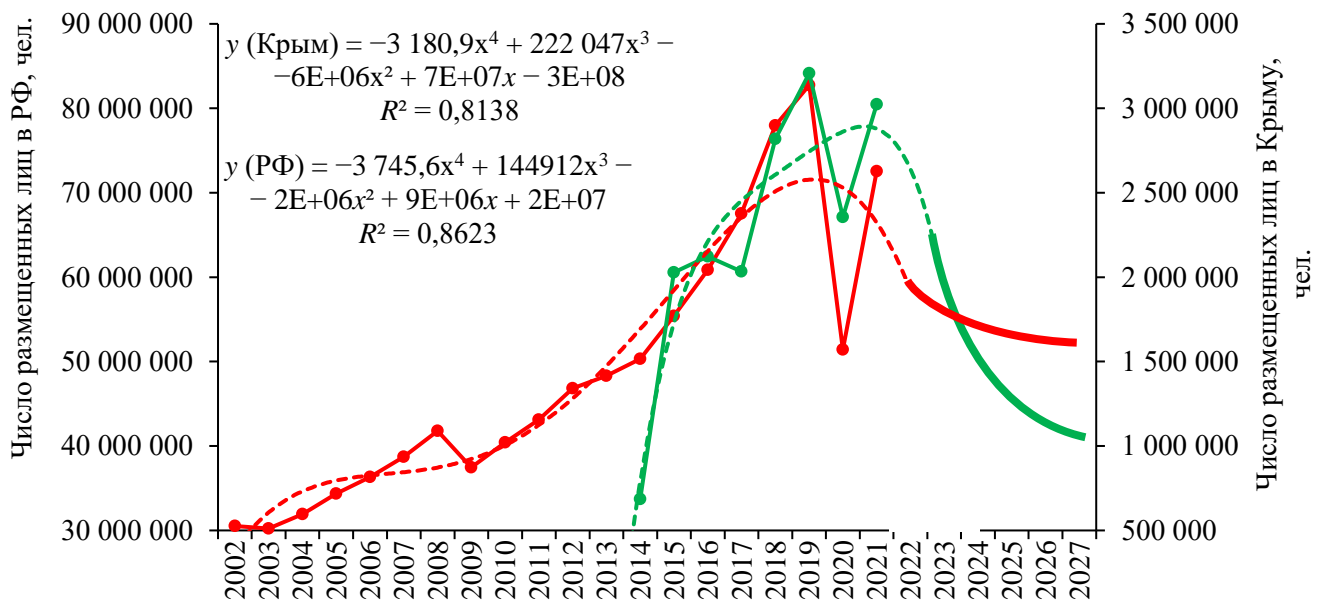
Инерционный (наиболее вероятный) сценарий характеризуется разрешением международных конфликтов с участием России в среднесрочной перспективе и продолжением наметившейся в последнее десятилетие стагнации экономики на длительный период, что будет сопровождаться замедлением развития рекреационно-курортного комплекса страны и Республики Крым (выход на плато за счет восстановления туристического потока после стабилизации социально-экономической ситуации в регионе) (рисунки 19–21).

Примечание – Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Рисунок 17 – Прогноз динамики числа мест в организациях рекреационно-курортного комплекса для пессимистичного сценария:

Республика Крым: —●— фактическая динамика; - - - - тренд; — прогноза;
 Российская Федерация: —●— фактическая динамика; - - - - тренд; — прогноза

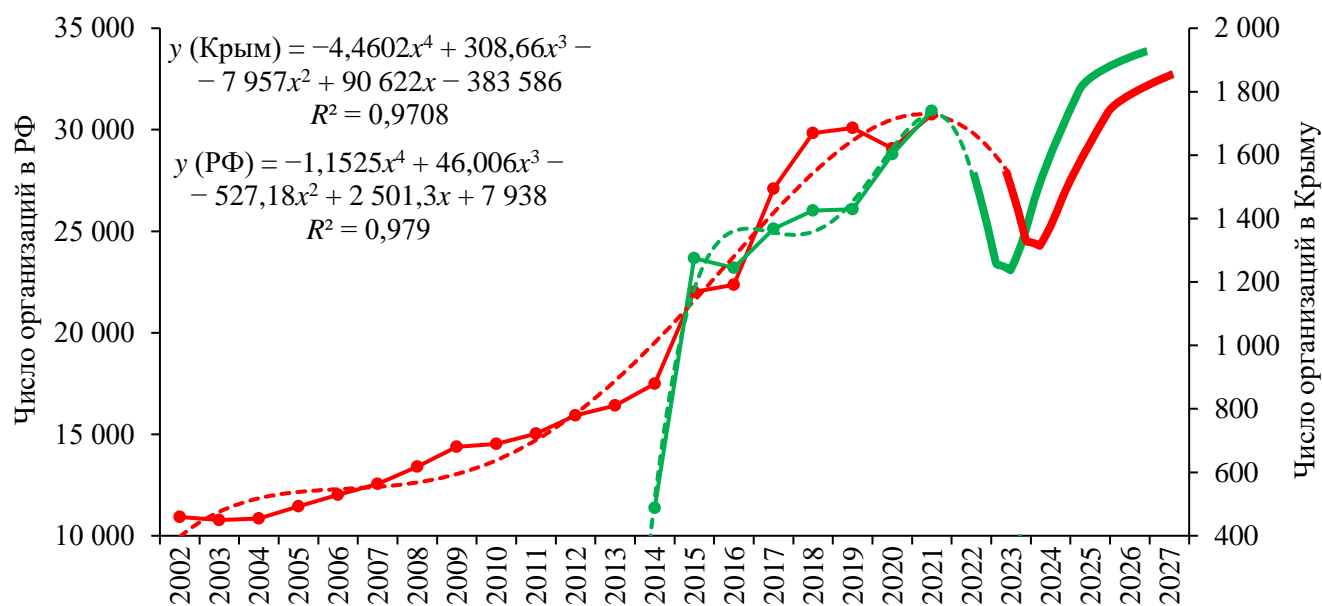

Примечание – Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Рисунок 18 – Прогноз динамики численности лиц, размещенных в организациях рекреационно-курортного комплекса для пессимистичного сценария:

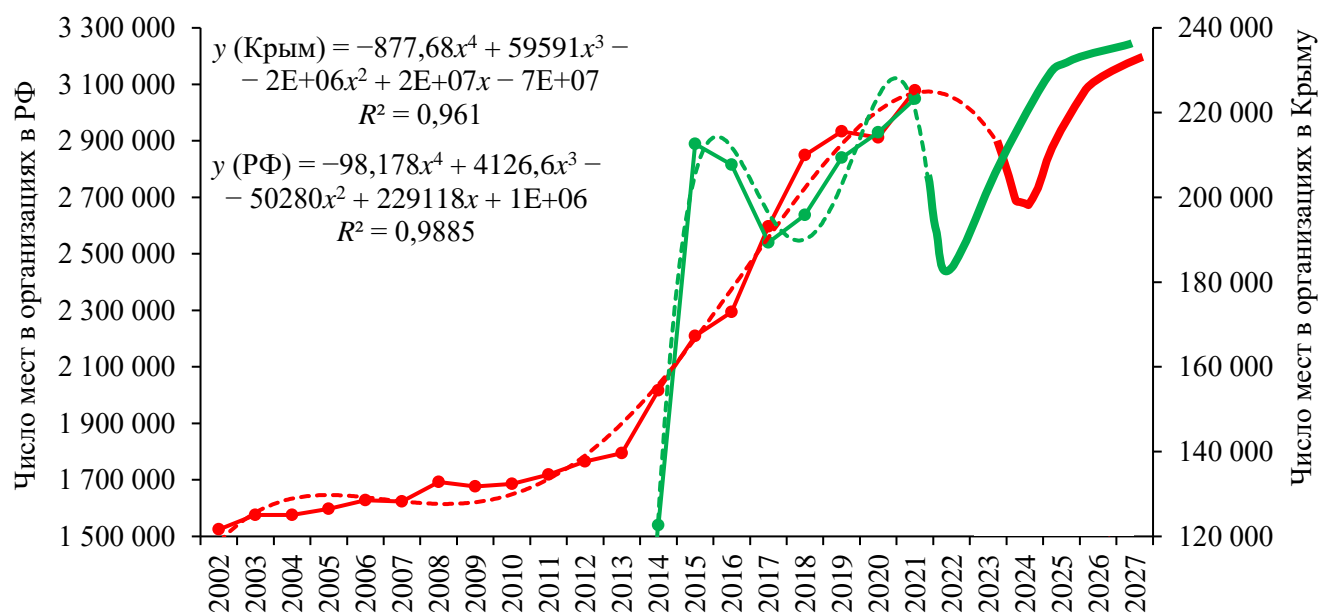
Республика Крым: —●— фактическая динамика; - - - - тренд; — прогноза;
 Российская Федерация: —●— фактическая динамика; - - - - тренд; — прогноза

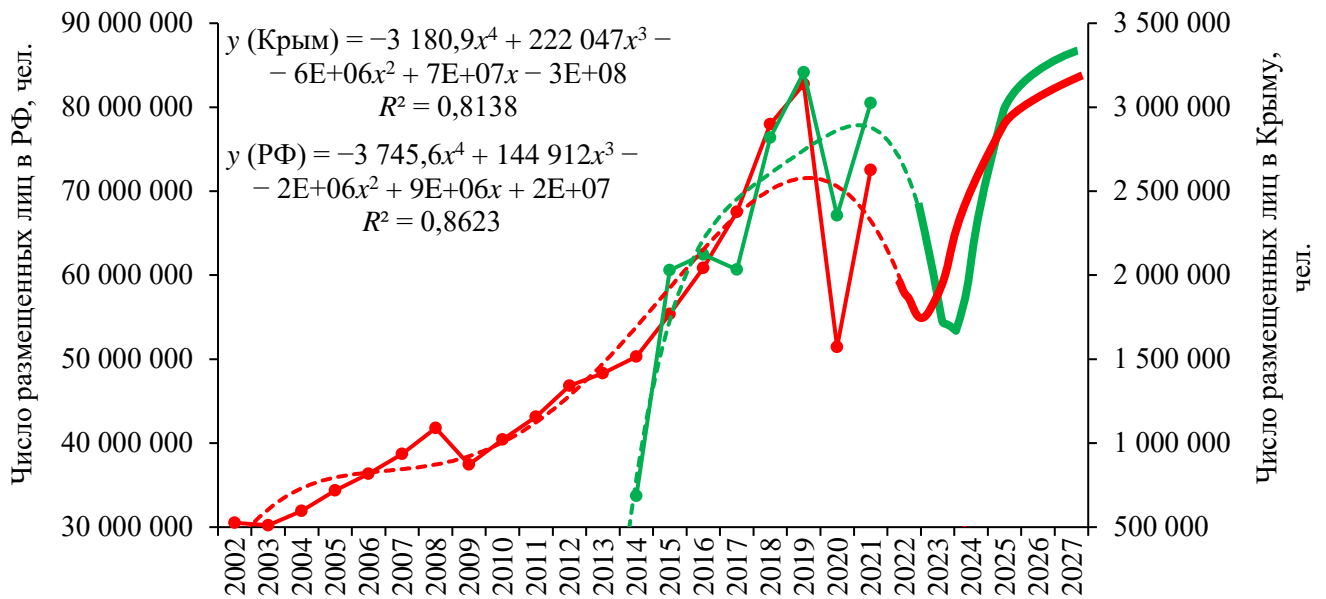
Примечание – Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Рисунок 19 – Прогноз динамики числа организаций рекреационно-курортного комплекса для наиболее вероятного сценария:
 Республика Крым: —●— фактическая динамика; - - - - - тренд; — прогноз;
 Российская Федерация: —●— фактическая динамика; - - - - - тренд; — прогноз

Примечание – Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Рисунок 20 – Прогноз динамики числа мест в организациях рекреационно-курортного комплекса для наиболее вероятного сценария:
 Республика Крым: —●— фактическая динамика; - - - - - тренд; — прогноз;
 Российская Федерация: —●— фактическая динамика; - - - - - тренд; — прогноз

Примечание – Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Рисунок 21 – Прогноз динамики численности лиц, размещенных в организациях рекреационно-курортного комплекса, для наиболее вероятного сценария:

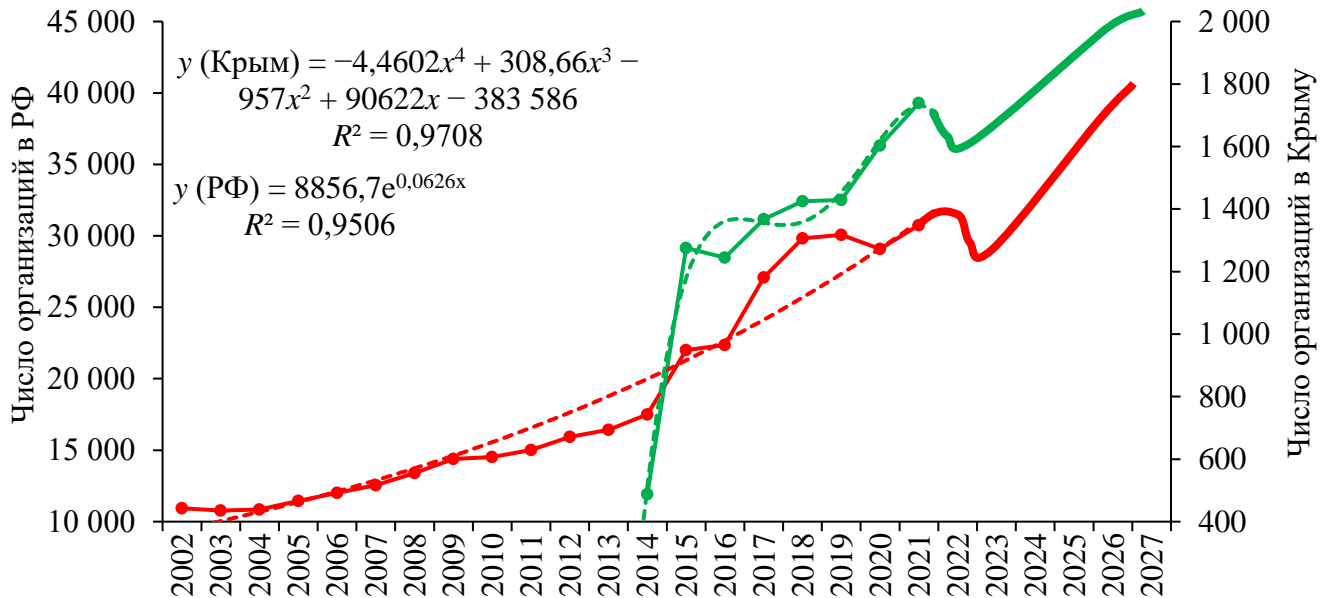
Республика Крым: —●— фактическая динамика; - - - - - тренд; — прогноз;
 Российская Федерация: —●— фактическая динамика; - - - - - тренд; — прогноз

После более глубокого падения в Республике Крым по показателям рекреационно-курортного комплекса отскок в регионе будет происходить быстрее и выше за счет высокого неисчерпанного потенциала региона, обусловленного природными, климатическими, историческими условиями.

Кроме того, следует внедрить в санаторно-курортную деятельность, которая остается ядром рекреационно-курортного комплекса, новые виды услуг, с которыми потребитель еще не встречался. Настоятельно необходимо вовлечь в орбиту оказания рекреационно-курортных услуг все более широкий круг территорий, в том числе новые регионы России. Автор доказывает, что следование доминантному направлению стратегического развития позволит рекреационно-курортному комплексу перейти на фазу нового подъема, выйти на траекторию роста.

Оптимистичный сценарий характеризуется скорым разрешением международных конфликтов с участием России и восстановлением в среднесрочном периоде российской экономики после постпандемийного и постсанкционного периода,

что приведет к росту покупательной способности, увеличению туристического потока, в том числе в Республику Крым, за счет иностранных граждан. Для оптимистичного сценария после незначительного падения показателей прогнозируется выход на наметившиеся ранее тренды роста, а в Республике Крым будет происходить активное развитие рекреационно-курортного комплекса (рисунки 22–24).

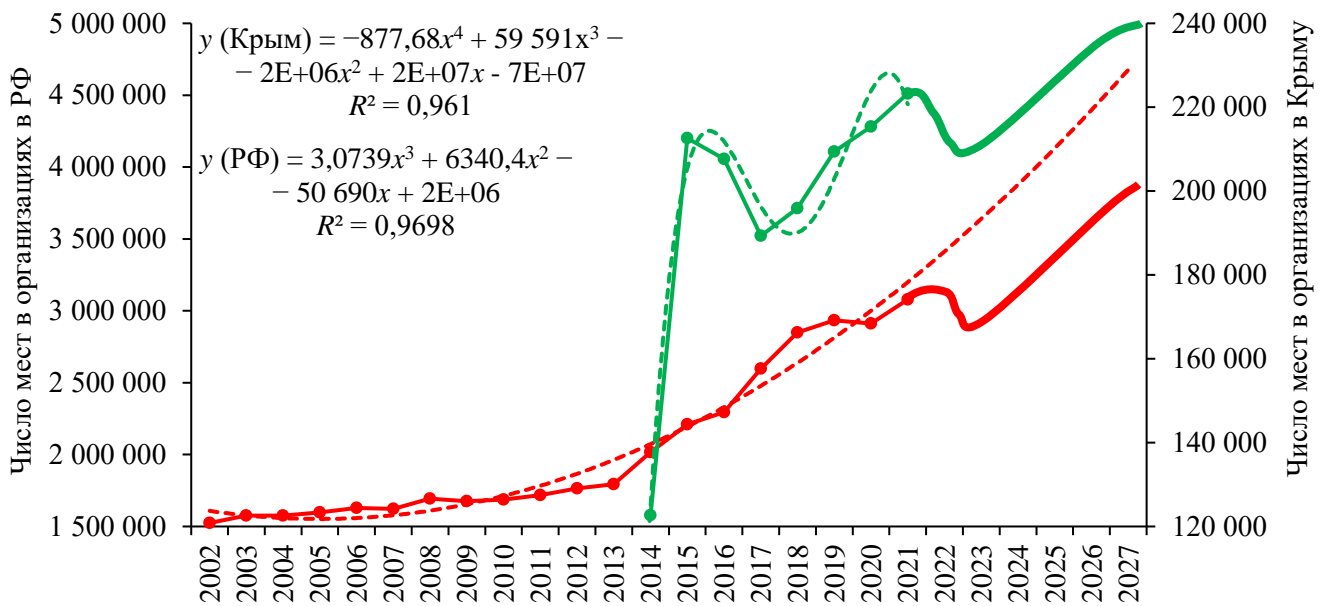

Примечание – Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Рисунок 22 – Прогноз динамики числа организаций рекреационно-курортного комплекса для оптимистичного сценария:
 Республика Крым: —●— — фактическая динамика; - - - - - тренд; — — — — прогноз;
 Российская Федерация: —●— — фактическая динамика; - - - - - тренд; — — — — прогноз

Для оптимистичного сценария тренды положительной динамики общероссийских значений числа организаций рекреационно-курортного комплекса и размещенных лиц наиболее достоверно описываются экспоненциальным уравнением, а числа мест в них – полиномом третьей степени.

С ростом числа организаций рекреационно-курортного комплекса будет одновременно происходить увеличение числа мест в них за счет появления новых и расширения действующих комплексов (рисунок 23).

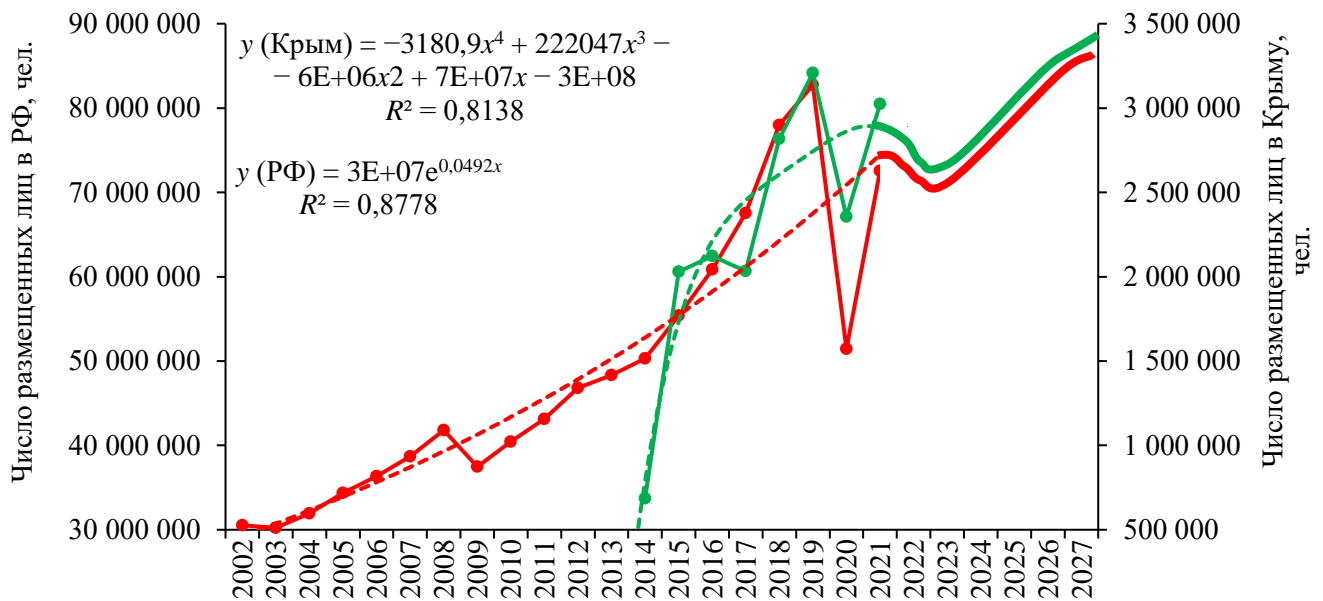

Примечание – Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Рисунок 23 – Прогноз динамики числа мест в организациях рекреационно-курортного комплекса для оптимистичного сценария:
 Республика Крым: —●— фактическая динамика; - - - - - тренд; — прогноза;
 Российская Федерация: —●— фактическая динамика; - - - - - тренд; — прогноза

В случае восстановления экономики и платежеспособного спроса, учитывая высокую потребность граждан в восстановлении здоровья, сложившуюся и неудовлетворенную в период пандемии и последующей специальной военной операции, для оптимистичного сценария прогнозируется рост численности лиц, посетивших организации рекреационно-курортного комплекса, до уровня выше допандемийного периода (рисунок 24).

В заключение раздела подчеркнем, что наиболее вероятный сценарий развития рекреационно-курортного комплекса Республики Крым связан с разрешением международных конфликтов с участием России в среднесрочной перспективе и продолжением стагнации отечественной экономики в долгосрочной перспективе, что приведет к замедлению темпов развития рекреационно-курортного комплекса всей страны и региона. Данный сценарий будет сопровождаться возвращением на доковидный уровень в среднесрочной перспективе и незначительным его превышением в долгосрочной.

Примечание – Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Рисунок 24 – Прогноз динамики численности лиц, размещенных в организациях рекреационно-курортного комплекса, для оптимистичного сценария:

Республика Крым: —●— фактическая динамика; - - - - - тренд; — прогноза;
 Российская Федерация: —●— фактическая динамика; - - - - - тренд; — прогноза

В следующем разделе будут рассмотрены механизмы и меры, построенные на духовно-нравственных критериях, для перехода к максимально эффективному использованию ресурсов рекреационно-курортного комплекса и выходу на плато развития за счет восстановления туристического потока после стабилизации ситуации в регионе для указанного инерционного сценария, рассматриваемого как наиболее вероятный.

3.3 Разрешение проблем регулирования экономической деятельности в регионе с позиций духовно-нравственных критериев

Т. Кун, видный американский ученый, формулируя понятие парадигмы, утверждал, что истина, цель и благо зависят от парадигмы, в рамках которой мы мыслим¹.

В нынешних условиях, которые характеризуются неопределенностью и даже враждебностью внешней среды, эффективное управление регионом и его сферами должно предусматривать большой спектр объемов плановой и контролирующей работы федеральных и региональных органов власти и управления, а также органов местного самоуправления.

В современной экономической науке происходит активное развитие ценностного подхода к государственному управлению и развитию социально-экономических систем, предполагающего максимизацию полезности деятельности органов власти, в том числе региональных, для граждан². В новой научной парадигме моральные ценности включены в систему полезности экономических агентов, потому что при принятии решений ни один индивид не свободен от своих убеждений, которые в некоторых случаях он может и не осознавать в полной мере. Американский социолог М. Аболафия, наиболее известный своим социологическим анализом поведения игроков на фондовой бирже, пришел к выводу, что «хотя участники рынка могут быть сколь угодно эгоистичными и рациональными максимизаторами полезности, их действия являются воплощением различных культур, зависящих от внутренних и внешних воздействий»³.

---

¹ Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – С. 27–29.

² Анимица Е. Г. Региональное управление. – Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. – 340 с.; Bannister F., Connolly R. ICT, public values and transformative government: a framework and programme for research // *Government information quarterly*. – 2014. – Vol. 31, no. 1. – P. 119–128; Шимановский Д. В., Курганов М. А., Третьякова Е. А. Анализ взаимосвязей между ценностями экономических агентов в контексте устойчивого развития регионов // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Экономика и менеджмент. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 57–68.

³ Abolafia M. Y. Markets as cultures: an ethnographic approach // *The laws of markets* / ed. by M. Callon. – Oxford: Blackwell, 1998. – P. 70.

Психологические эксперименты в экономике подтверждают значимость справедливости в экономическом поведении. Например, в эксперименте, когда два незнакомых человека делят между собой небольшую денежную сумму путем предложения одним другому определенного варианта и второй участник может только согласиться либо отказаться с обоюдной потерей возможности получить деньги, установлено, что вопреки классической теории рационального выбора, предполагающей, что второй участник будет соглашаться получить любое вознаграждение, люди в большинстве ситуаций выбирали распределение суммы поровну либо не приходили к согласию¹. Результаты подобных экспериментов говорят в пользу включения представлений о справедливости, обладающих ценностью для индивида, в экономические модели человека для последующего обоснования управленческих решений.

Еще в 1932 г. Дж. М. Кейнс в своем труде «Дилемма современного социализма» обозначил весомую трудность целеполагания при выборе пути будущего развития – невозможность одновременно максимизировать свободу, соблюсти справедливость («экономически нецелесообразная вещь») и увеличить эффективность («экономически целесообразная вещь») – три мотива, существующих в «душе каждого социалиста»². Принимая подход, что свободный выбор подразумевает возможность действовать и достигать цели в соответствии со своей системой ценностей, включающей представления о справедливости и эффективности, проанализируем возможности построения эффективной социально-экономической, регуляторной политики и стратегии регионального развития, опирающейся на обеспечение духовно-нравственных принципов как базовый приоритет, а также исследуем разрешение возникающих при этом вопросов с позиций ключевых духовно-нравственных критериев. К числу таких критериев, опираясь на духовно-нравственные составляющие экономического роста (см. рисунок 1), выделенные в параграфе 1.1, отнесем обеспечение справедливости управленческих решений,

---

¹ Cooter R., Ulen T. Law and economics. – 6th edition – New York: Prentice Hall, 2011. – P. 50–51.

² Keynes J. M. The dilemma of modern socialism // The political quarterly. – 1932. – Vol. 3, iss. 2. – P. 155–161.

человекоцентричности при принятии и воплощении в жизнь этих управленческих решений и достойной жизни каждого гражданина как результата реализации выбранного пути.

Система отечественного государственного управления на федеральном и региональном уровнях медленно перестраивается на основе принципов нравственной экономики после кардинальных рыночных реформ 1990-х годов. Так, клиентоцентричность стала одной из 42 стратегических инициатив, утвержденных Правительством РФ в рамках социально-экономического развития страны до 2030 г. Однако клиентоцентричность предполагает отношение к экономическим агентам как «пассивным клиентам». Профессор В. Н. Южаков с коллегами отмечают важнейшую роль в формировании клиентоцентричного государства «параметров справедливости, прозрачности, недискриминационности, того, как решаются вопросы, связанные с обеспечением защиты законных прав и интересов граждан от различных рисков»¹. Следующим шагом станет переход от клиентоцентричности к человекоцентричности государственного управления, когда качество государственного управления будет оцениваться на основе восприятия гражданами отзывчивости органов власти, справедливости, ответственности и подотчетности².

Как отмечалось в предыдущих главах, новая научная парадигма выдвигает на первый план экономических моделей личность и строит рассуждения на основе модели биосоциоэкономического человека и гуманистических ценностей. Благополучие общества начинает включать в себя не только уровень экономического развития и качества жизни, но и удовлетворенность духовно-нравственных потребностей.

---

¹ Южаков В. Н., Добролюбова Е. И., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Клиентоцентричность государственного контроля: оценка граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – № 3. – С. 43.

² Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. The worldwide governance indicators: methodology and analytical issues. – Washington: World bank, 2010. – (World bank policy research Working paper, – no. 5430).

В странах романо-германской правовой системы формировались представления о всеобщем благосостоянии, которые были заложены в основу теории социального рыночного хозяйства¹.

Немецкий профессор экономики Х. Ламперт пишет о теории экономического порядка, который должен решать в экономике любого общества три задачи²:

- обеспечивать работоспособность экономики;
- осуществлять целенаправленную координацию всех видов экономической деятельности;
- обеспечивать достижение основных общественно-политических целей.

Немецкий экономист и государственный деятель Л. Эрхард обосновал экономическую реформу в Германии, которая вошла в историю под названием «немецкого чуда» и решала экономические задачи на основе социальной рыночной экономики³.

Под влиянием передовых экономических течений и сопряженных правовых концепций трактование эффективности регулирования в экономической мысли сместилось от максимизации чистой выгоды к уверенному достижению заданной общественной цели (потребности) оптимальным способом⁴.

В современных развитых территориальных сообществах в числе первоочередных общественных целей находится обеспечение справедливости экономических отношений и регулирования. Однако, как было показано выше, понимание справедливости не является общепринятым.

Вопрос обеспечения справедливости, прежде всего при распределении экономических благ, является одним из краеугольных для научно-исследовательских

---

¹ Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России: монография / Р. М. Нуреев, К. Н. Костюк, Г. Г. Попов и др. – М.: ВШЭ, 2007. – 325 с.

² Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь: пер. с нем. – М.: Дело ЛТД, 1994. – 224 с.

³ Эрхард Л. Благосостояние для всех: пер. с нем. – М.: Начала-Пресс, 1991. – 335 с.

⁴ Рахмеева И. И., Чернышев К. В. Духовно-нравственная парадигма: согласование принципов эффективности и справедливости при принятии регуляторных решений // Journal of new economy. – 2022. – Т. 23, № 4. – С. 137–152.

программ разных экономических течений, разрешение которого должно быть включено в ядро любой экономической парадигмы.

Обеспокоенность общества вопросами справедливости распределения экономических благ столь острая, что ряд политических течений, таких как марксизм или либерализм, вырастают и срачиваются с экономическими теориями, центральной повесткой которых служат вопросы справедливости.

Автор придерживается позиции, что, во-первых, справедливость является неисчислимым благом, но уровень ее может быть оценен по внешним эффектам и сопряженным социально-экономическим показателям (например, уровень бедности, уровень расслоения по доходам и пр.); во-вторых, при различии индивидуальных представлений о справедливости можно говорить об устойчивом общественном представлении о справедливости в конкретном территориальном сообществе; в-третьих, именно государство отвечает за фактическое состояние справедливости в обществе.

Содержание взглядов на справедливость можно разграничить по принципам распределения экономических категорий между индивидами в социуме.

В таблице 11 представлена матрица некоторых наиболее известных подходов к определению содержания справедливости на основе из двух параметров – объект и характер распределения имеющихся ресурсов. Данная матрица может стать многомерной при добавлении дополнительных параметров; например, субъектов распределения (кто принимает решение) и получателей распределения.

Развитие представлений о справедливости шло от идеи равного распределения доходов через понимание разной степени ценности одинаковых благ для различных индивидов к обеспечению равномерного распределения благосостояния и пониманию первостепенности равенства возможностей (равного доступа к образованию, должностям, голосованию и пр.) для развития личности и общества.

Например, в исследовании представителя уральской школы региональной экономики И. И. Рахмеевой выявлена положительная корреляция между уровнем цифровизации и коэффициентом Джини в регионах России, при этом сильнее такая связь с коэффициентом Джини в прошлые периоды. Автором сделан вывод, что

«уровень социального расслоения оказывает прямое влияние на уровень цифрового развития в среднесрочной перспективе»¹. Иными словами, значительный отрыв бедных слоев населения от элиты делает недоступным для них доступ к современным технологиям и технике, что тормозит прогресс и темпы цифровизации территориальных сообществ.

Таблица 11 – Матрица научных подходов к определению содержания справедливости

Характер / объект распределения	Подход научный	Полезность	Благосостояние	Возможности
Равенство	Эгалитарный, марксизм	Утилитарный ²	–	Социальный либерализм ³
Максимизация	–	–	Роулсианский ⁴ (неравенство допустимо при достижении максимально возможного уровня жизни беднейших членов общества), теория общественного благосостояния (максимизация благосостояния всего общества) ⁵	–
В соответствии с индивидуальными характеристиками	Рыночный	–	–	–
Примечание – Составлено автором.				

¹ Рахмеева И. И. Теоретико-методологические основы исследования региональной регуляторной среды в условиях новой реальности: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. – Екатеринбург, 2021. – С. 236.

² Bentham J. An introduction to the principles of morals and legislation. – New York: Hafner, 1948. – 378 p.

³ Mill J. S. Principles of political economy, 1848 / ed. by W. J. Ashley. – New York: Kelly, 1965. – 730 p.

⁴ Rawls J. A theory of justice. Revised edition. – Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 1999. – 538 p.

⁵ Arrow K. J. Rationality of self and others in an economic system // Rational choice: the contrast between economics and psychology / ed. by R. M. Hogarth, M. W. Reder. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – P. 201–216.; Black D. The Theory of Committees and Elections. – Cambridge: Cambridge University Press, 1958. – 242 p.; Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. – М.: Прогресс, 1969. – 480 с

Для построения экономической модели развития региона и выработки региональной экономической политики требуется разрешение противоречия между личной и общественной (региональной) выгодой, которое реализуется путем построения институционального дизайна, создающего систему сдержек и противовесов как карательного, так и стимулирующего характера.

Так, еще А. Смит писал, что «каждый отдельный человек, имея в виду лишь собственную выгоду, невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения... Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда стремится делать это»¹. Дж. Коммонс в трактате «Правовые основания капитализма» в качестве основополагающего принципа «общего блага» называет следующий: «Пусть любой человек богатеет постольку, поскольку он повышает „общее благо“, а не постольку, поскольку он наживает свое частное богатство на общем благе»². На этой идеи базируется и теория игр, нашедшая широкое применение в исследованиях принятия кооперативных решений.

Нормы, разработанные самостоятельно регулятором с позиций его собственного представления о справедливости и понимания содержания благосостояния, могут не соответствовать устоявшимся в территориальном сообществе критериям справедливости и эффективности; аналогичное противоречие может возникать при реализации решений федеральных органов в отдельных субъектах Российской Федерации, обладающих уникальными традициями и обычаями. Вместе с тем результаты исследования коллектива Пермского государственного национального исследовательского университета свидетельствуют о взаимной зависимости групп ценностей населения, бизнес-сообщества и органов государственной власти внутри региона, а также о значительном влиянии на степень их реализации условий институциональной среды³.

---

¹ Smith A. Lectures on justice, police, revenue and arms. – Oxford: Clarendon Press, 1896. – P. 237.

² Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / пер. с англ. под ред. М. Одинцовой. – М.: ВШЭ, 2011. – С. 250–251.

³ Шимановский Д. В., Курганов М. А., Третьякова Е. А. Анализ взаимосвязей между ценностями экономических агентов в контексте устойчивого развития регионов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 61.

Согласно лонгитюдному (т. е. длительному) социологическому исследованию ценностей российского общества, проведенному научно-исследовательской группой под руководством профессора А. А. Аузана, в 2017 г. на первом месте в структуре общества стояла свобода и широта выбора, на втором месте была справедливость, на третьем – эффективность государства. В 2020 г. в условиях пандемии COVID-19 справедливость осталась на втором месте, а на первое место вышла эффективность государства, свобода ушла на третью позицию. Можно предполагать, что события 2022 г. в истории российского государства, связанные со специальной военной операцией на Украине, могут привести к перевороту треугольника, когда на первое место выйдет справедливость, на второе место сместится эффективность, а свобода по-прежнему останется на третьем месте. Прежде всего такие тенденции будут характерны для южных и центральных республик страны, обладающих глубокими историческими корнями и религиозными традициями.

Немецкий экономист и основатель Всемирного экономического форума в Давосе К. Шваб считает, что стратегии, не заслуживающие доверия с точки зрения социальной справедливости, могут вызвать «социальные беспорядки, массовую миграцию и вооруженный экстремизм»¹. Профессор В. Е. Дементьев утверждает, что «негативная оценка последствий трансплантации нового системообразующего института для состояния социальной справедливости в обществе – катализатор массовой оппортунистической активности в отношении как данного, так и других институтов»². Соглашаясь с перечисленными идеями и развивая их, отметим, что фактическое несоответствие существующих норм пониманию справедливости, характерным для конкретного общества, приводит к массовому отрицанию и несоблюдению законов, волнениям в обществе, митингам и протестам.

Мы разделяем подход современной институциональной теории, заключающийся в постулировании «необходимости доверия в социальных взаимодей-

---

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2018. – С. 79.

² Дементьев В. Е. Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики // Российский экономический журнал. – 2004. – № 8. – С. 53.

ствиях»¹ и рационально-математическом обосновании этого. Формирование долгосрочных кооперативных решений в части региональной экономики будет эффективным, если будет основано не на исключительной максимизации эгоистичной выгоды, а на учете нравственных принципов.

Игнорирование принципа справедливости ведет к социально-экономической неэффективности в долгосрочной перспективе. Принятие несправедливых регуляторных решений ведет к оппортунизму, осознанному неисполнению регуляторных норм, а в крайней стадии – к разрушению социально-экономической системы.

Разделяя позицию французского экономиста и социолога Л. Тевено, что «когда граница оценки действия расширится до предела человечества, смысл согласованности, необходимой в координации, совпадает со смыслом справедливости»², при конструировании региональной политики мы вынуждены прибегнуть к общественным представлениям о социально-экономической справедливости и устоявшимся общественным ценностям.

Современная экономическая теория оперирует максимизацией полезности взамен максимизации выгоды. Однако само понимание сущности полезности тоже трансформируется. Полезность в понимании приверженца духовно-нравственной парадигмы будет равна сумме материальной и моральной выгоды. Последняя представляет собой получение удовлетворения моральных норм и принципов индивида, его понимания справедливости. Традиционным возражением здесь служит утверждение, что экономисты не могут квантифицировать моральный доход и сопряженные издержки, «достоверно оценить правовые ценности»³ (социальная защищенность, правовая охрана и основополагающие правовые ценности обычаев), а следовательно, не могут придавать ценностям самостоятельного значения и учитывать моральную выгоду в своих моделях. Однако рассмотрим ситуацию, когда регуля-

---

¹ Мартьянов В. С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности // *Journal of institutional studies* (Журнал институциональных исследований). – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 45.

² Тевено Л. Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // *Экономическая социология*. – 2001. – Т. 2, № 1. – С. 113.

³ Larenz K., Wolf M. *Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts*. – München: C. H. Beck Verlag, 2004. – S. 79–80

торное решение принимается без учета моральной выгоды и принципов справедливости в обществе. Это приводит к невыполнению установленных правил, негативному отношению общества к принятой норме, возможно общественным протестам и митингам, утрате доверия к органам власти. В свою очередь, это сопряжено с трансакционными издержками на принуждение к выполнению норм и обеспечение наказаний, политическими издержками на поддержание уровня лояльности власти перед выборами и даже уровень собираемости налогов. Например, так называемая мусорная реформа, связанная с передачей региональным операторам вопросов обращения с отходами, и принятие властями субъектов Российской Федерации решения о строительстве мусорных полигонов вблизи населенных пунктов привели к серии протестов в регионах страны (например, Балашиха в Московской области 2017 г., Шиес в Архангельской области 2018–2019 гг., Волгоград 2022 г. и др.).

Академик С. Ю. Глазьев, исследуя систему государственного управления в странах Юго-Восточной Азии и источники «китайского экономического чуда» в XXI веке, видит их в сочетании «механизмов социалистического планирования и рыночной самоорганизации, государственной и частной собственности на средства производства, государственного контроля и личного предпринимательства... гармонизации интересов различных социальных групп... посредством совместной работы по формированию и исполнению планов развития экономики в целях повышения народного благосостояния», когда «равнодействующая экономических интересов работала на общее благо»¹. Таким образом, мы имеем подтверждение того, что справедливая региональная политика может быть не просто эффективной, а даже наиболее конкурентоспособной.

Таким образом, экономист, учитывающий будущие издержки, должен включать моральную составляющую в рассмотрение, что актуализирует проведение ис-

---

¹ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – С. 21. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 05.12.2022)

следований культурного кода и портрета ценностей по отдельным регионам страны. В настоящее время такие исследования немногочисленны¹.

Резюмируя изложенное, предлагаем ввести понятие общественной эффективности для анализа управленческих решений на различных территориальных уровнях, построенное на синтезе подходов к эффективности и справедливости, под которым следует понимать способность управленческого решения достигать заложенной в нем общественно значимой цели с учетом общепринятых принципов справедливости и нравственности путем оптимального использования имеющихся ограниченных ресурсов.

Отдельное внимание уделим механизмам регулирования экономической деятельности в регионе.

Как отмечалось ранее, приоритетный вектор перманентного развития Республики Крым связан с усилением позиций рекреационно-курортного комплекса региона в экономическом пространстве страны с целью обеспечения поддержания и восстановления здоровья нации как ключевого аспекта человеческого потенциала страны и нравственной ценности человеческой жизни.

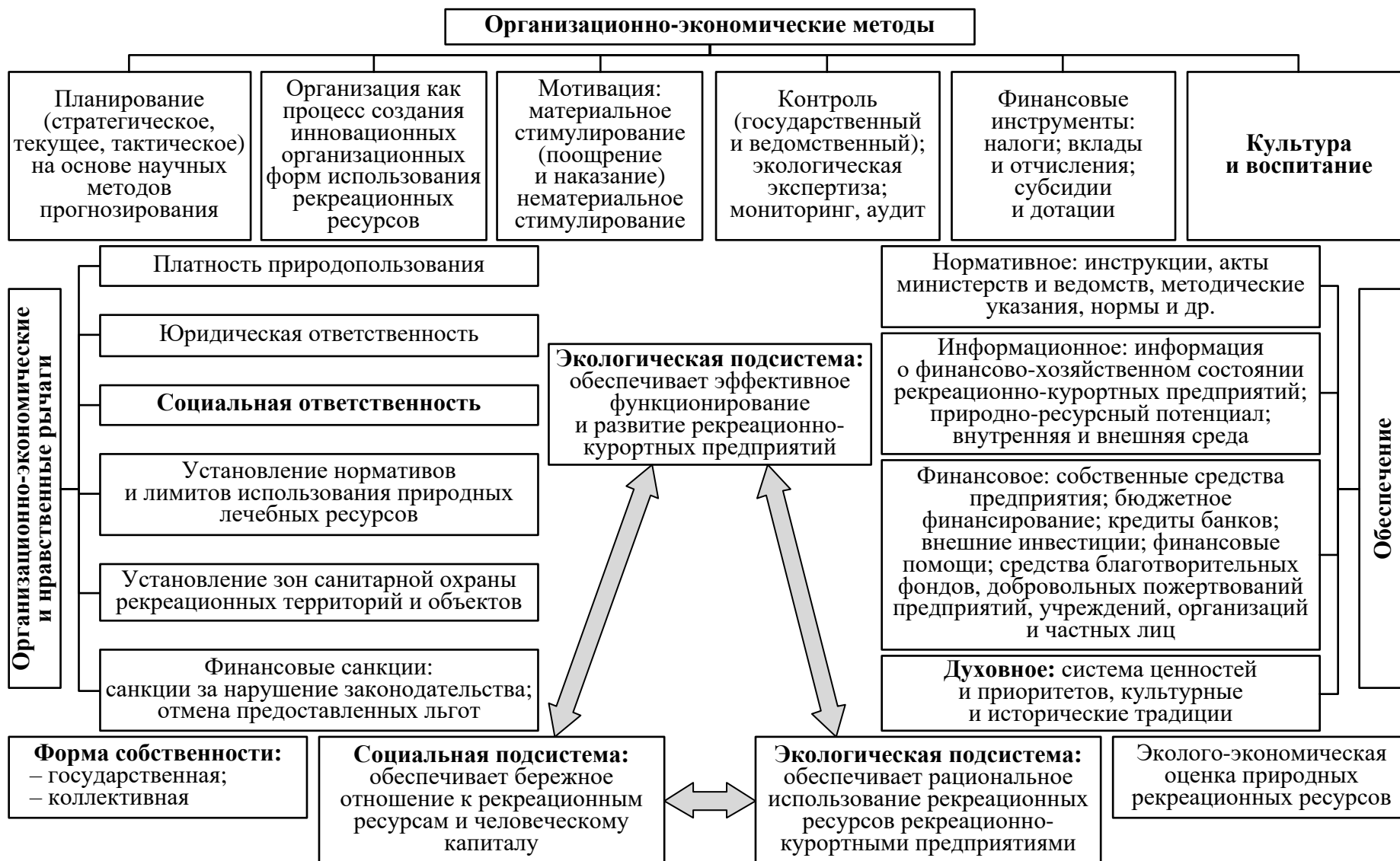
Для этих целей адаптируем схему организационно-экономического механизма регулирования рекреационно-курортных предприятий, предложенную коллективом крымских регионалистов под руководством профессора Н. В. Апатовой², с учетом положений нравственной экономики (рисунок 25).

---

¹ См, например: Бабинцев В. П., Тарабаева В. Б. Ценности жителей Белгородской области как приграничного региона России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 9 (180). – С. 37–43; Ласточкина М. А. Жизненные ценности населения региона в социокультурном контексте // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2015. – № 3. – С. 141–146; Сапрыка В. А. Ценности населения приграничных регионов в процессе трансформации цивилизационных фронтиров // Социология религии в обществе позднего модерна. – 2021. – № 10. – С. 264–269; Целоева Д. М., Местоева Е. А. Духовно-нравственные ценности студенческой молодежи в Северо-Кавказском регионе // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 4 (89). – С. 155–156.

² Управление рекреациями в цифровой экономике: монография / Н. В. Апатова, К. В. Авдеева, Л. Н. Акинина и др.; под науч. ред. Н. В. Апатовой. – Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2018. – С. 51.

Примечание – Адаптировано автором по: Управление рекреациями в цифровой экономике: монография / Н. В. Апатова, К. В. Авдева, Л. Н. Акинина и др.; под науч. ред. Н. В. Апаповой. – Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2018. – С. 52.

Рисунок 25 – Организационно-экономический механизм регулирования рекреационно-курортных предприятий

Профессор Н. В. Апатова считает, что *экономический механизм управления* рекреационными ресурсами рекреационно-курортных предприятий может быть представлен системой организационно-экономических методов, форм, приемов, регламентирующих ведение рекреационной деятельности, которые позволяют согласовывать экономические параметры территории и хозяйственной деятельности¹.

Вместе с тем, помимо экономической и экологической составляющих, соискатель считает значимым выделить социальную подсистему, в которой будет обеспечиваться бережное отношение к рекреационным ресурсам и человеческому капиталу. Для этого предлагается организационно-экономические методы дополнить культурой и воспитанием, которые будут обеспечивать формирование системы ценностей и приоритетов, поддерживать культурные и исторические традиции и действовать через рычаг социальной ответственности.

Инструменты, которые определяют эффективность функционирования организационно-экономического механизма регулирования, в частности, рекреационно-курортных предприятий, можно разделить на общефедеральные и региональные. К общефедеральным инструментам можно отнести: законодательство, государственные программы развития сферы рекреации и природопользования, налоговую и валютную политику; социальную политику государства; бюджетное финансирование обеспечения природоохранных мероприятий и курортно-рекреационных учреждений; уровень доходов населения; формирование экологической культуры граждан и др. Среди региональных факторов и инструментов следует выделить следующее: установление зон и округов санитарной охраны курортов, а также лимитов и нормативов использования местных природных лечебных ресурсов; развитие инфраструктуры; мониторинг и аудит за качеством рекреационных ресурсов в соответствии с установленными стандартами; политика региональных и муниципальных органов власти и управления в области курортно-рекреационной деятельности; информационное обеспечение состояния рекреационно-курортных предприятий ре-

---

¹ Управление рекреациями в цифровой экономике: монография / Н. В. Апатова, К. В. Авдеева, Л. Н. Акинина и др.; под науч. ред. Н. В. Апаповой. – Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2018. – С. 51.

гиона; духовные ценности жителей региона; средства благотворительных фондов, добровольных пожертвований.

Справедливость управленческих решений предполагает реализацию ключевых терминальных¹ ценностей граждан. Несправедливость и неэффективность социально-экономической политики органов власти приводит к неудовлетворенности качеством жизни. Как отмечает Е. Н. Заборова, «инфляция, падение жизненного уровня, пандемия COVID-19, информационное нагнетание внешней военно-политической угрозы – все это приводит к тому, что население испытывает состояние духовного напряжения»². Все это еще больше повышает спрос на формирование справедливой региональной политики, обеспечивающей достойную жизнь каждого.

Исследование межрегиональных различий в ценностях жителей России, проведенное учеными Высшей школы экономики, показало, что наблюдается достаточно высокая степень их дифференциации. Например, у жителей Северо-Кавказского федерального округа в наибольшей мере выражена ценность безопасности, что автор объясняет сложной социополитической обстановкой в данном регионе, у жителей Приволжского федерального округа – ценности традиции, конформности и универсализма личности, у жителей Дальневосточного и Сибирского федеральных округов – ценности самоутверждения (достижение, власть, гедонизм), а в столице России – ценности открытости к изменениям (самостоятельность, стимуляция)³.

Необходимость осуществления масштабных структурных сдвигов предполагает сбалансированность программ не только по ресурсам, но и с позиции ожидаемых организационных и институциональных изменений и их согласованности от-

---

¹ Терминальные ценности – ценности смысла жизни, онтологическая позиция человека (кто я, зачем я) и характер его ведущей деятельности. Подробнее см.: Rokeach M. The nature of human values. – New York: The Free Press, 1973. – 456 p.

² Заборова Е. Н. Духовно-нравственная культура России в современную информационно-цифровую эпоху // Наука – образование – экономика: новые тренды и риски: сб. науч. тр. IX Урал. науч. чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук (Екатеринбург, 8 февраля 2022 г.). – Екатеринбург: УрГЭУ, 2022. – С. 17.

³ Павленко О. Б. Различия в ценностях, показателях социального капитала и экономических установках между жителями регионов России // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 1 (56). – С. 120–121.

носительно преобладающих стратегий поведения существующих экономических субъектов.

9 ноября 2022 г. Президент России В. В. Путин принял указ, закрепляющий на государственном уровне традиционные российские духовно-нравственные ценности. К числу таковых, среди прочего, отнесены выделенные соискателем в первой главе ценности: достоинство, права и свободы, гражданственность и служение Отечеству, созидательный труд, милосердие, справедливость. В данном указе перечислены угрозы и риски для традиционных ценностей и пути их нивелирования. Обратим внимание, что угрозы ценностям, по существу, сведены к «деструктивному идеологическому воздействию» на граждан, противоборствовать чему предлагается преимущественно с помощью информационной политики с блокировкой внешнего потока информации, а также воспитания граждан¹. Вместе с тем считаем, что, наряду с пропагандистскими, методами для укрепления традиционных ценностей значимую роль играет построение государственной социально-экономической политики на всех уровнях власти на основе этих самых ценностей. В частности, в указе не выделены внутренние угрозы, связанные с нарастанием бедности и расслоения населения, несправедливостью ряда управленческих решений властей различного уровня, а в части мер не отмечено принятие управленческих решений руководством субъектов РФ и муниципальных образований на принципах справедливости и обеспечения достойной жизни граждан, что способствовало бы укреплению доверия к государству и веры в традиционные ценности и свою страну.

Важным с позиции регионального развития в указанном документе является направление по «корректировке документов стратегического планирования в целях более эффективного решения задач по сохранению и укреплению традиционных ценностей, определения ориентиров для выбора целей и наиболее эффективных механизмов обеспечения национальных интересов в данной области» (п. 19а). Однако аналитическая и научная база для этого на этапе принятия указа о традиционных ценностях еще не сформирована. Поэтому одним из инструментов реализации обо-

---

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809.

значено «проведение исследований по вопросам, связанным с реализацией государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей на федеральном, региональном и муниципальном уровнях... и разработка методических рекомендаций по реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей» (п. 27). Исследование автора диссертации нацелено на научное обоснование корректировки стратегических документов субъектов Российской Федерации для обеспечения учета в них традиционных ценностей.

Для этого автором предлагается следующий методический подход:

Шаг 1. Анализ действующей стратегии развития субъекта Российской Федерации.

1.1. На предмет включения в цели духовно-нравственных институций (см. рисунок 1), в первую очередь, достоинства и справедливости.

1.2. На предмет включения целевых показателей, отражающих компоненты социально-экономического состояния региона в рамках духовно-нравственной парадигмы, в первую очередь достоинства и справедливости (см. параграф 2.1).

1.3. На предмет учета в анализе положения субъекта РФ текущего состояния обеспечения духовно-нравственных ценностей в обществе и угроз сохранению этих ценностей.

1.4. На предмет учета принципов справедливости в механизмах реализации стратегии.

Шаг 2. Выявление пробелов и возможностей для дополнения стратегии.

Шаг 3. Формулирование адресных рекомендаций.

Апробируем предложенный методический подход на примере разработанной и актуализированной Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 г. Подробный анализ всех аспектов в соответствии с шагом 1 представлен в приложении Б.

На основе его анализа можно сделать следующие выводы и выделить проблемные и перспективные зоны для корректировки стратегии согласно шагу 2.

Республика Крым, как и вся Россия, вступила в новый период развития, когда стратегические возможности, внешние и внутренние вызовы и риски, конфликты

и столкновения стали существовать и действовать одновременно, а влияние неопределенности и непредвидимых факторов сильно усиливается.

Будущее развитие Крыма не только обладает общими чертами социально-экономического развития России, но и выделяется своей региональной спецификой, базирующейся на собственных региональных реалиях.

Принятый в 2014 г. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» содержит излишне жесткую регламентацию стратегирования российских регионов, однако политико-географическая и геоэкономическая субъектность Крыма, духовно-нравственные императивы позволяют формулировать собственные прогнозные тренды развития Крыма.

В Республике Крым и ее муниципальных образованиях уже успели появиться и сформироваться новые научно-исследовательские коллективы, успешно работающие в области разработки программных документов регионального развития¹. В данном субъекте страны постепенно складывается современная система стратегического управления. Особенно важна эффективная государственная региональная политика, реализующая выбранные стратегические приоритеты для Крыма, только недавно ставшего субъектом Российской Федерации.

Наметилась тенденция включения территорий Республики Крым в стратегические приоритеты пространственной политики России. Используя права свободного экономического развития, Крым разрабатывает свою модель экономического поведения, отвечающую вызовам и угрозам XXI века, предлагает новые формы и механизмы взаимодействия региона и центра, власти и бизнеса, населения, государственно-частного партнерства, намечает новые пути активизации научно-технического, образовательного и рекреационно-курортного потенциала региона.

Главная стратегическая цель стратегии Республики Крым построена на приоритете духовно-нравственных принципов и подразумевает достижение высоких стандартов качества жизни человека, его разностороннего развития, непрерывного

---

¹ О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 г. (в ред. Законов Республики Крым от 30.05.2018 № 502-ЗРК/2018): закон Республики Крым от 9 января 2017 г. № 352-ЗРК/2017.

обучения, реализации интеллектуального и творческого потенциала, отдыха и оздоровления на базе внедрения современных достижений науки и технологий, ресурсосбережения и экологизации всех сфер жизнедеятельности. При этом главной ценностью Республики Крым обозначен человек, а миссией органов власти служит создание лучших условий для всестороннего и гармоничного развития личности и ее самореализации.

Руководство региона в качестве критерия успеха выделяет формирование поколения лидеров-новаторов, а ключевым целевым показателем определяет удельный вес высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников. Это свидетельствует о долгосрочной ориентации стратегии на создание нового общества, соответствующего новым критериям ноономики. Однако следует отметить, что выбранная стратегическая цель с показателем, а также иные показатели стратегии оставляют без должного внимания сокращение доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и уменьшение разрыва между бедными и богатыми, создание достойных условий жизни для старшего поколения. Это не позволяет в полной мере реализовать принцип справедливости социально-экономического развития территории Крыма.

В Стратегии подробно и многогранно представлены цели и задачи по созданию достойных комфортных условий жизнедеятельности населения Республики Крым, а также гостей, посещающих полуостров в оздоровительных, туристических, деловых и образовательных целях.

В рамках нравственной экономики значимо включение в стратегию развития Республики Крым раздела «Территория согласия», подразумевающего поддержку национальных культур и традиций, добровольческого (волонтерского) движения. Такой подход способствует укреплению ценности милосердия, традиционно характерной для российского общества и, в частности, Крыма со своим рекреационно-курортным комплексом.

Стратегия Республики Крым ориентирована на инклюзивное развитие, создание условий для реализации потенциала личности к созидательному труду. Она

включает в себя важные стратегические направления «Творческая молодежь» и «Лучшая бизнес-среда».

Преимуществом Стратегии Республики Крым является глубокое внимание духовно-нравственным ценностям при анализе текущего состояния региона.

В документе отражены сильные стороны, связанные с высоким уровнем духовно-нравственных ценностей республике. В частности, это:

- неповторимый исторический путь развития территории, глубокая историко-культурная память местного населения;
- сильно выраженная крымская идентичность, объединяющая жителей Республики Крым в единый региональный социум и вызывающая сильные патриотические чувства по отношению к региону и России;
- сохранение спокойной межконфессиональной ситуации в крымском социуме, культурного многообразия;
- становление Республики Крым как одного из крупнейших туристических и санаторно-курортных центров России.

В рамках SWOT-анализа социально-экономического положения Республики Крым выделены, в том числе, такие возможности, как дифференциация культурных и межрегиональных связей Республики Крым, сотрудничество с российскими регионами по предоставлению санаторно-курортных и туристических услуг, а также увеличение спроса на крымские курорты как со стороны граждан России, так и со стороны международных туристов.

В числе возможностей отмечается получение дополнительных федеральных финансовых ресурсов, однако среди перечисленных источников отсутствуют общероссийские государственные структуры, нацеленные на укрепление духовно-нравственных ценностей, культуры и истории, например, Российский фонд культуры (создан по указу Президента РФ от 31 октября 2016 г. № 581), Фонд «История Отечества» (создан по указу Президента РФ от 6 апреля 2016 г. № 163) и пр., не включены возможности участия в Национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства» и получения грантов Федерального агентства по туризму.

Слабой стороной Стратегии с позиции духовно-нравственной экономики можно считать то, что в SWOT-анализе не выделены прежде всего угрозы, связанные с особым переходным периодом в современной истории республики, в том числе:

– угроза деятельности экстремистских и террористических организаций на территории Республики Крым (высокая вероятность в связи со спецоперацией на Украине);

– угроза отрицания мировым сообществом статуса Республики Крым, места и роли региона в истории и культуре России.

Ключевым недостатком Стратегии является то, что в ней не выделено отдельно стратегическое направление по развитию ведущей в экономике Крыма рекреационно-курортной сферы, а задачи развития самого санаторного комплекса Республики Крым, включенные в другие направления, отражены очень слабо.

В заключение подчеркнем основную мысль данного раздела. Когда справедливость становится ключевой ценностью в обществе и индивиды при принятии решений руководствуются в первую очередь именно этим принципом, то обеспечение справедливости становится компонентом целевого состояния. В нравственной экономике, в отличие от традиционных подходов, показателем развития служит не валовой внутренний (региональный) продукт, а уровень благосостояния общества с учетом нравственных принципов в долгосрочной перспективе (т. е. с учетом сохранения ресурсной базы для будущих поколений и приоритетного инвестирования в человеческий капитал). Тогда вопрос эффективности как достижения целевого состояния с наименьшими затратами не вступает в противоречие с принципом справедливости. Справедливость должна стать опорной точкой при принятии управленческих решений на региональном уровне.

Результаты диссертационной работы показали, что исследование регионального развития, в том числе рекреационно-курортной деятельности, в контексте духовно-нравственной парадигмы позволяет вскрыть общее и особенное в функционировании и развитии отечественного региона, что способствует в целом приращению знаний в региональной экономике как науке.

Заключение

Анализ и обобщение теоретико-методологических, методических и прикладных аспектов формирования и развития экономики региона в контексте духовно-нравственной парадигмы позволили сделать принципиальные выводы, сформулировать и обосновать следующие основные положения.

1. Расширен теоретический фундамент исследования социально-экономического развития нового региона как основной формы пространственной организации общества, базирующийся на использовании концепции «регион-социум», включении в нее систематизированных знаний о духовно-нравственных принципах и институтах, а также положений гуманистической экономики, определяющей социальный капитал в качестве важнейшего ресурса и фактора экономического развития страны и ее регионов.

Анализ и систематизация теоретико-методологических подходов и точек зрения ведущих отечественных и зарубежных ученых к исследованию различных аспектов социально-экономического развития регионов показывает, что в этих процессах резко возросла значимость социальной составляющей, признание важнейшим источником экономического роста человека с его способностями, интересами, ценностями, умом, знаниями, умениями, мотивами. Показано, что в настоящее время научное сообщество все активнее заявляет о необходимости понимания смысла экономической деятельности и экономических изменений в контексте духовно-нравственной парадигмы. *В наиболее обобщенном виде духовно-нравственную парадигму аксиологически автор формулирует как совокупность теорий, концепций, методологий, научных взглядов, которые в течение определенного исторического периода участвуют в трактовке и движении духовных ценностей; ментальных способностей, моральных и нравственных отношений, институтов и институций, норм и правил поведения людей в пространстве региона.* Именно эти многочисленные разнокачественные и разнохарактерные компоненты служат своеобразной сеткой координат, в пределах которой складывается идентичность лич-

ности, удерживается поведение человека в разных сферах существования и деятельности, формируются особенности, долговременные тенденции, закономерности социально-экономического развития страны и ее отдельных регионов.

Предоставленное в диссертации понимание духовно-нравственной парадигмы позволило проанализировать ряд теорий и представлений различных научных школ о хозяйственных успехах мировых сообществ. В диссертации дается трактовка и раскрывается основное содержание трех основных моделей экономического роста с позиций духовно-нравственных императивов: европейской, азиатской, славянской (русской).

На основе подробного рассмотрения различных концепций и научных направлений диссертант приходит к выводу, что в основе экономического развития России находится православная этика. В диссертации раскрывается феномен старообрядческого предпринимательства. Представленное в диссертации понимание духовно-нравственной парадигмы сделало необходимым определение собственного отношения к таким понятиям, как *институт*, *институция*, которые прямо или косвенно оказывают влияние на экономическую деятельность в пространстве региона, устанавливают (наряду с технологией) транзакционные издержки, создают социальные условия общественного развития.

Проанализированные фундаментальные понятия, используемые при исследовании различных видов экономической деятельности в контексте духовно-нравственных оснований, позволили диссертанту констатировать, что справедливость является правилом высшего порядка, базисной категорией, через призму которой рассматриваются практически все области человеческой деятельности как в регионе, так и в стране в целом.

В соответствии с вышесказанным в диссертационной работе интерпретирована эволюция содержания категории «справедливость», в том числе и при принятии экономических решений, когда она выступает в качестве социальной справедливости. В диссертации дается трактовка и раскрывается содержание таких понятий, как «бедность», «богатство», «территориальное (межрегиональное) неравенство».

Учитывая центральность (базовость) понятия «регион» во многих науках, его многоаспектное звучание, недостаточную концептуализацию, многообразие точек зрения и концепций, диссертант обосновал свое принципиальное отношение к сущностно-содержательным характеристикам региона в контексте духовно-нравственной парадигмы. Под *регионом-социумом* автор понимает в наиболее общем виде относительно самостоятельную, целостную в социокультурном, хозяйственно-экономическом и административно-политическом отношении территорию, в границах которой протекают, взаимодействуют, взаимопереплетаются социальные, культурные, конфессиональные, этнодемографические, политические, экономические и иные процессы функционирования социума, синтез которых обеспечивает зарождение и формирование социальных институтов, социальных принципов и норм поведения и контроля, что в итоге способствует воссозданию и становлению уникальных характеристик региона, позволяющих выделить его среди других территорий.

Рассмотрение конструкта «регион» в качестве социума в трактовке автора гораздо шире, чем содержание других определений региона, ибо помимо экономических вопросов, предлагаемый подход включает культурные, образовательные, медицинские, социально-психологические, политико-общественные и иные стороны жизни регионального социума, синтез которых позволяет в полной мере реализовать социально-центричную концепцию регионального развития.

Диссертант подчеркивает, что с концепцией «регион-социум» органически связаны теория и практика формирования *социального капитала*, который становится важным ресурсом экономического развития и повышения качества жизни на территории региона.

2. Предложена и апробирована на основе применения совокупности теоретических воззрений и концептуальных установок исследования регионального развития методология ковариационного анализа экономики Республики Крым в сопряжении с духовно-нравственными принципами, выявлены сущностные характеристики, тенденции функционирования и развития рекреационно-курортного комплекса региона с учетом влияния на него длительных глубинных процессов, что позволило идентифицировать общее и особенное

в социально-экономическом развитии нового региона, представить рекреационно-курортный комплекс Крыма как сложноорганизованную пространственную систему, а также в качестве ключевого компонента структуры его экономики.

Систематизация в диссертационной работе многоаспектных трактовок вопросов анализа состояния и динамики развития регионов, а также кросс-территориального сравнения компонентов их развития различной природы позволили автору обосновать необходимый перечень конкретных индикаторов (показателей) в соответствии с постулатами духовно-нравственной парадигмы для комплексной оценки социально-экономического развития российских регионов, включая Республику Крым. В работе основное внимание уделено проблеме измерения и сравнительной оценки уровня социально-экономического развития и качества жизни республики Крым (32 индикатора) в сравнении с другими республиками России (их насчитывается 22).

Для выявления тенденций и пространственных особенностей развития регионов (в частности, республик Российской Федерации) и места в этих процессах Республики Крым был использован метод корреляционно-регрессивного анализа, а также *метод кластерного анализа*, позволивший выполнить деление множества объектов на однородные группы, выявить наиболее близкие между собой объекты (в том числе и Крым) в выбранном признаковом пространстве. Источником информации для анализа выступили данные официальной статистики, результаты социологических опросов, экспертных оценок, а также данные известных отечественных и зарубежных ученых. С этих принципиальных позиций была рассмотрена динамика развития хозяйства нового субъекта Российской Федерации – Республики Крым за 2015–2021 г., а также проведен ковариационный (сопряженный) анализ индикаторов развития экономики изучаемого региона в сравнении с другими 22 республиками России.

Более удовлетворительным и результативным с методической и практической точки зрения оказался метод анализа структуры хозяйства региона. Показано, что

отрасли специализации Крыма за 2015–2021 гг. увеличили свой удельный вес в структуре хозяйства региона 41,0 % в 2015 г. до 42,7 % в 2021 г.

Проведенный ковариационный анализ 32 индикаторов развития экономики региона за 2015–2020 гг. в контексте духовно-нравственных принципов в рыночной экономике в сравнении с 22 республиками Российской Федерации с использованием процедуры кластеризации позволил определить по выделенным блокам показателей три группы кластеров: лучший, худший и средний в 2015 и 2020 гг.

Построенные дендрограммы, которые описывают близость объектов анализа (республик РФ) и самих кластеров друг к другу, позволили установить, что социально-экономическая ситуация в Республике Крым за пятилетний период, на протяжении которого Крым находился в составе России, изменилась к лучшему: Крым переместился из худшего кластера в средний.

Раскрывается важность понимания того, что рекреационно-курортная деятельность становится важной составной частью региональной экономики, отражает культурный код населения конкретного региона, дает ключ к пониманию сути сложившихся здесь духовно-нравственных ценностей. В диссертации дана содержательная трактовка в контексте экономической науки дефиниции «рекреационно-курортный комплекс» – это *целостное конкретное природно-социальное пространство, в пределах которого расположены уникальные природные ресурсы с натуральными полезными для человека свойствами, локализована сложная совокупность лечебно-оздоровительных, туристических и культурно-познавательных учреждений, сопутствующих предприятий инфраструктуры, объединенных внутренними устойчивыми многослойными экономическими, социальными, технологическими, информационными и иными связями и отношениями, действия которых на протяжении длительного промежутка времени направлены на сохранение, восстановление и укрепление здоровья населения и на наращивание капитала здоровья как составной части национального или регионального богатства.*

Понятие «рекреационно-курортный комплекс» объединяет три узловых детерминированных понятия:

– *территориальность*, т. е. привязанность комплекса к определенной территории;

– *комплексность*, т. е. сочетание в границах территории дискретных компонентов, между которыми исторически сформировались устойчивые связи и отношения;

– *цель* функционирования – направлена на сохранение и создание капитала здоровья, воплощенного в отдельной личности и являющегося неотъемлемым достоянием индивида.

В результате проведенного анализа установлено, что *рекреационно-курортные ресурсы* Крыма, которые послужили начальным фактором и катализатором курортно-рекреационной деятельности в регионе, представлены большим рекреационным пространством, охватывают разнообразные уникальные природные, лечебные и культурно-рекреационные ресурсы, позволяющие в современных условиях удовлетворять многочисленные рекреационные потребности населения, достигать благоприятного физиотерапевтического эффекта, а также добиваться нормального функционирования отраслей хозяйства, специализирующихся на производстве рекреационных товаров и услуг.

В диссертации дана комплексная количественно-качественная оценка совокупности курортологических, оздоровительных, туристических и иных ресурсов для функционирования и развития рекреационно-курортного комплекса. С этих принципиальных оснований была исследована динамика развития рекреационно-курортного хозяйства Республики Крым в период 2009–2021 гг., а более подробно – в 2015–2020 гг. в непосредственном сопряжении с внутренней логикой его функционирования с учетом непрерывного изменения параметров отдельных компонентов комплекса.

Как показывает системный анализ статистических показателей, Республика Крым уверенно располагается в первой тройке лидеров по всем показателям, характеризующим состояние рекреационно-курортного комплекса страны. В качестве основного (результатирующего) показателя состояния рекреационно-курорт-

ного комплекса автором использованы показатели *коллективных средств размещения* (показатель загрузки комплекса).

На основе подробного рассмотрения динамики показателей развития комплекса автор приходит к выводу, что после вхождения Крыма в состав РФ (2014–2021 гг.) число специализированных коллективных средств размещения возросло со 198 до 524 ед. (в 2,6 раза), а численность обслуженных лиц увеличилось с 247,6 тыс. до 1 013 тыс. чел. (более чем в четыре раза).

За это время коренным образом изменилась *география потока отдыхающих*: если в 2013 г. в общем объеме отдыхающих более 70 % составляли граждане Украины, в настоящее время целевая аудитория крымских курортов, санаториев и других видов отдыха формируется в основном жителями Москвы и Московской области (более 40 %), Санкт-Петербурга (более 5 %). Почти полностью иссяк поток зарубежных отдыхающих. Территориальную структуру рекреационно-курортных предприятий формирует узкая трехкилометровая полоса Южного берега Крыма и его Западный берег (курорт Евпатория) (до 90 % здравниц). Автор констатирует, что в Крыму исторически сформировался лечебно-оздоровительный внутренний туризм, который включает услуги по перемещению граждан внутри страны между регионами для получения медицинских услуг.

В региональном туристском рейтинге России за 2021 г. Республика Крым заняла прочное 4-е место (5,9 млн туристов в 2013 г., 3,8 млн – в 2014 г. и 6,1 млн – в 2020 г.; для сравнения – абсолютный максимум 8,3 млн чел. отмечен в 1988 г.). Как показывают данные рейтинговой оценки привлекательности направлений туристских потоков России на лето 2021 г., Республика Крым оказалась на первом месте (29 % всех респондентов, а Краснодарский край – всего лишь 17 %).

Как доказывает диссертант, в становлении рекреационно-курортной деятельности в Крыму особое место принадлежит *благотворительной деятельности*, понимаемой как намеренные добровольные действия, совершаемые отдельными лицами или организациями безвозмездно, средствами, отвечающими положительным требованиям нравственности, и совершаемые по моральным мотивам. Анализ показывает, что начиная со второй половины XIX века благотворительность русских

предпринимателей (П. И. Губонин, С. И. Мальцов, Н. Д. Стахеев, П. Ф. Соболев и др.), представителей других этносов (в частности, караимов, греков), а также государства в лице императорской фамилии, представителей аристократии и высшего чиновничества приобрела наиболее широкие масштабы.

Участие граждан в благотворительности является своеобразным ключом в понимании гражданской культуры и духовных ценностей, основанных на филантропии, этике, идеях гуманизма. С переходом Крыма на путь социалистического строительства функции благотворительности как социального института взяло на себя государство. В этот период в функционировании и развитии рекреационно-курортной деятельности вместо благотворительности стали играть важную роль такие нравственные институты, как *справедливость* в качестве высшей добродетели, *совесть*, *сострадание*.

Важнейшим компонентом духовно-нравственной парадигмы в советский период был советский патриотизм, в центре которого – *героический труд*, приведший к небывалому экономическому росту. Государственной наградой героя социалистического труда были удостоены более 100 крымчан. Изменение в начале XXI века политических и социально-экономических отношений в Крыму привело к возрождению благотворительной деятельности, а также к усилению значимости таких компонентов духовно-нравственной парадигмы, как взаимное *доверие*, *порядочность*, *честность*, *правдивость*. В итоге диссертант констатирует, что крымчане в своем большинстве – носители одного типа с остальной Россией культурного, социального и интеллектуального кода, а также капитала здоровья.

3. Выявлен и обоснован основной вектор перманентного стратегического развития Крыма на базе анализа и обобщения различных теоретико-методических и эмпирических подходов, в соответствии со стратегическими установками модернизации российской и региональной экономики, раскрыты основные сценарии развития рекреационно-курортного комплекса региона в обозримой перспективе, предложены стратегические приоритеты регулирования социально-экономической деятельности с позиций духовно-нравственных критериев, способствующих в результате выполнению в новых

условиях важнейшей задачи – наиболее полному удовлетворению базовых потребностей человека в восстановлении и сохранении своего физического и духовного здоровья, увеличении капитала здоровья.

В работе показано, что Республика Крым, как и вся Россия, вступила в период развития, когда стратегические возможности, внешние и внутренние вызовы и риски, конфликты и столкновения стали существовать и действовать одновременно, а влияние неопределенности и непредвидимых факторов в социально-экономическом развитии региона значительно усиливается. Будущее развитие Крыма не только обладает общими контурами и чертами современного и будущего социоэкономического развития Российской Федерации, но и выделяется своей региональной спецификой, базирующейся на собственных региональных реалиях и региональных интересах.

Практически во всех государственных и стратегических документах, разработанных региональными органами, касающихся будущего социально-экономического развития Крыма, обосновывается, что основным вектором стратегического развития региона выступает «генетический код» – *консюмеризм*, согласно которому экономическая деятельность в регионе будет базироваться на возрастающем потреблении отдыхающими и местным населением услуг исторически сложившегося рекреационно-курортного комплекса общегосударственного значения. На это направлена и деятельность режима свободной экономической зоны Крыма. Автором раскрыто содержание основных принципов и задач государственной региональной политики в рекреационно-курортной сфере, среди которых:

1) основной территориально-отраслевой формой организации хозяйства Крыма в обозримой перспективе будет выступать рекреационно-курортный комплекс с диверсифицированным набором соответствующих отраслей, сопряженное развитие которых позволяет превратить комплекс в высокорентабельную и конкурентоспособную сферу экономики с ярко выраженным синергетическим эффектом;

2) трансформируется функционально-отраслевая структура хозяйства и динамика развития Крыма в связи с проведением специальной военной операции на Украине. Планируется построить короткий автомобильный путь (225 км) от Крым-

ского моста до Севастополя параллельно автостраде «Таврида». В Севастополе будет возведен крупный военный гражданский логистический центр общей стоимостью 17 млрд р.;

3) в рамках госпрограммы социально-экономического развития Крыма и г. Севастополя, продленной до 2027 г., планируется построить 89 новых объектов, в том числе новый уникальный лечебный корпус у озера Мойнаки;

4) продолжается реализация в пределах Крыма 12 национальных и 47 региональных проектов, среди которых самый популярный национальный проект «Здравоохранение», в рамках которого предусматривается реконструкция и модернизация многих курортно-санаторных объектов, обновление лечебно-диагностической аппаратуры;

5) в рамках государственной программы «Развитие туризма» предусмотрена система мероприятий по организации обеспечивающей инженерной и транспортной инфраструктуры, по созданию модульных средств размещения, недорогих отелей, разработке новых туристических маршрутов и т. п. Большими возможностями для роста располагаю такие виды туризма, как лечебно-оздоровительный, спортивно-оздоровительный, культурно-исторический, интеллектуальный, событийный, горный, этнографический, археологический, религиозный, в том числе религиозно-познавательный экскурсионный и паломнический с религиозными целями и др. Действующая стратегия развития туристического компонента рекреационно-курортного комплекса предполагает рост турпотока до 2030 г. до 10–11 млн чел., включая более 3 млн в организованном секторе;

б) становится необходимым создание в Крыму соответствующей инфраструктуры для игровых, олимпийских и паралимпийских видов спорта федерального уровня, особенно тех, тренировочные условия которых требуют круглогодичного наличия плюсовой температуры и водной акватории. По мнению соискателя, стратегия развития рекреационно-курортного комплекса должна базироваться на вовлечении в рекреационное функционирование *новых территорий*, в частности, равнинно-степного Крыма, использовании возможности для рекреации болотно-охотничьих угодий Сиваша, других глубинных территорий региона. Автор доказывает,

что в сложившихся условиях в Крыму в полной мере проявляются принципы духовно-нравственной парадигмы (прибывшим на территорию Крыма беженцам оказывается разнообразная медицинская помощь при наличии миграционной карты или удостоверения личности, участники СВО и их семьи оздоравливаются в здравницах региона, создается госфонд помощи семьям погибших участников СВО, открыт первый в России детский центр гуманитарной помощи и др.). Возрождается *патриотизм* как один из важнейших принципов нравственности, характеризующий отношение людей к своей родине, региону, месту. На основе анализа обширного массива информации автором были составлены *три сценария* (пессимистичный, инерционный и оптимистичный) прогноза коллективных средств размещения рекреационно-курортного комплекса. Соискатель считает, что наиболее вероятным для Крыма может быть *инерционный сценарий* за счет выхода на плато на основе восстановления туристического потока после стабилизации социально-экономической ситуации в регионе.

Показано, что для реализации приоритетного вектора перманентного развития Республики Крым с усилением позиций рекреационно-курортного комплекса следует разработать схему организационно-экономического механизма регулирования, включающего осуществление региональными органами власти определенной последовательности процедур прямого (непосредственного) и косвенного (координирующего, стимулирующего) воздействия на социально-экономические процессы посредством использования совокупности соответствующих методов и инструментов, обеспечивающих повышение эффективности региональной экономики. Для этого была адаптирована подобная схема, предложенная коллективом крымских регионалистов под руководством профессора Н. В. Апатовой. Автор дополнил предложенную схему социальной подсистемой, духовными принципами, культурой и воспитанием, что позволило уточнить, расширить и конкретизировать сферу регулирования регионом, что дает возможность повысить конкурентоспособность экономики Крыма и улучшить качество жизни всех категорий граждан, а также увеличить эффективность функционирования курортно-рекреационного комплекса, более полно и рационально использовать его потенциал.

Результаты диссертационной работы показали, что исследование регионального развития, в том числе рекреационно-культурной деятельности, в контексте духовно-нравственной парадигмы позволяет вскрыть общее и особенное в функционировании развитии отечественного региона, что в целом способствует приращению знаний в региональной экономике как науке.

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. Избранные труды : в 4 т. / Л. И. Абалкин. – Москва : Экономика, 2000. – Т. IV: В поисках новой стратегии – 799 с.
2. Аванесова, Г. А. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика / Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева. – Москва : РАГС, 2001. – 314 с.
3. Автономов, В. С. Модель человека в экономической науке / В. С. Автономов. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 1998. – 230 с. – ISBN 5-900428-33-8.
4. Аганбегян, А. Г. О приоритетах социальной политики / А. Г. Аганбегян. – Москва : Дело, 2020. – 512 с. – ISBN 978-5-85006-176-0.
5. Аметов, Р. Ф. Региональные особенности развития хозяйственного комплекса Крыма / Р. Ф. Аметов. – Донецк : ИЭПИ НАН Украины, 2001. – 282 с. – ISBN 966-7695-48-4.
6. Анализ тенденций развития регионов России в 1992–1995 гг. : отчет по программе TACIS «Экономические реформы в России: региональный аспект». – Москва : ИНИОН РАН, 1996. – 144 с.
7. Анализ тенденций социально-экономического развития Республики Крым : монография / под ред. Ю. П. Майданевич. – Симферополь : Полипринт, 2019. – 362 с. – ISBN 978-5-6042183-8-9.
8. Аналитический обзор ВЦИОМ «Летние планы – 2021». – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/letnie-plany-2021> (дата обращения: 20.12.2021).
9. Анимица, Е. Г. В поисках новой парадигмы регионального развития : монография / Е. Г. Анимица, В. П. Иваницкий, Э. В. Пешина. – Екатеринбург : УрО РАН, 2005. – 107 с. – ISBN 5-7691-1575-0.
10. Анимица, Е. Г. Греки в судьбе России / Е. Г. Анимица. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2003. – 302 с. – ISBN 5-230-14595-1.

11. Анимица, Е. Г. Исход крымских христиан в Россию в XVIII в. / Е. Г. Анимица, К. В. Чернышев (Каллиник) // Труды Таврической духовной семинарии : сб. тр., вып. 1. – Симферополь : Ариал, 2021. – С. 5–34.

12. Анимица, Е. Г. Региональное управление / Е. Г. Анимица. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2010. – 340 с. – ISBN 978-5-9656-0136-3.

13. Антипин, И. А. Стратегическое планирование развития территорий в условиях неопределенности / И. А. Антипин, Н. Ю. Власова. – DOI 10.17513/vaael.2608 // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 12-1. – С. 5–10.

14. Антонюк, В. С. Закономерности пространственного развития производительных сил Российской Федерации в современных условиях / В. С. Антонюк, Е. Л. Корниенко, Э. Р. Вансович. – DOI 10.31063/2073-6517/2020.17-2.6 // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 314–327.

15. Апатова, Н. В. Регион как объект управления и анализа / Н. В. Апатова, К. В. Авдеева // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 106–120.

16. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; пер. с древнегреч. под общ. ред. А. И. Доватура. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.

17. Арутюнян, Д. В. Современное состояние религиозного туризма на внутреннем рынке / Д. В. Арутюнян, Г. Д. Брюханова // Молодежь – науке – XII. Актуальные проблемы туризма, гостеприимства, общественного питания и технического сервиса : материалы Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. (Сочи, 15–17 апреля 2021 г.). – Сочи : СГУ, 2021. – С. 370–372.

18. Асаул, А. Н. Современные парадигмы региональной экономики / А. Н. Асаул, Г. Ф. Балакина, М. К. Соян // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4 (48). – С. 257–260.

19. Асемоглу, Д. Введение в теорию современного экономического роста : в 2 кн. : пер. с англ. / Д. Асемоглу. – Москва : Дело, 2018. – Кн. 1. – 736 с. – ISBN 978-5-7749-1263-6.
20. Асланов, Д. И. Системные представления о здоровье как основном компоненте человеческого капитала / Д. И. Асланов // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 12-1. – С. 202–206.
21. Аузан, А. А. Социокультурная экономика / А. А. Аузан // *Наука и инновации*. – 2017. – № 2 (168). – С. 4–10.
22. Бабинцев, В. П. Ценности жителей Белгородской области как приграничного региона России / В. П. Бабинцев, В. Б. Тарабаева // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. – 2014. – № 9 (180). – С. 37–43.
23. Багров, Н. В. Крым – модельный регион устойчиво-ноосферного развития / Н. В. Багров // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. – 2010. – Т. 6, № 1–2. – С. 5–12.
24. Баранский, Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии : монография / Н. Н. Баранский. – Москва : Мысль, 1980. – 287 с.
25. Барбаков, О. М. Регион как объект управления / О. М. Барбаков // *Социологические исследования*. – 2002. – № 7. – С. 96–100.
26. Баринова, В. А. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? / В. А. Баринова, С. П. Земцов, Ю. В. Царева. – DOI 10.32609/0042-8736-2018-6-92-116 // *Вопросы экономики*. – 2018. – № 6. – С. 92–116.
27. Бедность и бедные в современной России / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, Е. И. Пахомова [и др.]. – Москва : Весь мир, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-7777-0575-4. – EDN SXPYHR.
28. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г. С. Беккер ; пер. с англ. под науч. ред. Р. И. Капелюшникова. – Москва : ВШЭ, 2003. – 672 с. – ISBN 5-7598-0173-2.

29. Бербешкина, З. А. Справедливость как социально-философская категория / З. А. Бербешкина. – Москва : Мысль, 1983. – 208 с.
30. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – Москва : Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с. – ISBN 978-5-4261-0012-1.
31. Богомолов, О. Т. Нравственный фактор социально-экономического прогресса / О. Т. Богомолов // Вопросы экономики. – 2007. – № 11. – С. 55–62.
32. Бодрунов, С. Д. Ноономика : монография / С. Д. Бодрунов. – Москва ; Санкт-Петербург ; Лондон : Культурная революция, 2018. – 432 с. – ISBN 978-5-6040343-1-6.
33. Большакова, О. В. 2005.04.012. Мальгин А. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху империи. Конец XVIII – начало XX в. – Симферополь, 2004. – 352 с. / О. В. Большакова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – 2005. – № 4. – С. 47–51.
34. Большая экономическая энциклопедия: БЭЭ: самое полное современное издание: более 7 000 экономических терминов и понятий / Т. П. Варламова, Н. А. Васильева, Л. М. Неганова [и др.]. – Москва : Эксмо, 2007. – 816 с. – ISBN 5-699-14788-8.
35. Бочко, В. С. Территориальная конъюгация и формирование интеллектуально-инновационного пространства / В. С. Бочко // Экономика региона. – 2010. – № 2. – С. 7–16.
36. Брис, А. ВВП умер. Да здравствует счастье / А. Брис // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3234698> (дата обращения: 15.03.2023).
37. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : монография : в 3 т. : пер. с фр. / Ф. Бродель. – 2-е изд. – Москва : Весь мир, 2007. – Т. 3: Время мира. – 752 с. – ISBN 978-5-7777-0359-0.
38. Брюханов, М. В. Отношение к государственному регулированию экономики: анализ международных данных / М. В. Брюханов, С. С. Поляченко // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 48 (423). – С. 26–38.

39. Бузгалин, А. В. Справедливость как предпосылка свободы и эффективности: обновление социального проекта возможно? / А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2013. – № 3 (347). – С. 135–145.
40. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков ; отв. ред. О. Платонов. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2009. – 464 с. – ISBN 978-5-902725-20-6.
41. Бурдье, П. Социология социального пространства / П. Бурдье ; пер. с фр. под общ. ред. Н. А. Шматко. – Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 288 с. – ISBN 5-89329-762-8.
42. Буркальцева, Д. Д. Развитие туристско-рекреационного комплекса Республики Крым: проблемы и направления их преодоления / Д. Д. Буркальцева, Ю. Н. Лавринюк, Р. О. Киселев [и др.] // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2021. – № 3 (56). – С. 155–165.
43. Бухвальд, Е. М. Институциональные проблемы стратегирования пространственного развития / Е. М. Бухвальд. – DOI 10.21686/2073-1051-2023-1-80-98 // Федерализм. – 2023. – Т. 28, № 1 (109). – С. 80–98.
44. Быченко, Ю. Г. Социализация экономики в России: проблемы и перспективы / Ю. Г. Быченко, Л. В. Логинова // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2009. – Т. 1, № 1 (37). – С. 262–272.
45. Вавилина, Н. Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема / Н. Д. Вавилина. – Новосибирск : СибАГС, 2000. – 510 с. – ISBN 5-8036-0057-1.
46. Вайпан, В. А. Теория справедливости: право и экономика : монография / В. А. Вайпан. – Москва : Юстицинформ, 2017. – 280 с. – ISBN 978-5-7205-1424-2.
47. Василенко, Д. В. Научная система представлений о регионе / Д. В. Василенко. – DOI 10.21603/2500-3372-2018-3-81-86 // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – № 3. – С. 81–86.
48. Вахтина, М. А. Институциональные основания справедливой рыночной экономики / М. А. Вахтина. – Самара : Самарский научный центр РАН, 2013. – 265 с. – ISBN 978-5-93424-685-4.

49. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма : пер. с нем. / М. Вебер. – Москва : АСТ, 2020. – 320 с. – ISBN 978-5-17-122819-4.
50. Веллер, М. И. Максимальная возможность счастья / М. И. Веллер // Аргументы и факты. – 2021. – № 35. – С. 12.
51. Ветошкин, А. П. Духовно-нравственная экономика / А. П. Ветошкин, Н. А. Каратеева, А. М. Миняйло. – Екатеринбург : УрГУ, 2008. – 702 с.
52. Ветошкин, А. П. Сквозные линии и связующие скрепы исторической поступи России / А. П. Ветошкин // Русский экономический вестник: научно-публицистический журнал. – 2012. – № 9–10. – С. 224.
53. Ветошкин, А. П. Философия экономики / А. П. Ветошкин, К. П. Стожко. – Екатеринбург : Полиграфист, 2001. – 334 с.
54. Викторов, А. Ш. Социальное неравенство: философская и социологическая рефлексия / А. Ш. Викторов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2014. – № 2. – С. 170–186. – EDN SFMMOX.
55. Вознесенский, Л. Страну объединит только социальная справедливость / Л. Вознесенский // Век. – 1998. – № 40. – С. 41.
56. Воробей, Е. К. Система государственной поддержки сферы рекреации и туризма в условиях новой реальности XXI века / Е. К. Воробей. – Москва : Русайнс, 2022. – 240 с. – ISBN 978-5-466-02684-9.
57. Воронин, И. Н. Факторы и механизмы трансформации территориальной структуры и характера протекания социокультурных процессов в Республике Крым и городе Севастополе / И. Н. Воронин, Л. А. Ожегова, А. Б. Швец // Ученые записи Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. География. Геология. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 36–49.
58. Всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России» / Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН. – URL: <https://iphras.ru/page15984714.htm> (дата обращения: 11.11.2022).
59. Выжutowич, В. Россияне хотят, чтобы бедные и богатые были равны перед законом / В. Выжutowич // Российская газета. – 2021. – 19 нояб. – URL: <https://rg.ru/>

2021/11/18/vyzhutovich-rossiiane-hotiat-chtoby-bednye-i-bogatye-byli-ravny-pered-zakonom.html (дата обращения: 06.01.2023).

60. Выжutowич, В. В. Знают себе цену / В. В. Выжutowич // Российская газета. – 2022. – № 37. – URL: <https://rg.profkiosk.ru/955399> (дата обращения: 14.04.2023).

61. Гагарина, Г. Ю. Прогнозирование социально-экономического развития российских регионов / Г. Ю. Гагарина, Е. И. Дзюба, Р. В. Губарев, Ф. С. Файзуллин. – DOI 10.17059/2017-4-9 // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, вып. 4. – С. 1080–1094.

62. Гладышева, А. С. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России / А. С. Гладышева, И. А. Стоянов // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. – 2016. – № 2. – С. 273–279.

63. Глазьев, С. Ю. О новой парадигме в экономической науке / С. Ю. Глазьев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – С. 5–39. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (дата обращения: 05.12.2022).

64. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – 502 с.

65. Городецкий, А. Об основах институциональной трансформации / А. Городецкий // Вопросы экономики. – 2000. – № 10. – С. 118–133.

66. Господарчук, Г. Г. Развитие регионов на основе финансовой интеграции : монография / Г. Г. Господарчук. – Москва : Финансы и статистика, 2006. – 286 с. – ISBN 5-279-03169-0.

67. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. – Москва : ВШЭ, 2000. – 495 с. – ISBN 5-7598-0074-4.

68. Гранберг, А. Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя / А. Г. Гранберг // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 1. – С. 57–81.

69. Григорьев, С. И. Социальная экономия и моральная экономика – альтернатива развития российского общества, основанная на социально-исторической

эволюции / С. И. Григорьев, М. Г. Колоколыцев, Н. Ю. Колокольцева // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 2 (196). – С. 123–129.

70. Гринберг, Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора / Р. С. Гринберг. – Москва : ИНФРА-М, 2012. – 416 с. – ISBN 978-5-9776-0217-4.

71. Гриненко, С. В. Организация событийного туризма в границах национальных парков Российской Федерации / С. В. Гриненко. – DOI 10.18572/2686-858X-2022-16-4-41-50 // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. – 2022. – № 4 (16). – С. 41–50.

72. Гуськова, Н. Д. Современные теории социального капитала / Н. Д. Гуськова, А. П. Ключева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2 (22). – С. 152–160.

73. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – Москва : Прогресс, 1969. – 480 с.

74. Дворядкина, Е. Б. Муниципальные образования индустриального типа в экономическом пространстве традиционно-промышленного региона: исследовательская программа / Е. Б. Дворядкина, Э. В. Джалилов, Н. А. Истомина. – DOI 10.29141/2658-5081-2022-23-2-2 // Journal of new economy. – 2022. – Т. 23, № 2. – С. 29–44.

75. Декларация по регионализму в Европе : принята 4 декабря 1996 г. в Базеле Ассамблеей Регионов Европы (ARE).

76. Декрет СНК о лечебных местностях общегосударственного значения: Постановление СНК РСФСР от 4 апреля 1919 г. // Декреты Советской власти, т. 5. – Москва : Госполитиздат, 1971. – С. 19–21.

77. Дементьев, В. Е. Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики / В. Е. Дементьев // Российский экономический журнал. – 2004. – № 8. – С. 46–65.

78. Дементьев, В. Е. Факторы дифференциации регионов по темпам экономического роста / В. Е. Дементьев. – DOI 10.18522/2073-6606-2020-18-2-6-21 // Terra economicus. – 2020. – Т. 18, № 2. – С. 6–21.

79. Демидова, О. А. Модели экономического роста с неоднородными пространственными эффектами (на примере российских регионов) / О. А. Демидова, Д. С. Иванов // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2016. – Т. 20, № 1. – С. 52–75.

80. Десятниченко, Д. Ю. О стратегических приоритетах развития лечебно-оздоровительного туризма в России / Д. Ю. Десятниченко, О. Ю. Десятниченко // Экономика и управление народным хозяйством (Санкт-Петербург). – 2018. – № 3 (5). – С. 106–115.

81. Доклад о состоянии и охране окружающей среды Республики Крым в 2020 г. / Совет министров Респ. Крым, М-во экологии и природных ресурсов Респ. Крым. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2021. – 466 с. – ISBN 978-5-9631-0904-5.

82. Евробарометр / Портал социологических данных Российской академии народного хозяйства и государственной службы. – URL: <https://social.ranepa.ru/postoyannye-proekty/evrobarometr> (дата обращения: 12.03.2022).

83. Ефимов, С. А. Рекреация, рекреационная деятельность, туризм: понятийно-терминологические аспекты / С. А. Ефимов, А. С. Ефимова // Труды Крымской Академии наук. – Симферополь : Ариал, 2017. – С. 24–36.

84. Жуковская, И. Ф. Туризм и COVID-19: анализ проблем и перспективы развития после пандемии / И. Ф. Жуковская, А. Ю. Овчинников // Вестник Национальной академии туризма. – 2020. – № 3 (55). – С. 24–27.

85. Заборова, Е. Н. Духовно-нравственная культура России в современную информационно-цифровую эпоху / Е. Н. Заборова // Наука – образование – экономика: новые тренды и риски : сб. науч. тр. IX Урал. науч. чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук (Екатеринбург, 8 февраля 2022 г.). – Екатеринбург : УрГЭУ, 2022. – С. 13–18.

86. Заборова, Е. Н. Социокультурные приоритеты социальной политики / Е. Н. Заборова // Управленец. – 2010. – № 1–2 (5–6). – С. 48–53.

87. Земцов, С. П. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России / С. П. Земцов, В. Л. Бабурин // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, № 1. – С. 117–138.

88. Зеньковский, С. А. Русское старообрядчество : в 2 т. / С. А. Зеньковский. – Москва : Квадрат ; Ин-т ДИ-ДИК : Квадрига, 2009. – 687 с. – ISBN 978-5-93311-012-5.
89. Зорькин, В. Д. Верховенство права и встреча цивилизаций / В. Д. Зорькин // Журнал Конституционного правосудия. – 2008. – № 1. – С. 2–9.
90. Зотов, В. В. Институциональные проблемы реализации системных функций экономики / В. В. Зотов, В. Ф. Пресняков, В. О. Розенталь // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 3. – С. 51–69.
91. Зубанова, С. Г. Благотворительность и социальное служение женщин в до-революционной России / С. Г. Зубанова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 17. – С. 128–134.
92. Зубаревич, Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода : монография / Н. В. Зубаревич. – 3-е изд. – Москва : URSS, 2007. – 264 с. – ISBN 978-5-382-00013-8.
93. Зырянов, А. И. Дробное районирование и площадное развитие туризма / А. И. Зырянов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2018. – № 5. – С. 44–51.
94. Зырянов, А. И. Подходы к туристскому районированию / А. И. Зырянов // Туристско-рекреационный комплекс в системе регионального развития : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (пос. Небуг, Туапсинский район, Краснодарский край, 17–21 апреля 2019 г.). – пос. Небуг : КубГУ, 2019. – С. 90–94. – EDN ZCESEX.
95. Зырянов, А. И. Развитие туристско-рекреационной сферы с учетом эпидемиологических рисков / А. И. Зырянов. – DOI 10.18572/2686-858X-2020-4-8-34-42 // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. – 2020. – № 4 (8). – С. 34–42.
96. Зырянов, А. И. Структура и особенности формирования туристского пояса Крымско-Кавказского Причерноморья (на примере Крыма, Краснодарского края и Абхазии) / А. И. Зырянов, И. В. Цулая, И. М. Яковенко. – DOI 10.31857/S2587556622020121 // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2022. – Т. 86, № 2. – С. 191–203.

97. Зырянов, А. И. Формула места / А. И. Зырянов // Региональные исследования. – 2013. – № 2 (40). – С. 20–24.

98. Ильин, И. А. В поисках справедливости / И. А. Ильин // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России : в 2 т. – Москва : Рарог, 1992. – Т. 1. – С. 185–189.

99. Ильин, И. А. О социальных аспектах хозяйствования / И. А. Ильин // Собрание сочинений : в 10 т. – Москва : Русская книга, 1998. – Т. 8. – 576 с.

100. Имаи, М. Кайдзен: ключ к успеху японских компаний : пер. с англ. / М. Имаи. – Москва : Альпина Бизнес Букс, 2016. – 274 с. – ISBN 978-5-9614-5565-6.

101. Исмаилов, Н. О. Справедливость: концептуальные основы и актуальные проблемы : монография / Н. О. Исмаилов. – Москва : НИИ истории, экономики и права, 2016. – 209 с. – ISBN 978-5-906724-12-0.

102. Истомина, Э. Г. Внутренний туризм и туристские ресурсы России / Э. Г. Истомина, М. Г. Гришунькина. – Москва : Ин-т рос. истории РАН, 2019. – 268 с. – ISBN 978-5-7281-2286-9.

103. Канарш, Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация : монография / Г. Ю. Канарш. – Москва : Моск. гуманитар. ун-т, 2011. – 236 с. – ISBN 978-5-98079-689-1.

104. Канева, М. А. Оценки капитала здоровья для российских регионов в 2004–2018 гг. / М. А. Канева. – DOI 10.15372/REG20210103 // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 1 (109). – С. 72–96.

105. Карпова, Г. А. Проблемы и перспективы развития туризма в условиях пандемии / Г. А. Карпова, Е. О. Валеева // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 1 (127). – С. 97–104. – EDN HAEZJN.

106. Картаев, Ф. С. Влияет ли рейтинг инвестиционного климата на экономическое развитие региона? / Ф. С. Картаев, К. Е. Полунин. – DOI 10.32609/0042-8736-2019-5-90-102 // Вопросы экономики. – 2019. – № 5. – С. 90–102.

107. Картаев, Ф. С. Как инфляция влияет на неравенство доходов в России? / Ф. С. Картаев, О. А. Клачкова, А. С. Лукьянова. – DOI 10.32609/0042-8736-2020-4-54-66 // Вопросы экономики. – 2020. – № 4. – С. 54–66.

108. Катасонов, В. Ю. Православное понимание экономики / В. Ю. Катасонов. – Москва : Кислород, 2019. – 608 с. – ISBN: 978-5-901635-75-9.

109. Кеня, И. А. Благотворительность династии Мальцовых / И. А. Кеня // Крымский архив. – 2015. – № 4 (19). – С. 57–76.

110. Кеня, И. А. Вклад предпринимателей центральной России в социокультурное развитие южного берега Крыма во второй половине XIX – начале XX вв. / И. А. Кеня // Крымский архив. – 2018. – № 1 (28). – С. 47–60.

111. Кеня, И. А. Вклад российских предпринимателей в становление курортов южного берега Крыма в конце XIX – начала XX вв. / И. А. Кеня. – DOI 10.22281/2413-9912-2018-02-04-38-46 // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 38–46.

112. Кеня, И. А. Условия и особенности развития благотворительности в Крыму во второй половине XIX – н. XX вв. / И. А. Кеня, Л. Ю. Лупоядова // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 4 (34). – С. 73–83.

113. Керов, В. В. Староверческое предпринимательство и «последние времена» / В. В. Керов // Россия XXI век. – 1998. – № 11–12. – С. 128–151.

114. Кива, А. В. Духовность и преодоление кризиса / А. В. Кива // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 20–30.

115. Клементьев, Д. С. Исторические метаморфозы справедливости в процессах социального управления / Д. С. Клементьев // Государственное управление в XXI веке: повестка дня российской власти : материалы X Междунар. науч. конф. факультета государственного управления (Москва, 29–31 мая 2012 г.) : в 3 ч. – Москва : МГУ, 2013. – Ч. 3. – С. 5–14.

116. Коммонс, Дж. Р. Правовые основания капитализма / Дж. Р. Коммонс ; пер. с англ. под ред. М. Одинцовой. – Москва : ВШЭ, 2011. – 413 с. – ISBN 978-5-7598-0781-0.

117. Концепция развития туристско-рекреационного потенциала Крыма : монография / М. Ю. Лайко, Л. А. Попов, Т. А. Воронова [и др.]. – Москва : Onebook.ru, 2014. – 274 с. – ISBN 978-5-00077-154-9.

118. Корнаи, Я. Честность и доверие в переходной экономике / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 4–17.

119. Котлярова, С. Н. Формирование и развитие региональных институтов / С. Н. Котлярова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2014. – № 3 (27). – С. 99–109.

120. Кришталь, М. И. Идеологические предпочтения жителей Калининградской области в системе социально-политических отношений / М. И. Кришталь // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 4. – С. 584–599.

121. Куделина, О. В. Капитал здоровья и эффективность региональных систем здравоохранения: соответствия и противоречия / О. В. Куделина, М. А. Канева. – DOI 10.32687/0869-866X-2022-30-1-24-32 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 24–32.

122. Кудрявцев, Л. Д. Современное общество и нравственность / Л. Д. Кудрявцев. – Москва : Наука, 2000. – 63 с. – ISBN 5-02-008298-8.

123. Кузнецова, О. В. Экономическое развитие регионов : теоретические и практические аспекты государственного регулирования / О. В. Кузнецова. – 6-е изд. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 304 с. – ISBN 978-5-9710-1693-9.

124. Кузык, Б. Н. Духовный и культурный подъем нации – предтеча ее экономического подъема / Б. Н. Кузык // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние: научные записки и очерки / науч. ред. О. Т. Богомолов. – Москва : Ин-т экон. стратегий РАН, 2008. – С. 281–297.

125. Куклински, Э. Региональное развитие – начало поворотного этапа / Э. Куклински // Региональное развитие и сотрудничество. – 1997. – Нулевой выпуск. – С. 3–7.

126. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – Москва : Прогресс, 1975. – 288 с.

127. Курортно-рекреационное хозяйство Крыма: сезонность, занятость населения: информационный материал / сост. Б. Л. Финогеев, Г. Д. Боднер, Н. М. Булкина, С. М. Шишкина. – Симферополь : Укр. фил. НИИ труда, 1990. – 103 с.

128. Ламперт, Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь: пер. с нем. / Х. Ламперт. – Москва : Дело ЛТД, 1994. – 224 с.

129. Ласточкина, М. А. Жизненные ценности населения региона в социокультурном контексте / М. А. Ласточкина // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2015. – № 3. – С. 141–146.

130. Латов, Ю. В. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда / Ю. В. Латов, Н. В. Латова // Мир России. Социология. Этнология. – 2007. – Т. 16, № 4. – С. 43–72.

131. Латышева, А. А. Инновационные подходы к организации услуг санаторно-курортного туризма / А. А. Латышева, С. Л. Мозокина, Л. В. Хорева, А. В. Шраер // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 3 (135). – С. 82–88.

132. Лексин, В. Н. Муниципальная Россия: социально-экономическая ситуация, право, статистика : энцикл. справ. : в 5 т., 12 кн. / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. – Москва : URSS, 2000–2001. – ISBN 5-8360-0148-0.

133. Леонтьев В. В. Пора менять крупных воров на мелких лавочников // Комсомольская правда. – 1998. – № 226. – URL: <https://viperson.ru/articles/komsomolskaya-pravda-ot-02-12-1998> (дата обращения: 14.12.2022).

134. Лепихина, Т. Л. Курортное лечение как форма инвестирования в капитал здоровья / Т. Л. Лепихина, Ю. В. Карпович, М. С. Оборин // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2015. – № 4 (27). – С. 123–131.

135. Лихачев, Д. С. О национальном характере русских / Д. С. Лихачев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3–6.

136. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа / Н. О. Лосский. – Москва : Политиздат, 1991. – 368 с. – ISBN 5-250-01492-5.

137. Львов, Д. С. Нравственная экономика / Д. С. Львов // Свободная мысль. – 2004. – № 9. – С. 24–36.

138. Ляликова, А. В новом свете: кто впервые вошел в рейтинг Forbes богатейших бизнесменов / А. Ляликова. – URL: <https://www.forbes.ru/rating-photogallery/426925-v-novom-svete-kto-vpervye-voshel-v-reyting-forbes-bogateyshih-biznesmenov> (дата обращения: 15.02.2022).

139. Мальгин, А. В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX вв. / А. В. Мальгин. – 2-е изд. – Симферополь : Сонат, 2016. – 349 с. – ISBN 978-5-9905750-2-8.

140. Мартьянов, В. С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности / В. С. Мартьянов. – DOI 10.17835/2076-6297.2018.10.1.041-058 // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 41–58.

141. Маслаков, В. В. Модель региона-квазикорпорации / В. В. Маслаков, К. И. Зубков, В. Ю. Пленкин // Регион: экономика и социология. – 2000. – № 2. – С. 17–36.

142. Мезоэкономика: элементы новой парадигмы : монография / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер. – Москва : ИЭ РАН, 2020. – 392 с. – ISBN 978-5-9940-0661-0.

143. Мелега, В. Императорская фамилия в Крыму / В. Мелега // Русская старина. – 1916. – Т. 167. – С. 8.

144. Механизм управления экономическим потенциалом пространственной структуры региона : монография / А. В. Олифиров, Д. А. Мардар, Д. А. Хижак [и др.] ; под общ. ред. А. В. Олифирова. – Симферополь : Ариал, 2022. – 156 с. – ISBN 978-5-907506-81-7.

145. Механизмы формирования модели креативного пространственного развития экономики Республики Крым : монография / О. Г. Блажевич, Л. М. Борщ, А. С. Ванюшкин [и др.]. – Симферополь : ИП Корниенко, 2023. – 330 с. – ISBN 978-5-6046168-8-8.

146. Милль, Дж. С. О свободе : пер. с англ. / Дж. С. Милль. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : В. И. Губинский, 1906. – 237 с.
147. Милль, Дж. С. Утилитарианизм. О свободе : пер. с англ. / Дж. С. Милль. – Санкт-Петербург : Тип. А. М. Котомина. – 1882. – 387 с.
148. Минакир, П. А. Системные трансформации в экономике / П. А. Минакир. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2001. – 536 с. – ISBN 5-8044-0204-8.
149. Мироненко, Н. С. Рекреационная география / Н. С. Мироненко, И. Т. Твердохлебов. – Москва : МГУ, 1981. – 207 с.
150. Монбриаль, Т. де. Действие и система мира : пер. с фр. / Т. де Монбриаль. – Москва : МГИМО, РОССПЭН, 2005. – 483 с. – ISBN 5-8243-0742-3.
151. Морозов, В. А. Теория совместимости : монография : в 3 т. / В. А. Морозов. – Москва : Дашков и К°, 2021. – Т. 3: Духовная экономика и совместимость общества. – 557 с. – ISBN 978-5-394-04571-4.
152. Национальный туристический рейтинг – 2020. – URL: <http://russia-rating.ru/info/18797.html> (дата обращения: 20.12.2021).
153. Национальный туристический рейтинг – 2021. – URL: <https://rustur.ru/nacionalnyj-turisticheskij-rejting-2021> (дата обращения: 20.12.2021).
154. Некипелов, А. Д. Становление и функционирование экономических институтов / А. Д. Некипелов. – Москва : Экономистъ, 2006. – 328 с.
155. Нельсон, Р. Р. Эволюционная теория экономических изменений : пер. с англ. / Р. Р. Нельсон, С. Дж. Уинтер. – Москва : Дело, 2002. – 536 с. – ISBN 5-7866-0128-5.
156. Нехайчук, Д. В. Долгосрочные тренды развития Крыма: социально-экономический аспект : монография / Д. В. Нехайчук, В. И. Тарасов, В. В. Трофимова. – Симферополь : Крымский институт бизнеса, 2015. – 320 с. – ISBN 978-5-9907863-0-1.
157. Нехайчук, Д. В. Крымский вектор в управлении развитием территориями: от теории к практике : монография / Д. В. Нехайчук, В. И. Тарасов, В. В. Трофимова. – Симферополь : Крымский институт бизнеса, 2016. – 320 с. – ISBN 978-5-9907863-5-6.

158. Нижегородцев, Р. М. Прогнозирование показателей социально-экономического развития региона / Р. М. Нижегородцев, Е. И. Пискун, В. В. Кудревич // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, вып. 1. – С. 38–48.

159. Никитина, Л. М. Применение кластерного анализа для оценки развития цифровой экономики регионов России / Л. М. Никитина, В. А. Куркин. – DOI 10.22394/1997-4469-2020-50-3-28-38 // Регион: системы, экономика, управление. – 2020. – № 3 (50). – С. 28–38.

160. Никитина, М. Г. Территория и общественное развитие: когнитивный анализ в геоэкономическом контексте : монография / М. Г. Никитина, В. В. Побирченко, Е. А. Шутаева, Д. Б. Мираньков. – Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2018. – 262 с. – ISBN 978-5-9500122-9-7.

161. Никифорова, Л. Л. С. Э. Дуван как благотворитель гимназий / Л. Л. Никифорова // Вестник музея. Вып. 10. К 100-летию Евпаторийского краеведческого музея. – Симферополь : Полипринт, 2021. – 347 с.

162. Никифорова, М. П. Религиозный туризм в Крыму: современное состояние и перспективы развития / М. П. Никифорова, М. С. Мирненко // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 2 (58). – С. 636–641.

163. Новиков, Ю. Н. Модель анализа экономики Крыма в составе экономики России на основе национальных счетов / Ю. Н. Новиков. – Симферополь : ИП Хотеева Л. В., 2017. – 171 с. – ISBN 978-5-9909787-6-8.

164. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики : пер. с англ. / Д. Норт. – Москва : Начала, 1997. – 180 с.

165. Норт, Д. С. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. С. Норт // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 6–17.

166. Нуреев, Р. М. Этические факторы повышения социального капитала в России / Р. М. Нуреев, О. В. Нифаева. – DOI 10.17835/2078-5429.2016.7.2.020-037 // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 20–37.

167. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : федер. закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ.

168. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2020 г. № 473-ФЗ.

169. О мерах по превращению Крыма во всероссийскую здравницу // Ревкомы Крыма : сб. докладов и материалов. – Симферополь : Крым, 1968. – С. 81–82.

170. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя : федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ.

171. О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах : федер. закон от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ (ред. от 26 мая 2021 г.).

172. О прожиточном минимуме в Российской Федерации : федер. закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ.

173. О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 г. (в ред. Законов Республики Крым от 30.05.2018 № 502-ЗРК/2018) : закон Республики Крым от 9 января 2017 г. № 352-ЗРК/2017.

174. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68.

175. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» : постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640.

176. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма»: постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2439 (ред. от 15 апреля 2023 г.).

177. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809.

178. Оборин, М. С. Организационно-экономические основы адаптации туризма к кризисным условиям / М. С. Оборин, А. А. Сарян. – DOI 10.24412/1995-

042X-2021-4-110-125 // Сервис в России и за рубежом. – 2021. – Т. 15, № 4 (96). – С. 110–125.

179. Оборин, М. С. Развитие самостоятельного туризма как актуальная тенденция спроса / М. С. Оборин. – DOI 10.24412/2413-693X-2022-1-15-24 // Сервис plus. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 15–24.

180. Оборин, М. С. Состояние и перспективы развития лечебного и спортивно-оздоровительного туризма в России / М. С. Оборин. – DOI 10.18413/2408-9346-2022-8-2-0-6 // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 57–65.

181. Огудин, В. Л. К вопросу о «религиозном туризме» / В. Л. Огудин // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России : материалы I Всерос. с междунар. участием науч. конф. (Алушта, 26–27 апреля 2018 г.). – Алушта : Ариал, 2018. – С. 22–28.

182. Окунев, И. Ю. Основы пространственного анализа : монография / И. Ю. Окунев. – Москва : Аспект Пресс, 2020. – 253 с. – ISBN 978-5-7567-1062-5

183. Олейников, А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства / А. А. Олейников ; отв. ред. О. А. Платонов. – 2-е изд. – Москва : Ин-т русской цивилизации, 2011. – 1136 с. – ISBN 978-5-902725-60-2.

184. Осипов, Ю. М. Время философии хозяйства : монография : в 3 кн. / Ю. М. Осипов. – Москва : Экономистъ, 2003. – Кн. 1. – 656 с. – ISBN 5-98118-023-4.

185. Павленко, О. Б. Различия в ценностях, показателях социального капитала и экономических установках между жителями регионов России / О. Б. Павленко // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 1 (56). – С. 120–121.

186. Петросян, Д. С. Социальная справедливость в экономических отношениях: институциональные аспекты / Д. С. Петросян. – DOI 10.32609/0042-8736-2007-2-59-67 // Вопросы экономики. – 2007. – № 2. – С. 59–67.

187. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / Платон ; пер. с древнегреч. под общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.]. – Москва : Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с. – ISBN 5-244-00385-2.

188. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / Платон ; пер. с древнегреч. под общ. ред. А. Ф. Loseva [и др.]. – Москва : Мысль, 1994. – Т. 4. – 830 с. – ISBN 5-244-00385-2.

189. Полякова, Н. Л. Теории социального неравенства в социологии XX в. Трансформация классики / Н. Л. Полякова // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2014. – № 4. – С. 19–43.

190. Попов, А. Д. Всесоюзная здравница: история туризма и курортного дела Крыма в 1920–1980-е годы / А. Д. Попов. – Симферополь : Антиква, 2019. – 272 с. – ISBN 978-5-6043477-0-6.

191. Попов, Е. В. Институты / Е. В. Попов ; отв. ред. А. Д. Некипелов. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2015. – 712 с. – ISBN 978-5-94646-515-1.

192. Попов, Е. В. Неформальная институциональная среда социального предпринимательства / Е. В. Попов, А. Ю. Веретенникова, И. В. Наумов, К. М. Козинская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 217–234.

193. Посошков, И. Т. Книга о скудости и богатстве / И. Т. Посошков. – Москва : Наука, 2003. – 253 с. – ISBN 5-02-006266-9.

194. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века / В. Н. Захаров, А. К. Сорокин, В. И. Бовыкин [и др.] ; под ред. А. К. Сорокина. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 351 с. – ISBN 5-86004-057-1.

195. Пыжиков, А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 1917 г. / А. В. Пыжиков. – Москва : Концептуал, 2019. – 528 с. – ISBN 978-5-907079-00-7.

196. Раздел 2. Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 12.03.2023).

197. Рахмеева, И. И. Теоретико-методологические основы исследования региональной регуляторной среды в условиях новой реальности : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Рахмеева Ирина Игоревна. – Екатеринбург, 2021. – 465 с.

198. Регион в новой парадигме пространственной организации России / Г. А. Агарков, Р. И. Акбюлов, Е. Л. Андреева [и др.] ; под ред. А. И. Татаркина. – Москва : Экономика, 2007. – 751 с. – ISBN 978-5-282-02739-6. – EDN VTXIML.

199. Региональная экономика Крыма: точки роста : монография / Л. М. Борщ, С. Ю. Цёхла, Н. А. Симченко [и др.]. – Симферополь : Антиква, 2017. – 284 с. – ISBN 978-5-9909796-3-5. – EDN ZIRXKB.

200. Регионы Республики Крым за 2013 г. : стат. сб. / Крымстат. – Симферополь, 2014. – 380 с.

201. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2016 : стат. сб. / Росстат. – Москва, 2016. – 1048 с.

202. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2021 : стат. сб. / Росстат. – Москва, 2021. – 1112 с.

203. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2022 : стат. сб. / Росстат. – Москва, 2022. – 1055 с.

204. Республика Крым в цифрах. 2021 : крат. стат. сб. / Крымстат. – Симферополь, 2022. – 202 с.

205. Роговин, В. З. Справедливость как социально-философская и социально-экономическая категория / В. З. Роговин // Социальная справедливость и пути ее реализации в социальной политике. – Москва : Ин-т социол. исслед. АН СССР, 1982. – С. 8–94.

206. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз ; пер. с англ. под науч. ред. В. В. Целищева. – 3-е изд. – Москва : УРСС, 2017. – 536 с. – ISBN 978-5-453-00137-8.

207. Румянцева, Е. Е. Нравственные законы экономики / Е. Е. Румянцева. – Москва : ИНФРА-М, 2010. – 96 с. – ISBN 978-5-16-003695-3.

208. Рябова, Е. Л. Исторический туризм – соединения путешествия в пространстве и времени / Е. Л. Рябова, Л. О. Терновая // Альманах Крым. – 2020. – № 22. – С. 11–21.

209. Рябова, Л. А. Регион как социум – участник глобализации: о выборе парадигмы региона при формировании собственной политики развития субъектами

РФ / Л. А. Рябова // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2010. – № 2 (26). – С. 35–42.

210. Савельева, Н. А. Исследование состояния и развития медицинского туризма в России в целях совершенствования управления продвижением услуг / Н. А. Савельева, Е. О. Сафина, В. В. Рокотянская // Естественно-гуманитарные исследования. – 2022. – № 41 (3). – С. 237–245.

211. Савельева, Н. А. Лечебно-оздоровительный туризм: вопросы терминологии / Н. А. Савельева, Р. В. Колесников, Т. В. Шмелева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 7 (122). – С. 7–14.

212. Савельева, Н. А. Экономические предпосылки развития медицинского туризма на Юге России / Н. А. Савельева, Т. В. Шмелева, С. И. Топоров // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 10 (125). – С. 32–38.

213. Савченко, П. В. Уровень и качество жизни: понятия, индикаторы, современное состояние в России / П. В. Савченко, М. Н. Федорова, Е. Ю. Шелкова // Российский экономический журнал. – 2000. – № 7. – С. 66–73.

214. Сапрыка, В. А. Ценности населения приграничных регионов в процессе трансформации цивилизационных фронтов / В. А. Сапрыка // Социология религии в обществе позднего модерна. – 2021. – № 10. – С. 264–269.

215. Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – 2004. – № 4. – С. 8–12.

216. Селиванов, В. В. Исследование возможностей рекреационных ресурсов Республики Крым для развития инновационных направлений туристской и экскурсионной деятельности : монография / В. В. Селиванов. – Ялта : РИО гуманитарно-педагогическая академия, 2020. – 252 с. – ISBN 978-5-6044840-9-8.

217. Сен, А. Об этике и экономике : пер. с англ. / А. Сен. – Москва : Наука, 1996. – 160 с. – ISBN 5-02-0122297-1.

218. Сердюков, С. Д. Информационное обеспечение и продвижение туристской дестинации в условиях цифровой трансформации / С. Д. Сердюков, Н. К. Сер-

дюкова, Г. М. Романова. – Москва : Первое экономическое издательство, 2022. – 172 с. – ISBN 978-5-91292-428-6.

219. Силин, Я. П. Эволюция парадигмы региональной экономики / Я. П. Силин, Е. Г. Анимица // *Journal of new economy*. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 5–28.

220. Симченко, Н. А. Ретроспективы экономических экспериментов в Крыму: уроки и успехи : монография / Н. А. Симченко, С. Ю. Цёхла. – Симферополь : Ариал, 2016. – 232 с. – ISBN 978-5-906877-26-0.

221. Симченко, Н. А. Экосистемная модель медико-рекреационного развития Республики Крым / Н. А. Симченко, А. А. Яновская, С. Ю. Цёхла. – DOI 10.15688/ek.jvolsu.2021.1.6 // *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 77–86. – EDN FEMMJZ.

222. Скотаренко, О. В. Новые методы оценки уровня социально-экономического развития регионов России / О. В. Скотаренко // *Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета*. – 2012. – Т. 15, № 1. – С. 220–229.

223. Скульмовская, Л. Г. Регион как источник разнонаправленного развития социальных общностей / Л. Г. Скульмовская // *Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. – 2005. – № 34. – С. 127–137.

224. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (дата обращения: 12.03.2022).

225. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I–III) : пер. с англ. / А. Смит. – Москва : Наука, 1993. – 572 с.

226. Смит, А. Теория нравственных чувств / А. Смит. – Москва : Республика, 1997. – 351 с. – ISBN 5-250-02564-1.

227. Соболева, Е. В. Мусульманські святині Криму: походження та складові культу поклоніння = Мусульманские святыни Крыма: происхождение и составляющие культа почитания / Е. В. Соболева // *Краєзнавство*. – 2012. – № 3. – С. 33–41.

228. Соболева, С. Ю. Кластерный подход к формированию зон лечебно-оздоровительного туризма / С. Ю. Соболева, А. В. Соболев // Волгоградский научно-медицинский журнал. – 2018. – № 1 (57). – С. 7–10.
229. Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии / коммент. Г. В. Абрамовича [и др.]. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 448 с.
230. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – Москва : Изд-во полит. лит., 1992. – 543 с. – ISBN 5-250-01297-3.
231. Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России : монография / Р. М. Нуреев, К. Н. Костюк, Г. Г. Попов [и др.]. – Москва : ВШЭ, 2007. – 325 с.
232. Социокультурная трансформация регионального развития Крыма : монография / Д. А. Вольхин, И. Н. Воронин, С. А. Гуров [и др.]. – Симферополь : Ариал, 2022. – 218 с. – ISBN 978-5-907587-56-4.
233. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ / А. А. Аузан, М. А. Авдиенкова, Д. А. Андреева [и др.]. – Москва : ЦСР, 2017. – 189 с.
234. Социологи РАН выяснили, почему многие россияне становятся бедными // Российская газета. – 2013. – 20 июня. – URL: <https://rg.ru/2013/06/21/bednost.html> (дата обращения: 18.01.2023).
235. Спенсер, Г. Справедливость / Г. Спенсер ; пер. с англ. под ред. М. Филиппова. – Санкт-Петербург : Тип. А. А. Пороховщикова, 1897. – 242 с.
236. Стадвелл, Д. Азиатская модель управления: удачи и провалы самого динамичного региона в мире : пер. с англ. / Д. Стадвелл. – Москва : Альпина Паблшер, 2019. – 536 с. – ISBN 978-5-9614-6128-2.
237. Статистический ежегодник. Республика Крым. 2020 : стат. сб. / Крым-стат. – Симферополь, 2021. – 383 с.
238. Статистическое исследование туристской отрасли в Республике Крым : монография / Е. А. Егорова, О. В. Кучмаева, О. Л. Петяркова [и др.]. – Москва : Русайнс, 2015. – 316 с. – ISBN 978-5-4365-0600-5.

239. Статистичний щорічник АР Крим за 2010 рік / Головне управління статистики в АР Крим. – Сімферополь, 2011. – 158 с.
240. Стожко, К. П. Принципы экономического гуманизма. Опыт русской истории : монография / К. П. Стожко. – Екатеринбург : Изд-во УГППУ, 1996. – 377 с.
241. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утверждена указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.
242. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. : утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.
243. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. : утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р.
244. Субетто, А. И. Ноосферная Россия: стратегия прорыва (основания ноосферного россиеведения) : монография / А. И. Субетто ; под науч. ред. В. В. Лукьянова. – Санкт-Петербург : Астерион, 2018. – 345 с. – ISBN 978-5-00045-611-8.
245. Сурнина, Н. М. Теоретико-методологические и практические аспекты исследования пространственных инфраструктурных систем региона / Н. М. Сурнина, Е. А. Шишкина. – DOI 10.18334/errp.12.10.116378 // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 10. – С. 2701–2724.
246. Суспицын, С. А. Методы и модели координации долгосрочных решений в системе «национальная экономика – регионы» : монография / С. А. Суспицын ; под ред. В. В. Кулешова. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2017. – 295 с. – ISBN 978-5-89665-314-1.
247. Сухарев, О. С. Институты и экономическое развитие / О. С. Сухарев. – Москва : Дека, 2005. – 378 с. – ISBN 5-902464-01-3.
248. Сухарев, О. С. Промышленный рост и технологическая перспектива / О. С. Сухарев. – DOI 10.29141/2658-5081-2022-23-1-1 // Journal of new economy. – 2022. – Т. 23, № 1. – С. 6–23.
249. Сухих, В. А. Социэкономика региона: методология исследования, тенденции развития и механизмы регулирования : монография / В. А. Сухих. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 2008. – 264 с. – ISBN 978-5-7944-1228-4.

250. Талер, Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать : пер. с англ. / Р. Талер. – Москва : Эксмо, 2017. – 368 с. – ISBN 978-5-04-162903-8.

251. Тамбовцев, В. Л. Возникновение институтов: методолого-индивидуалистический подход / В. Л. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 2010. – № 11. – С. 83–96.

252. Тамбовцев, В. Л. О разнообразии форм описания институтов / В. Л. Тамбовцев // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 107–118.

253. Тамбовцев, В. Л. Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа / В. Л. Тамбовцев. – DOI 10.17835/2076-6297.2019.11.3.104-118 // Journal of institutional studies. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 104–118.

254. Тамбовцев, В. Л. Экономическая теория неформальных институтов : монография / В. Л. Тамбовцев. – Москва : Проспект, 2016. – 176 с. – ISBN 978-5-392-20645-2.

255. Татаркин, А. И. Формирование парадигмальной теории региональной экономики / А. И. Татаркин, Е. Г. Анимица // Экономика региона. – 2012. – № 3 (31). – С. 11–21.

256. Тевено, Л. Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? / Л. Тевено // Экономическая социология. – 2001. – Т. 2, № 1. – С. 88–122.

257. Терновая, Л. О. Гений места Крыма: единство геоэтики и геополитики : монография / Л. О. Терновая. – Москва : Город XXI век, 2017. – 224 с. – ISBN 978-5-907021-12-9.

258. Тросби, Д. Экономика и культура : пер. с англ. / Д. Тросби. – 2-е изд. – Москва : ВШЭ, 2018. – 256 с. – ISBN 978-5-7598-1524-2.

259. Туристско-реакционный ресурсный потенциал Республики Крым и г. Севастополь / Г. Н. Амеличев, Л. А. Багрова, Б. А. Вахрушев [и др.] ; под ред. И. М. Яковенко. – Симферополь : Ареал, 2015. – 408 с. – ISBN 978-5-906813-75-6.

260. Туровский, Р. Ф. Культурные ландшафты России / Р. Ф. Туровский. – Москва : Рос. НИИ культ. и природ. наследия, 1998. – 208 с. – ISBN 5-86443-039-0.

261. Управление рекреациями в цифровой экономике : монография / Н. В. Апатова, К. В. Авдеева, Л. Н. Акинина и др. ; под науч. ред. Н. В. Апатовой. – Симферополь : ИП Зуева Т. В., 2018. – 334 с. – ISBN 978-5-6040876-4-0.

262. Управление устойчивым развитием индустрии туризма и гостеприимства в цифровой среде : монография / А. И. Карлова, Е. В. Плугарь, Е. А. Полищук [и др.] ; под общ. ред. С. Ю. Цёхла, Е. А. Полищук. – Симферополь : Ариал, 2023. – 248 с. – ISBN 978-5-907656-52-9.

263. Устойчивое развитие промышленности в условиях цифровой поляризации : монография / Н. А. Симченко, Р. Р. Тимиргалеева, С. Ю. Цёхла [и др.]. – Севастополь : Филиал МГУ в г. Севастополе, 2022. – 242 с. – ISBN 978-5-907330-91-7.

264. Устойчивый Крым. План действий : научные труды КИПКС. – Киев–Симферополь : Сонат, 1999. – 400 с.

265. Федоренко, Н. П. Гуманистическая экономика / Н. П. Федоренко. – Москва : Экономика, 2006. – 188 с. – ISBN 5-282-02519-1.

266. Фомичева, Т. В. Ценность работы для современных россиян (по результатам кросскультурных исследований) / Т. В. Фомичева. – DOI 10.19181/lspr.2022.18.1.11 // Уровень жизни населения регионов России. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 136–141.

267. Форсайт санаторно-курортной и туристской сферы : сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф. (Анапа, 14 декабря 2022 г.). – Краснодар : Новация, 2022. – 316 с.

268. Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели и создание благосостояния / Ф. Фукуяма // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва : Academia, 1999. – С. 123–162.

269. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ, 2004. – 730 с. – ISBN 5-17-024084-8.

270. Фукуяма, Ф. Социальный капитал / Ф. Фукуяма // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / пер. с англ. под ред. Л. Харрисона [и др.]. – Москва : МШПИ, 2002. – С. 129–148.

271. Хайек, Ф. А. фон. Познание, конкуренция и свобода: антология сочинений / Ф. А. фон Хайек. – Санкт-Петербург : Пневма, 1999. – 288 с. – ISBN 5-901151-03-8.

272. Хайек, Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. фон Хайек. – Москва : ИРИСЭН ; Челябинск : Социум, 2016. – 644 с. – ISBN 978-5-91066-063-6.

273. Ходжсон, Дж. Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической теории : пер. с англ. / Дж. Ходжсон. – Москва : Дело, 2003. – 464 с. – ISBN 5-7749-0307-9.

274. Целоева, Д. М. Духовно-нравственные ценности студенческой молодежи в Северо-Кавказском регионе / Д. М. Целоева, Е. А. Местоева // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 4 (89). – С. 155–156.

275. Цепилова, Е. С. Особые экономические зоны туристско-рекреационного типа и туристско-рекреационные кластеры как инструменты развития туризма / Е. С. Цепилова // Финансовые исследования. – 2021. – № 3 (72). – С. 80–91.

276. Цепилова, Е. С. Развитие экологического туризма в России: концептуальные характеристики и потенциал развития / Е. С. Цепилова, Н. Д. Родионова // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – № 2. – С. 110–128.

277. Цёхла, С. Ю. Повышение инвестиционной привлекательности сферы туризма и рекреации: реализация концессионных соглашений в Крыму / С. Ю. Цёхла, Н. А. Березина // Инновационные решения финансовых, социальных, технологических проблем цифрового общества : монография / под общ. ред. Н. В. Парушиной. – Орел : ОрелГУЭТ, 2021. – С. 91–111.

278. Цёхла, С. Ю. Продвижение республики крым как дестинации на рынке туристских услуг : монография / С. Ю. Цёхла, И. Г. Павленко, Э. У. Османова. – Симферополь : Ариал, 2018. – 252 с. – ISBN 978-5-907118-60-7.

279. Цёхла, С. Ю. Стратегическое планирование развития предпринимательской деятельности в рекреационной сфере Республики Крым : монография / С. Ю. Цёхла, И. Г. Павленко, И. А. Букреев. – Орел : ОрелГУЭТ, 2020. – 183 с. – ISBN 978-5-98498-320-4.

280. Цёхла, С. Ю. Трансформация рекреационной деятельности и развитие региональных рынков курортно-рекреационных услуг (методология, анализ и пути совершенствования) / С. Ю. Цёхла. – Симферополь : Таврия, 2008. – 352 с.

281. Цёхла, С. Ю. Трудовые подвиги в экономическом развитии Крыма / С. Ю. Цёхла, Н. А. Симченко, А. Т. Потеев. – Симферополь : Ариал, 2020. – 202 с. – ISBN 978-5-907310-91-9.

282. Цифровая экономика: развитие территорий и отраслей : монография / под науч. ред. Н. В. Апатовой. – Симферополь : ИП Зуева Т. В., 2018. – 242 с. – ISBN 978-5-6040876-6-4.

283. Шабанова, М. А. Социэкономика / М. А. Шабанова. – Москва : Экономика, 2012. – 559 с. – ISBN 978-5-282-03235-2.

284. Шабанова, М. А. Социэкономика и современность: о пользе и рисках экспансии экономического подхода / М. А. Шабанова // Общественные науки и современность. – 2010. – № 4. – С. 100–115.

285. Шарапов, С. Ф. Бедность и богатство. Православная этика предпринимательства / С. Ф. Шарапов, М. А. Улыбышева. – Москва : Ковчег, 2011. – 320 с. – ISBN 5-98317-219-1.

286. Шарапов, С. Ф. Бумажный рубль (его теория и практика) / С. Ф. Шарапов. – Санкт-Петербург : Обществ. польза, 1895. – 156 с.

287. Шарафутдинов, В. Н. О «новых» стратегических ориентирах развития туризма в России на период до 2035 г. / В. Н. Шарафутдинов, Е. В. Онищенко // Туризм: право и экономика. – 2022. – № 4. – С. 26–29.

288. Шахов, М. О. Старообрядчество, общество, государство / М. О. Шахов. – Москва : СИМС, 1998. – 208 с.

289. Шваб, К. Четвертая промышленная революция = The fourth industrial revolution : пер. с англ. / К. Шваб. – Москва : Эксмо, 2018. – 288 с. – ISBN 978-5-699-98379-7.

290. Шимановский, Д. В. Анализ взаимосвязей между ценностями экономических агентов в контексте устойчивого развития регионов / Д. В. Шимановский, М. А. Курганов, Е. А. Третьякова. – DOI 10.14529/em210106 // Вестник Южно-

Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 57–68.

291. Шкаратан, О. И. Социология неравенства. Теория и реальность / О. И. Шкаратан. – Москва : ВШЭ, 2012. – 526 с. – ISBN 978-5-7598-0913-5.

292. Шляхторов, А. Г. Без Крыма России не быть! «Место силы» всей Русской Земли / А. Г. Шляхторов. – Москва : Эксмо : Яуза, 2017. – 256 с. – ISBN 978-5-699-93105-7.

293. Шмоллер, Г. Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда : пер. с нем. / Г. Шмоллер. – 2-е изд. – Москва : Либроком, 2012. – 224 с. – ISBN 978-5-397-02780-9.

294. Шпенглер, О. Закат Европы : в 2 т. : пер. с нем. / О. Шпенглер. – Москва : Мысль, 1998. – Т. 2. – 606 с. – ISBN 5-244-00656-8.

295. Шумпетер, Й. А. История экономического анализа / Й. А. Шумпетер // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли, вып. 1. – Москва : Экономика, 1989. – 383 с.

296. Эрхард, Л. Благосостояние для всех : пер. с нем. / Л. Эрхард. – Москва : Начала-Пресс, 1991. – 335 с.

297. Южаков, В. Н. Клиентоцентричность государственного контроля: оценка граждан / В. Н. Южаков, Е. И. Добролюбова, А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская. – DOI 10.17323/1999-5431-2022-0-3-38-60 // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – № 3. – С. 38–60.

298. Юнус, М. Мир трех нулей. Как справиться с нищетой, безработицей и загрязнением окружающей среды : пер. с англ. / М. Юнус. – Москва : Альпина Паблишер, 2019. – 275 с. – ISBN 978-5-9614-2154-5.

299. 200 богатейших бизнесменов России – 2021. Рейтинг Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/rating/426935-200-bogateyshih-biznesmenov-rossii-2021-reyting-forbes> (дата обращения: 15.02.2022).

300. Abolafia, M. Y. Markets as cultures: an ethnographic approach / M. Y. Abolafia // The laws of markets / ed. by M. Callon. – Oxford : Blackwell, 1998. – P. 69–85.

301. Agartan, K. Globalization and the question of social justice / K. Agartan. – DOI 10.1111/soc4.12162 // *Sociology compass*. – 2014. – Vol. 8, no. 6. – P. 903–915.
302. Algan, Y. Inherited trust and growth / Y. Algan, P. Cahuc. – DOI 10.1257/aer.100.5.2060 // *American economic review*. – 2010. – Vol. 100, no. 5. – P. 2060–2092.
303. Arrow, K. J. Gifts and exchanges / K. J. Arrow // *Philosophy and public affairs*. – 1974. – Vol. 1, no. 4. – P. 343–362.
304. Arrow, K. J. Rationality of self and others in an economic system / K. J. Arrow // *Rational choice: the contrast between economics and psychology* / ed. by R. M. Hogarth, M. W. Reder. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – P. 201–216.
305. Bannister, F. ICT, public values and transformative government: a framework and programme for research / F. Bannister, R. Connolly // *Government information quarterly*. – 2014. – Vol. 31, no. 1. – P. 119–128.
306. Barry, B. Justice as impartiality / B. Barry. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – 336 p.
307. Barry, B. Political argument / B. Barry. – London : Routledge and Kegan Paul, 1965. – 394 p.
308. Becker, G. S. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education / G. S. Becker. – Chicago : University of Chicago Press, 1993. – 412 p.
309. Bentham, J. An introduction to the principles of morals and legislation / J. Bentham. – New York : Hafner, 1948. – 378 p.
310. Black, D. The theory of committees and elections / D. Black. – Cambridge : Cambridge University Press, 1958. – 242 p.
311. Cooter, R. Law and economics / R. Cooter, T. Ulen. – 6th edition. – New York : Prentice Hall, 2011. – 576 p.
312. Costanza, R. Beyond GDP: the need for new measures of progress / R. Costanza, M. Hart, S. Posner, J. Talberth. – Boston : Pardee Center for the Study of the Longer-Range Future, 2009. – No. 4. – 37 p.

313. Daly, H. E. For the common good: redirecting the economy toward community, the environment, and a sustainable future / H. E. Daly, J. B. Cobb. – Boston : Beacon Press, 1989. – 482 p. – ISBN 0-8070-3702-3.
314. Etzioni, A. The moral dimension: toward a new economics / A. Etzioni. – New York : Free Press ; London : Collier Macmillan, 1988. – 300 p.
315. Etzioni, A. Toward a new socio-economic paradigm / A. Etzioni // *Socio-economic review*. – 2003. – No. 1. – P. 105–118.
316. Fagerberg, J. Technology and International differences in growth rates / J. Fagerberg // *Journal of economic literature*. – 1994. – Vol. 32, no. 3. – P. 1147–1175.
317. Fleischacker, S. A Short history of distributive justice / S. Fleischacker. – Cambridge–London : Harvard University Press. – 2004. – 190 p.
318. Friedman, M. The methodology of positive economics / M. Friedman // *Essays in positive economics*. – Chicago : The University of Chicago Press, 1953. – P. 3–43.
319. Fujita, M. The new economic geography: past, present and the future / M. Fujita, P. Krugman // *Papers in Regional Science*. – 2004. – Vol. 83, no. 1. – P. 139–164.
320. Fujita, M. The spatial economy: cities, regions, and international trade / M. Fujita, P. R. Krugman, A. J. Venables. – Boston : MIT Press, 2001. – 382 p. – ISBN 978-0-2625-6147-1.
321. Fukuyama, F. Trust: the social virtues and the creation of prosperity / F. Fukuyama. – New York : The Free Press, 1995. – 457 p.
322. Gauthier, D. P. Practical reasoning / D. P. Gauthier. – Oxford : Oxford University Press, 1963. – 210 p.
323. Granberg, A. Equilibrium, kernel, integration in the multiregional system under liberalization of external trade / A. Granberg, V. Suslov, L. Melnikova // *38th European Regional Science Association Congress*. – Vienna, 1998. – 26 p.
324. Grossman, M. On the concept of health capital and the demand for health / M. Grossman // *Journal of political economy*. – 1972. – Vol. 80, no. 2. – P. 223–255.
325. Grossman, M. The demand for health: a theoretical and empirical investigation / M. Grossman. – New York : National Bureau of Economic Research, 1972. – 115 p. – ISBN 0-87014-248-8.

326. Hart, H. L. A. The concept of law / H. L. A. Hart. – Oxford : The Clarendon Press, 1961. – 263 p.

327. Hayami, Y. Toward an East Asian model of economic development / Y. Hayami // The institutional foundations of East Asian economic development. – London : Macmillan, 1998. – P. 14–17.

328. Human development report 1990: concept and measurement of human development. – New York : United Nations Development Programme, 1990. – 189 p.

329. Human Development Report 1994. – URL: <https://www.undp.org/publications/human-development-report-1994> (дата обращения: 14.12.2022)

330. Inglehart – Welzel Cultural Map. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp?CMSID=Findings&CMSID=Findings> (дата обращения: 15.03.2023).

331. Jackson, B. The conceptual history of social justice / B. Jackson. – DOI 10.1111/j.1478-9299.2005.00028.x // Political studies review. – 2005. – Vol. 3. – P. 356–373.

332. Kaufmann, D. The worldwide governance indicators: methodology and analytical issues / D. Kaufmann, A. Kraay, M. Mastruzzi. – Washington: World bank, 2010. – (World bank policy research Working paper, – no. 5430).

333. Keynes, J. M. The dilemma of modern socialism / J. M. Keynes // The political quarterly. – 1932. – Vol. 3, iss. 2. – P. 155–161.

334. Kitching, G. N. Seeking social justice through globalization: escaping a nationalist perspective / G. N. Kitching // University park, pa: Pennsylvania state university press. – 2001. – P. 3–10.

335. Krugman, P. First nature, second nature, and metropolitan location / P. Krugman. – DOI 10.1111/j.1467-9787.1993.tb00217.x // Journal of regional science. – 1993. – Vol. 33, no. 2. – P. 129–144.

336. Larenz, K. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts / K. Larenz, M. Wolf. – München : C. H. Beck Verlag, 2004. – 984 S.

337. Lemennicier, B. La morale face à l'économie / B. Lemennicier. – Paris : Editions d'Organisation, 2005. – 287 p.

338. Lucas, J. R. *The principles of politics* / J. R. Lucas. – Oxford : The Clarendon Press, 1966. – 380 p.
339. Mill, J. S. *On Liberty* / J. S. Mill. – London : J. W. Parker and son, 1859. – 207 p.
340. Mill, J. S. *Principles of political economy, 1848* / J. S. Mill ; ed. by W. J. Ashley. – New York : Kelly, 1965. – 730 p.
341. Moreau de Bellaing, L. *L'éthique et la morale dans le politique* / L. Moreau de Bellaing. – DOI 10.4000/jda.4486 // *Journal des anthropologues*. – 2014. – No. 136–137. – P. 61–79.
342. Nelson, R. *Recent evolutionary theorizing about economic change* / R. Nelson // *Journal of economic literature*. – 1995. – Vol. 33. – P. 48–90.
343. North, D. C. *Institutions, institutional change and economic performance* / D. C. North. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 153 p.
344. North, D. C. *Structure and change in economic history* / D. C. North. – New York : Norton, 1981. – 240 p.
345. Ozawa, T. *Exploring the Asian economic miracle: politics, economics, society, culture, and history – a review article* / T. Ozawa // *Journal of Asian studies*. – 1994. – Vol. 53. – P. 124–131.
346. Rawls, J. *A theory of justice. Revised edition* / J. Rawls. – Harvard : Belknap Press of Harvard University Press, 1999. – 538 p. – ISBN 0-674-00078-1.
347. *Regional development in Russia: past policies and future prospects* / ed. by H. Westlund, A. Granberg, F. Snickars. – Cheltenham ; Northampton : Edward Elgar, 2000. – 232 p.
348. Robbins, L. *Essai sur la nature et la signification de la science économique* / L. Robbins. – Paris : Librairie Médicis, 1947. – P. 143–144.
349. Rokeach, M. *The nature of human values* / M. Rokeach. – New York : The Free Press, 1973. – 456 p.
350. Sen, A. K. *Development as capability expansion* / A. K. Sen // *Journal of development planning*. – 1989. – No. 19. – P. 41–58.

351. Smith, A. Lectures on justice, police, revenue and arms / A. Smith. – Oxford : Clarendon Press, 1896. – 293 p.

352. Social justice in an open world: the role of the United Nations. The international forum for social development. – New York : United Nations, 2006. – 146 p. – ISBN 92-1-130249-8.

353. Solow, R. M. On the intergenerational allocation of natural resources / R. M. Solow // The Scandinavian journal of economics. – 1986. – Vol. 88, no. 1. – P. 141–149.

354. Technical change and economic theory / ed. by G. Dosi, C. Freeman, R. Nelson, G. Silverberg, L. Soete. – London : Francis Pinter, 1988. – 656 p.

355. The economics of growth and technical change: technologies, nations, agents / ed. by G. Silverberg, L. L. G. Soete. – Aldershot : Edward Elgar, 1994. – 343 p. – ISBN 9-781-8527-8958-9

356. The inclusive development index 2018: summary and data highlights. – Geneva : World Economic Forum, 2018. – 25 p.

357. Veblen, T. The instinct of workmanship and the state of the industrial arts / T. Veblen. – New York : Routledge, 1990. – 408 p.

358. Veblen, T. The place of science in modern civilisation and other essays / T. Veblen. – New York : B. W. Huebsch, 1919. – 509 p.

359. Ward, J. H., Jr. Hierarchical grouping to optimize an objective function / J. H. Ward, Jr. // Journal of the American statistical association. – 1963. – Vol. 58, no. 301. – P. 236–244.

360. Weber, M. Russland Übergang zum Scheinkonstitutionalismus / M. Weber // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. – 1907. – Bd. XXIII, H. 1. – S. 165–401.

361. Weber, M. The protestant ethic and the spirit of capitalism (1905) / M. Weber. – London–Boston : Unwin Hyman, 1930. – 292 p.

362. Weber, M. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland / M. Weber // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. – 1906. – Bd. XXII, H. 1. – S. 234–353.

363. World day of social justice, 20 February / United Nations. – URL: <https://www.un.org/en/observances/social-justice-day> (дата обращения: 18.12.2022).

364. World development report 1991. – New York : Oxford University Press, 1991. – 290 p.

365. World development report 2009: reshaping economic geography. – Washington : World Bank, 2009. – 208 p.

366. Zemtsov, S. Determinants of regional innovation in Russia: are people or capital more important? / S. Zemtsov, A. Muradov, I. Wade, V. Barinova. – DOI 10.17323/1995-459X.2016.2.29.42 // Foresight and STI governance. – 2016. – Vol. 10, no. 2. – P. 29–42.

Публикации по теме диссертации

367. Анимица, Е. Г. Ориентация на социальную справедливость – необходимый фактор развития российской экономики / Е. Г. Анимица, К. В. Чернышев. – DOI 10.17238/issn1998-5320.2022.16.2.19 // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 175–188. – EDN ТВУРIV.

368. Кочкина, Е. М. Республика Крым в координатах духовно-нравственных индикаторов / Е. М. Кочкина, К. В. Чернышев // Глобальный научный потенциал. – 2022. – № 12 (141). – С. 269–274. – EDN OUUSBP.

369. Рахмеева, И. И. Духовно-нравственная парадигма: согласование принципов эффективности и справедливости при принятии регуляторных решений / И. И. Рахмеева, К. В. Чернышев. – DOI 10.29141/2658-5081-2022-23-4-7 // Journal of new economy. – 2022. – Т. 23, № 4. – С. 137–152. – EDN TPWBRH.

370. Чернышев, К. В. Количественный анализ духовно-нравственных индикаторов уровня социально-экономического развития региона / К. В. Чернышев, И. И. Рахмеева. – DOI 10.55186/2413046X_2023_8_5_242 // Московский экономический журнал. – 2023. – № 5. – URL: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-5-2023-44/> (дата обращения: 26.05.2023).

371. Чернышев, К. В. Регион в координатах концепции «регион – социум» и духовно-нравственных императивов / К. В. Чернышев // Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике : монография / под науч. ред. Я. П. Силина, В. Е. Ковалева. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2022. – С. 142–153. – EDN ASTYAO.

372. Анимица, Е. Г. Исход крымских христиан в Россию в XVIII в. / Е. Г. Анимица, К. В. Чернышев // Новая индустриализация России: экономика – наука – человек : сб. науч. тр. VIII Урал. науч. чтений профессоров и докторантов обществ. наук (Екатеринбург, 9 февраля 2021 г.). – Екатеринбург : УрГЭУ, 2021. – С. 200–225. – EDN GVAJAI.

373. Анимица, Е. Г. Справедливость – основа социально-экономического развития новой России / Е. Г. Анимица, К. В. Чернышев // Наука – образование – экономика: новые тренды и риски : сб. науч. тр. IX Урал. науч. чтений профессоров и докторантов гуманитар. наук (Екатеринбург, 8 февраля 2022 г.). – Екатеринбург : УрГЭУ, 2022. – С. 3–12. – EDN QKGCXJ.

374. Рахмеева, И. И. Роль санаторно-курортного комплекса Республики Крым в рекреационной отрасли России / И. И. Рахмеева, К. В. Чернышев // Экономика устойчивого развития региона: инновации, финансовые аспекты, технологические драйверы развития в сфере туризма и гостеприимства : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Ялта, 28–31 марта 2023 г.) : в 2 ч. – Симферополь : Ариал, 2023. – Ч. 1. – С. 256–258. – EDN BLLBLU.

375. Рахмеева, И. И. Санаторно-курортный комплекс как средство расширенного воспроизводства человеческого капитала / И. И. Рахмеева, Л. К. Чеснюкова, К. В. Чернышев // Пермский край. Стратегия в глобальной неопределенности. От горных заводов к технологиям будущего : материалы VII Перм. экон. конгресса (Пермь, 2–3 февраля 2023 г.). – Пермь : ПГНИУ, 2023.

Приложение А
(обязательное)

Перечень индикаторов социально-экономического развития
в рамках духовно-нравственной парадигмы

1. Коэффициенты демографической нагрузки (количество лиц нетрудоспособных возрастов, приходится на 1 000 чел. трудоспособного возраста).
2. Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1 000 чел. населения).
3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет).
4. Уровень безработицы (%).
5. Коэффициент напряженности на рынке труда (отношение среднегодовой численности безработных к среднегодовому числу имеющихся вакансий).
6. Среднее время поиска работы безработными (мес.).
7. Удельный вес безработных, ищущих работу 12 мес. и более (%).
8. Нагрузка незанятого населения, состоящего на регистрационном учете в органах службы занятости населения, в расчете на одну заявленную вакансию (чел.).
9. Среднедушевые денежные доходы населения (р. в месяц).
10. Численность занятых, приходится на одного пенсионера (чел.).
11. Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения (р. в месяц).
12. Число собственных легковых автомобилей на 1 000 чел. населения.
13. Общая площадь жилых помещений, приходится в среднем на одного жителя (м²).
14. Ввод в действие жилых домов на 1 000 чел. населения (м²).
15. Медианная заработная плата (р. в месяц).

16. Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг (% от общей суммы потребительских расходов).

17. Коэффициент Джини (характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения).

18. Коэффициент фондов (характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами).

19. Удельный вес аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда (%).

20. Число больничных коек на 10 000 чел. населения.

21. Заболеваемость на 1 000 чел. населения (зарегистрировано заболеваний).

22. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников (тыс. т).

23. Численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, на 10 000 чел. населения (чел.).

24. Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, на 10 000 чел. населения (чел.).

25. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 чел. населения (чел.).

26.оборот розничной торговли на душу населения (р.).

27. Объем бытовых услуг на душу населения (р.).

28. Число автобусов общего пользования на 100 000 чел. населения (шт.).

29. Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в расчете на месяц (р.).

30. Количество социально ориентированных некоммерческих организаций (на 1 000 чел. населения).

31. Число спортивных сооружений на 1 000 чел. населения.

Приложение Б
(обязательное)

Перечень показателей для проведения анализа

Население:

- 1) коэффициенты демографической нагрузки (количество лиц нетрудоспособных возрастов, приходящихся на 1 000 чел. трудоспособного возраста);
- 2) общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1 000 чел. населения);
- 3) ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет).

Занятость и безработица:

- 4) уровень безработицы (%);
- 5) коэффициент напряженности на рынке труда (отношение среднегодовой численности безработных к среднегодовому числу имеющихся вакансий);
- 6) среднее время поиска работы безработными (мес.);
- 7) удельный вес безработных, ищущих работу 12 мес. и более (%);
- 8) нагрузка незанятого населения, состоящего на регистрационном учете в органах службы занятости населения, в расчете на одну заявленную вакансию (чел.).

Денежные доходы:

- 9) среднедушевые денежные доходы населения (р. в месяц);
- 10) численность занятых, приходящихся на одного пенсионера (чел.);
- 11) величина прожиточного минимума в среднем на душу населения (р. в месяц);
- 12) число собственных легковых автомобилей на 1 000 чел. населения;
- 13) медианная заработная плата (р. в месяц);

14) коэффициент Джини (характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения);

15) коэффициент фондов (характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами);

16) стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в расчете на месяц (р.).

Жилищные условия:

17) общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (м²);

18) ввод в действие жилых домов на 1 000 чел. населения (м²);

19) удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг (в процентах от общей суммы потребительских расходов);

20) удельный вес аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда (процентов).

Здравоохранение:

21) число больничных коек на 10 000 чел. населения;

22) заболеваемость на 1 000 чел. населения (зарегистрировано заболеваний);

23) выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников (тыс. т);

Образование:

24) численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, на 10 000 чел. населения (чел.);

25) численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, на 10 000 чел. населения (чел.);

26) численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 чел. населения (чел.);

Прочие:

- 27) оборот розничной торговли на душу населения (р.);
- 28) объем бытовых услуг на душу населения (р.);
- 29) число автобусов общего пользования на 100 000 чел. населения (шт.);
- 30) количество социально ориентированных некоммерческих организаций (на 1 000 чел. населения).
- 31) число спортивных сооружений на 1 000 чел. населения.

Приложение В
(обязательное)

Числовые значения показателей для проведения анализа

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2015 г.															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Республика Карелия	783	12,2	69,16	8,8	1,913	7,2	28,8	2,1	25 859	1,19	11 569	370,0	25,8	429	10,5	0,34
Республика Коми	695	13,7	69,4	7,0	0,992	6,4	23,9	1,2	31 221	1,48	12 069	291,0	26,7	244	13,3	0,41
Республика Адыгея	779	12,5	72,22	8,8	0,699	8,5	27,8	0,8	23 028	1,25	8 211	285,0	25,8	658	9,3	0,38
Республика Калмыкия	725	13,6	72,15	10,7	1,763	9,6	49,0	1,8	15 276	1,48	7 934	291,0	24,0	451	9,8	0,37
Республика Крым	808	12,6	70,52	7,2	0,631	8,5	32,8	1,2	15 664	1,45	9 502	68,7	16,3	133	6,6	0,33
Республика Дагестан	641	18,3	76,39	10,8	37,328	7,9	24,4	37,5	26 764	1,74	8 658	172,0	18,2	603	4,9	0,39
Республика Ингушетия	703	18,5	80,05	30,5	236,800	12,3	66,7	236,9	15 191	1,57	8 567	159,0	14,1	560	10,2	0,36
Кабардино-Балкарская Республика	684	14,6	74,61	10,1	2,661	10,1	45,7	2,7	18 976	1,85	9 366	223,0	18,9	435	8,6	0,37
Карачаево-Черкесская Республика	715	12,3	74,44	15,1	2,882	10,8	57,1	3,0	17 810	1,44	8 530	201,0	20,6	393	10,4	0,36
Республика Северная Осетия – Алания	762	14,6	74,2	9,3	10,574	9,0	34,1	10,8	21 804	1,40	8 578	262,0	27,6	247	7,8	0,37
Чеченская Республика	789	23,1	73,45	17,1	27,776	6,6	18,5	27,8	22 709	1,25	8 508	153,0	17,5	682	5,6	0,41
Республика Башкортостан	745	14,5	70,08	6,1	1,127	7,1	28,1	1,2	27 320	1,57	8 328	302,0	24,2	661	8,4	0,41
Республика Марий Эл	761	14,4	69,8	5,3	0,905	6,0	23,6	1,0	18 550	1,52	8 428	223,0	24,7	640	8,9	0,37
Республика Мордовия	717	9,7	72,06	4,2	0,548	7,9	35,5	0,6	17 588	1,56	7 863	260,0	26,4	402	9,9	0,36
Республика Татарстан	737	14,7	72,81	4,0	0,677	6,6	24,8	0,7	32 404	1,77	7 775	266,0	25,2	623	7,9	0,42
Удмуртская Республика	774	14,6	70,46	5,0	1,184	6,5	23,7	1,4	24 255	1,69	8 473	290,0	21,6	427	9,3	0,37

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2015 г.															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Чувашская Республика	741	13,8	71,35	5,0	0,353	6,6	25,0	0,4	18 141	1,57	8 071	208,0	26,0	673	9,5	0,35
Республика Алтай	831	18,8	68,44	9,7	2,241	8,9	42,4	2,3	17 872	1,48	9 260	254,0	19,8	530	7,4	0,36
Республика Тыва	814	23,8	63,13	18,6	2,525	10,4	53,5	2,5	15 572	1,23	9 564	135,0	13,5	346	6,9	0,38
Республика Хакасия	779	14,7	68,68	5,8	2,724	8,2	26,5	3,0	19 116	1,57	8 905	318,0	22,7	562	8,4	0,36
Республика Бурятия	755	17,3	69,15	9,2	1,269	8,5	38,5	1,3	23 858	1,55	9 259	243,0	21,4	423	11,2	0,41
Республика Саха (Якутия)	678	17,1	70,29	7,3	1,260	6,4	21,8	1,5	37 013	1,83	15 515	227,0	21,5	570	9,2	0,40

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2015 г.															
	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	
Республика Карелия	9,3	3,3	24 891	14 439,4	48	145	227	164 576	4 213	77	77,9	1 114	96	0,970	1,70	
Республика Коми	14,8	5,6	33 795	14 616,4	91	158	239	174 886	4 553	105	103,3	1 072	612	0,745	1,75	
Республика Адыгея	12,2	0,3	17 722	12 472,8	48	146	280	162 621	4 570	354	75,1	659	11	0,440	1,73	
Республика Калмыкия	11,2	0,7	15 172	12 256,6	48	188	307	64 025	1 070	231	86,2	659	3	0,522	1,76	
Республика Крым	8,5	1,8	16 897	11 752,2	59	86	238	112 916	11 166	134	77,6	528	23	0,332	1,19	
Республика Дагестан	12,8	15,7	13 762	11 795,6	28	106	235	205 890	4 990	92	68,0	789	11	0,118	0,94	
Республика Ингушетия	10,6	15,5	17 153	11 487,1	48	100	187	46 598	757	58	48,9	752	0,4	0,210	0,56	
Кабардино-Балкарская Республика	11,5	2,1	15 957	12 460,0	46	81	198	131 108	3 549	91	84,5	466	3	0,263	1,66	
Карачаево-Черкесская Республика	10,7	0,7	15 644	13 084,7	33	110	281	74 891	4 458	82	74,1	690	15	0,260	1,15	
Республика Северная Осетия – Алания	11,1	1,3	16 333	12 290,3	49	142	371	144 655	2 868	189	88,6	707	5	0,560	1,47	
Чеченская Республика	14,9	2,3	17 044	12 929,6	45	166	238	106 136	6 221	115	61,6	605	21	0,113	0,80	
Республика Башкортостан	15,8	1,1	21 685	12 241,8	78	157	281	192 720	7 971	131	80,1	850	435	0,433	2,25	
Республика Марий Эл	11,7	4,7	16 623	11 919,6	58	164	286	111 526	3 481	95	90,3	915	22	0,335	2,11	
Республика Мордовия	10,8	2,3	17 356	11 615,8	45	152	373	96 377	2 501	118	81,5	684	32	0,702	2,36	

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2015 г.														
	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
Республика Татарстан	16,0	0,9	22 517	11 939,1	42	155	422	200 999	10 270	72	65,8	804	294	0,599	1,89
Удмуртская Республика	11,8	2,6	20 595	12 094,9	62	141	338	136 441	4 222	82	92,8	968	148	0,640	1,51
Чувашская Республика	10,0	1,3	17 443	11 646,3	57	144	310	110 509	3 957	142	83,7	983	27	0,350	2,54
Республика Алтай	10,4	4,6	17 640	14 774,0	55	224	155	100 956	1 550	55	78,5	894	8	1,195	1,39
Республика Тыва	11,9	17,3	18 283	12 293,3	98	160	158	68 576	1 646	216	126,5	665	20	0,333	1,98
Республика Хакасия	10,8	4,0	23 750	12 574,3	73	143	160	137 261	3 651	101	74,8	836	89	1,060	1,63
Республика Бурятия	15,1	4,2	23 357	12 813,4	73	188	342	165 812	5 638	280	88,7	605	109	0,471	1,54
Республика Саха (Якутия)	14,0	16,6	39 589	16 747,5	59	174	280	196 688	7 468	111	105,7	1 027	287	0,799	1,46

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2020 г.															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Республика Карелия	830	8,5	69,63	8,7	5,4	6,3	23,4	2,6	32 583	1,11	14 196	398	27,9	481	10,5	0,34
Республика Коми	754	9,3	70,30	7,7	2,6	8,3	36,6	1,3	36 677	1,31	14 567	315	28,9	250	12,5	0,37
Республика Адыгея	809	9,5	73,27	8,5	5,2	6,0	8,5	1,7	30 293	1,21	9 876	442	27,6	557	10,5	0,40
Республика Калмыкия	800	10,2	72,93	9,6	5,9	6,9	22,6	2,5	19 811	1,35	10 443	334	25,6	323	6,0	0,34
Республика Крым	856	9,9	71,20	6,3	3,8	6,0	14,6	3,9	22 950	1,46	11 074	206	19,7	424	9,9	0,33
Республика Дагестан	657	15,1	76,43	15,7	156,9	7,3	25,2	23,9	27 661	1,51	10 465	206	20,0	311	6,4	0,38
Республика Ингушетия	700	16,3	81,48	29,8	516,9	6,9	21,6	186,0	16 877	1,61	10 353	183	15,7	353	7,5	0,33
Кабардино-Балкарская Республика	732	12,1	74,37	14,8	16,3	9,3	31,5	17,7	21 957	1,79	11 311	279	21,3	576	6,7	0,34
Карачаево-Черкесская Республика	744	11,0	74,82	14,7	13,8	10,7	57,8	9,6	18 949	1,30	10 277	204	21,8	275	9,4	0,33
Республика Северная Осетия – Алания	796	11,8	74,08	15,4	35,8	9,9	47,2	14,3	23 927	1,24	9 854	314	29,6	344	7,1	0,35
Чеченская Республика	773	20,0	72,11	18,5	65,0	9,2	27,1	74,3	24 596	1,23	11 240	179	20,3	508	8,8	0,37
Республика Башкортостан	806	10,2	70,36	5,9	2,6	6,6	19,9	2,1	30 249	1,34	9 834	370	27,3	610	8,0	0,39

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2020 г.															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Республика Марий Эл	839	9,8	71,05	6,8	4,4	7,2	24,9	1,8	21 264	1,25	9 846	256	28,4	546	11,5	0,36
Республика Мордовия	761	7,0	71,60	5,3	3,3	7,5	30,0	1,6	20 631	1,44	9 378	333	29,2	414	10,0	0,35
Республика Татарстан	801	10,6	72,61	3,6	1,7	5,8	10,1	0,9	35 635	1,70	9 600	289	28,0	687	10,9	0,38
Удмуртская Республика	832	9,7	71,03	6,3	3,4	7,2	27,6	1,0	25 449	1,48	10 314	302	23,7	536	9,4	0,34
Чувашская Республика	803	9,3	71,03	6,1	2,5	6,3	18,8	1,3	21 155	1,30	9 804	236	28,8	476	9,3	0,34
Республика Алтай	854	13,3	69,15	14,0	7,4	8,3	39,0	2,9	21 677	1,34	10 697	206	21,8	403	9,6	0,37
Республика Тыва	828	20,2	66,25	18,0	20,9	9,0	47,1	16,3	18 972	1,23	10 674	164	14,3	338	9,8	0,37
Республика Хакасия	823	10,1	70,06	8,7	4,5	7,7	25,2	2,4	23 837	1,35	11 795	420	26,3	539	7,3	0,33
Республика Бурятия	803	12,9	70,29	10,5	4,4	7,0	25,0	2,0	26 092	1,34	12 333	264	22,0	280	12,0	0,36
Республика Саха (Якутия)	710	13,4	71,10	7,4	3,9	6,4	16,5	3,7	46 338	1,79	17 824	230	23,5	542	11,2	0,40

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2020 г.															
	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	
Республика Карелия	9,4	0,71	40 545	17 928,8	46	201	177	226 569	4 505	89	78,4	1068	129	0,97	1,75	
Республика Коми	11,8	0,84	48 238	18 386,5	61	193	170	201 675	5 503	85	96,4	924	350	0,74	1,79	
Республика Адыгея	14,6	1,03	28 419	15 370,4	32	144	307	231 447	4 791	374	67,9	657	8	0,44	1,88	
Республика Калмыкия	9,1	0,04	26 006	16 082,5	38	244	329	86 002	1 122	96	77,3	651	3	0,52	1,87	
Республика Крым	8,9	1,42	29 470	16 192,2	64	138	181	148 071	8 604	120	83,1	510	37	0,33	1,16	
Республика Дагестан	12,6	0,20	23 481	15 337,9	23	198	161	188 325	6 062	89	70,0	705	10	0,12	1,00	
Республика Ингушетия	8,6	0,56	22 937	14 278,4	31	188	153	50 713	593	30	48,7	549	2	0,21	0,70	
Кабардино-Балкарская Республика	9,3	0,24	23 263	15 461,6	34	161	175	154 476	4 080	149	77,8	456	3	0,26	1,70	
Карачаево-Черкесская Республика	8,8	1,12	24 047	15 425,0	19	207	241	83 515	4 507	126	83,5	803	16	0,26	1,26	
Республика Северная Осетия – Алания	9,9	1,25	23 691	14 838,5	45	187	300	163 468	2 837	293	96,4	637	10	0,56	1,43	

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2020 г.														
	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
Чеченская Республика	11,3	1,03	24 836	16 332,0	46	187	227	123 955	7 341	120	62,9	309	16	0,11	1,01
Республика Башкортостан	13,6	3,09	35 234	15 639,2	66	203	242	226 691	7 100	118	79,7	916	441	0,43	2,38
Республика Марий Эл	10,3	2,35	28 161	15 065,3	31	217	243	134 692	2 851	105	81,0	905	55	0,33	2,11
Республика Мордовия	9,9	2,26	28 739	14 245,8	28	183	315	127 327	2 329	99	80,5	695	59	0,70	2,17
Республика Татарстан	12,7	4,79	35 966	14 732,0	29	204	365	238 322	9 358	55	63,9	801	325	0,60	1,52
Удмуртская Республика	9,2	3,11	32 022	15 470,2	62	220	284	160 085	5 437	88	76,7	852	131	0,64	1,52
Чувашская Республика	9,3	1,37	29 130	14 380,8	44	203	285	141 564	5 517	134	85,5	828	25	0,35	2,63
Республика Алтай	11,4	0,08	28 932	17 244,1	57	250	120	135 351	1 915	76	72,9	913	7	1,19	1,44
Республика Тыва	11,1	0,03	31 825	15 072,6	75	219	157	76 921	1 549	128	106,7	614	5	0,33	1,90
Республика Хакасия	8,7	1,79	36 938	16 120,9	64	184	151	175 577	3 722	87	74,9	838	110	1,06	1,64
Республика Бурятия	10,3	0,27	36 481	16 421,6	61	219	203	199 747	7 250	213	84,7	665	94	0,47	1,59
Республика Саха (Якутия)	14,0	0,09	62 831	21 258,7	58	224	242	250 679	6 346	114	86,5	900	286	0,80	1,53

Приложение Г
(обязательное)

Статистический анализ показателей

Показатель	Значения показателей в 2015 г.										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Среднее	746,182	15,348	71,493	9,800	15,401	8,182	34,191	15,532	22 090,500	1,520	9 224,227
Стандартная ошибка	10,270	0,764	0,722	1,294	10,729	0,359	2,775	10,728	1 287,521	0,040	376,883
Медиана	750,000	14,600	70,935	8,800	1,516	8,050	28,450	1,650	20 460,000	1,535	8 572,500
Мода	779,000	14,600	Н/д	8,800	Н/д	8,500	Н/д	1,200	Н/д	1,570	Н/д
Стандартное отклонение	48,170	3,500	3,385	6,070	50,324	1,685	13,017	50,317	6 039,010	0,186	1 767,736
Дисперсия выборки	2 320,346	12,249	11,458	36,843	2 532,516	2,841	169,449	2 531,784	36 469 641,214	0,035	3 124 890,755
Эксцесс	-0,338	1,172	1,984	5,740	20,282	0,047	0,391	20,283	0,279	-0,407	7,412
Асимметричность	-0,288	1,128	0,201	2,163	4,445	0,755	1,096	4,445	0,928	-0,040	2,575
Интервал	190,000	14,100	16,920	26,500	236,447	6,300	48,200	236,500	21 822,000	0,660	7 740,000
Минимум	641,000	9,700	63,130	4,000	0,353	6,000	18,500	0,400	15 191,000	1,190	7 775,000
Максимум	831,000	23,800	80,050	30,500	236,800	12,300	66,700	236,900	37 013,000	1,850	15 515,000
Сумма	16 416,000	322,300	1 572,840	215,600	338,832	180,000	752,200	341,700	485 991,000	33,440	202 933,000
Счет	22,000	21,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000
Уровень надежности	21,357	1,593	1,501	2,691	22,312	0,747	5,772	22,309	2 677,547	0,082	783,770

Показатель	Значения показателей в 2015 г.										
	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
Среднее	236,432	21,932	486,000	8,818	0,375	12,086	4,949	20 145,818	12 738,395	56,500	146,818
Стандартная ошибка	14,737	0,887	32,902	0,402	0,005	0,454	1,207	1 322,833	277,025	3,681	7,293
Медиана	248,550	22,150	490,500	9,050	0,371	11,600	2,450	17 541,500	12 291,800	52,000	149,000
Мода	Н/д	25,800	Н/д	9,300	0,359	10,800	0,700	Н/д	Н/д	48,000	188,000
Стандартное отклонение	69,121	4,160	154,324	1,887	0,024	2,130	5,662	6 204,634	1 299,361	17,268	34,209
Дисперсия выборки	4 777,761	17,308	23 816,000	3,563	0,001	4,537	32,063	38 497 489,203	1 688 338,275	298,167	1 170,251
Экссесс	0,448	-0,646	-0,295	0,729	-0,561	-0,690	0,819	4,317	3,298	0,674	0,405
Асимметричность	-0,521	-0,580	-0,611	0,011	0,149	0,511	1,529	2,035	1,820	0,869	-0,123
Интервал	301,300	14,100	549,000	8,400	0,090	7,500	17,000	25 827,000	5 260,400	70,000	143,000
Минимум	68,700	13,500	133,000	4,900	0,326	8,500	0,300	13 762,000	11 487,100	28,000	81,000
Максимум	370,000	27,600	682,000	13,300	0,416	16,000	17,300	39 589,000	16 747,500	98,000	224,000
Сумма	5 201,500	482,500	10 692,000	194,000	8,245	265,900	108,870	443 208,000	280 244,700	1 243,000	3 230,000
Счет	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000
Уровень надежности	30,647	1,845	68,424	0,837	0,011	0,944	2,511	2 750,981	576,104	7,656	15,167

Показатель	Значения показателей в 2015 г.									
	23	24	25	26	27	28	29	30	31	
Среднее	268,455	132 098,500	4 580,455	133,227	81,357	785,050	103,245	0,521	1,608	
Стандартная ошибка	15,664	10 046,057	579,875	16,228	3,419	37,895	34,602	0,063	0,105	
Медиана	280,000	133 774,500	4 217,500	108,000	80,100	770,250	22,500	0,456	1,646	
Мода	280,000	Н/д	Н/д	82,000	Н/д	Н/д	11,000	Н/д	Н/д	
Стандартное отклонение	73,472	47 120,185	2 719,853	76,115	15,669	177,741	162,300	0,296	0,492	

Показатель	Значения показателей в 2015 г.								
	23	24	25	26	27	28	29	30	31
Дисперсия выборки	5 398,165	2 220 311 843,024	7 397 601,403	5 793,422	245,519	31 592,009	26 341,211	0,088	0,242
Эксцесс	-0,496	-0,971	0,798	2,385	2,961	-0,761	4,058	-0,023	0,043
Асимметричность	0,205	-0,050	0,960	1,632	0,813	0,205	2,098	0,752	-0,199
Интервал	267,000	159 292,000	10 409,000	299,000	77,600	648,100	611,600	1,081	1,979
Минимум	155,000	46 598,000	757,000	55,000	48,900	466,200	0,400	0,113	0,561
Максимум	422,000	205 890,000	11 166,000	354,000	126,500	1 114,300	612,000	1,195	2,540
Сумма	5 906,000	2 906 167,000	100 770,000	2 931,000	1 708,500	17 271,100	2 271,400	11,451	35,369
Счет	22,000	22,000	22,000	22,000	21,000	22,000	22,000	22,000	22,000
Уровень надежности	32,576	20 891,920	1 205,915	33,747	7,132	78,806	71,960	0,131	0,218

Показатель	Значения показателей в 2020 г.										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Среднее	786,864	11,827	72,052	11,014	40,300	7,536	27,282	16,991	25 799,091	1,395	11 170,682
Стандартная ошибка	11,189	0,734	0,647	1,299	23,848	0,291	2,595	8,740	1 509,798	0,040	428,751
Медиана	802,000	10,400	71,150	8,700	4,850	7,200	25,100	2,550	23 882,000	1,340	10 454,000
Мода	803,000	9,300	71,030	8,700	2,600	6,300	25,200	1,300	Н/д	1,340	Н/д
Стандартное отклонение	52,482	3,442	3,037	6,092	111,857	1,365	12,171	40,994	7 081,580	0,187	2 011,022
Дисперсия выборки	2 754,314	11,851	9,222	37,107	12 512,015	1,864	148,124	1 680,500	50 148 781,610	0,035	4 044 211,370
Эксцесс	0,310	1,375	3,722	2,894	17,503	-0,165	0,757	15,097	2,026	0,202	5,096
Асимметричность	-0,907	1,323	1,317	1,495	4,083	0,816	0,878	3,776	1,377	0,942	2,183
Интервал	199,000	13,200	15,230	26,200	515,200	4,900	49,300	185,100	29 461,000	0,680	8 446,000
Минимум	657,000	7,000	66,250	3,600	1,700	5,800	8,500	0,900	16 877,000	1,110	9 378,000

Показатель	Значения показателей в 2020 г.										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Максимум	856,000	20,200	81,480	29,800	516,900	10,700	57,800	186,000	46 338,000	1,790	17 824,000
Сумма	17 311,000	260,200	1 585,150	242,300	886,600	165,800	600,200	373,800	567 580,000	30,680	245 755,000
Счет	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000
Уровень надежности	23,269	1,526	1,346	2,701	49,595	0,605	5,396	18,176	3 139,797	0,083	891,637

Показатель	Значения показателей в 2020 г.										
	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
Среднее	278,527	24,168	444,227	9,286	0,357	10,673	1,257	31 872,364	15 967,500	46,091	198,818
Стандартная ошибка	17,220	0,953	26,265	0,397	0,005	0,394	0,262	2 012,083	342,388	3,478	5,895
Медиана	271,300	24,650	450,000	9,500	0,352	10,100	1,026	29 031,000	15 465,900	45,500	202,000
Мода	206,400	21,800	Н/д	10,500	0,355	9,300	1,026	Н/д	Н/д	46,000	187,000
Стандартное отклонение	80,771	4,470	123,192	1,861	0,024	1,847	1,230	9 437,507	1 605,944	16,315	27,652
Дисперсия выборки	6 523,975	19,979	15 176,374	3,462	0,001	3,410	1,513	89 066 533,385	2 579 055,710	266,182	764,632
Экссесс	-0,679	-0,437	-1,041	-0,878	-0,949	-0,516	1,891	4,726	4,761	-1,296	0,531
Асимметричность	0,489	-0,638	0,076	-0,191	0,545	0,799	1,367	1,953	1,928	0,025	-0,448
Интервал	277,700	15,300	437,000	6,500	0,075	6,000	4,764	39 894,000	7 012,900	56,000	112,000
Минимум	164,100	14,300	250,000	6,000	0,328	8,600	0,030	22 937,000	14 245,800	19,000	138,000
Максимум	441,800	29,600	687,000	12,500	0,403	14,600	4,794	62 831,000	21 258,700	75,000	250,000
Сумма	6 127,600	531,700	9 773,000	204,300	7,860	234,800	27,646	701 192,000	351 285,000	1 014,000	4 374,000
Счет	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000
Уровень надежности	35,812	1,982	54,620	0,825	0,011	0,819	0,545	4 184,356	712,036	7,234	12,260

Показатель	Значения показателей в 2020 г.								
	23	24	25	26	27	28	29	30	31
Среднее	228,545	160 235,091	4 696,318	126,727	78,882	736,077	96,455	0,521	1,635
Стандартная ошибка	14,674	12 043,587	517,832	16,385	2,640	38,873	28,063	0,063	0,098
Медиана	234,000	157 280,500	4 649,000	109,500	79,050	752,950	31,000	0,456	1,615
Мода	242,000	Н/Д	Н/Д	89,000	96,400	Н/Д	3,000	Н/Д	Н/Д
Стандартное отклонение	68,829	56 489,431	2 428,847	76,854	12,384	182,329	131,626	0,296	0,460
Дисперсия выборки	4 737,403	3 191 055 852,087	5 899 299,942	5 906,589	153,372	33 243,684	17 325,498	0,088	0,212
Эксцесс	-1,009	-0,769	-0,743	5,047	1,269	0,018	1,359	-0,023	0,176
Асимметричность	0,312	-0,161	0,088	2,146	-0,106	-0,473	1,570	0,752	0,106
Интервал	245,000	199 966,000	8 765,000	344,000	58,000	758,700	439,000	1,081	1,927
Минимум	120,000	50 713,000	593,000	30,000	48,700	309,000	2,000	0,113	0,698
Максимум	365,000	250 679,000	9 358,000	374,000	106,700	1 067,700	441,000	1,195	2,625
Сумма	5 028,000	3 525 172,000	103 319,000	2 788,000	1 735,400	16 193,700	2 122,000	11,451	35,971
Счет	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000	22,000
Уровень надежности	30,517	25 046,011	1 076,891	34,075	5,491	80,840	58,360	0,131	0,204

Формула расчета средней квадратической ошибки асимметрии σ_a :

$$\sigma_a = \sqrt{\frac{6(n-1)}{(n+1)(n+3)}}, \quad (\Gamma.1)$$

где n – количество анализируемых наблюдений (республик).

Формула расчета средней квадратической ошибки эксцесса σ_e :

$$\sigma_e = \sqrt{\frac{6(n-1)}{(n+1)(n+3)}}. \quad (\Gamma.2)$$

Таблица Г.1 – Статистический анализ показателей

Показатель	Квадратическая ошибка асимметрии		Вид асимметрии	Коэффициент вариации		Изменение среднего значения в 2020 г. по сравнению с 2015 г.
	2015	2020		2015	2020	
Уровень безработицы	4,621	3,194	Правосторонняя	0,619	0,553	1,214
Коэффициент напряженности на рынке труда	9,496	8,723		3,267	2,776	24,899
Нагрузка незанятого населения в расчете на одну заявленную вакансию	9,496	8,066		3,240	2,413	1,459
Величина прожиточного минимума на душу населения	5,500	4,664		0,192	0,180	1 946,455
Медианная заработная плата	4,348	4,172		0,308	0,296	11 726,545
Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в расчете на месяц	3,887	4,119		0,102	0,101	3 229,105
Удельный вес аварийного жилищного фонда	3,265	2,919		1,144	0,979	-3,692
Число автобусов общего пользования на 100 000 чел. населения	3,487	4,585		0,571	0,606	-6,500
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников	4,483	3,354		1,572	1,365	-6,791

Приложение Д
(обязательное)

Нормированные значения показателей и обобщенный индекс качества жизни

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2015 г.															
	Население			Занятость и безработица					Денежные доходы							
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Республика Карелия	0,06	0,51	0,14	0,71	0,99	0,41	0,57	0,99	0,70	0,64	0,25	1,00	0,63	0,19	0,42	0,14
Республика Коми	0,16	0,58	0,13	0,77	1,00	0,48	0,64	0,99	0,84	0,80	0,22	0,79	0,85	0,03	0,08	0,13
Республика Адыгея	0,06	0,53	0,10	0,71	1,00	0,31	0,58	1,00	0,62	0,68	0,47	0,77	0,45	0,09	0,24	0,26
Республика Калмыкия	0,13	0,57	0,10	0,65	0,99	0,22	0,27	0,99	0,41	0,80	0,49	0,79	0,38	0,12	0,30	0,27
Республика Крым	0,03	0,53	0,12	0,76	1,00	0,31	0,51	0,99	0,42	0,78	0,39	0,19	0,43	0,22	0,47	0,30
Республика Дагестан	0,23	0,77	0,05	0,65	0,84	0,36	0,63	0,84	0,72	0,94	0,44	0,47	0,35	0,07	0,20	0,30
Республика Ингушетия	0,15	0,78	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,41	0,85	0,45	0,43	0,43	0,14	0,34	0,31
Кабардино-Балкарская Республика	0,18	0,61	0,07	0,67	0,99	0,18	0,31	0,99	0,51	1,00	0,40	0,60	0,40	0,11	0,28	0,26
Карачаево-Черкесская Республика	0,14	0,52	0,07	0,50	0,99	0,12	0,14	0,99	0,48	0,78	0,45	0,54	0,40	0,14	0,33	0,22
Республика Северная Осетия – Алания	0,08	0,61	0,07	0,70	0,96	0,27	0,49	0,95	0,59	0,76	0,45	0,71	0,41	0,12	0,31	0,27
Чеченская Республика	0,05	0,97	0,08	0,44	0,88	0,46	0,72	0,88	0,61	0,68	0,45	0,41	0,43	0,02	0,07	0,23
Республика Башкортостан	0,10	0,61	0,12	0,80	1,00	0,42	0,58	0,99	0,74	0,85	0,46	0,82	0,55	0,00	0,01	0,27
Республика Марий Эл	0,08	0,61	0,13	0,83	1,00	0,51	0,65	1,00	0,50	0,82	0,46	0,60	0,42	0,11	0,27	0,29
Республика Мордовия	0,14	0,41	0,10	0,86	1,00	0,36	0,47	1,00	0,48	0,84	0,49	0,70	0,44	0,13	0,33	0,31
Республика Татарстан	0,11	0,62	0,09	0,87	1,00	0,46	0,63	1,00	0,88	0,96	0,50	0,72	0,57	0,00	0,00	0,29

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2015 г.															
	Население			Занятость и безработица					Денежные доходы							
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Удмуртская Республика	0,07	0,61	0,12	0,84	1,00	0,47	0,64	0,99	0,66	0,91	0,45	0,78	0,52	0,10	0,26	0,28
Чувашская Республика	0,11	0,58	0,11	0,84	1,00	0,46	0,63	1,00	0,49	0,85	0,48	0,56	0,44	0,16	0,38	0,30
Республика Алтай	0,00	0,79	0,15	0,68	0,99	0,28	0,36	0,99	0,48	0,80	0,40	0,69	0,45	0,15	0,35	0,12
Республика Тыва	0,02	1,00	0,21	0,39	0,99	0,15	0,20	0,99	0,42	0,66	0,38	0,37	0,46	0,10	0,26	0,27
Республика Хакасия	0,06	0,62	0,14	0,81	0,99	0,33	0,60	0,99	0,52	0,85	0,43	0,86	0,60	0,13	0,33	0,25
Республика Бурятия	0,09	0,73	0,14	0,70	0,99	0,31	0,42	0,99	0,64	0,84	0,40	0,66	0,59	0,02	0,06	0,23
Республика Саха (Якутия)	0,18	0,72	0,12	0,76	0,99	0,48	0,67	0,99	1,00	0,99	0,00	0,61	1,00	0,04	0,13	0,00

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2015 г.															
	Жилищные условия				Здравоохранение			Образование			Прочие					Индекс
	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	
Республика Карелия	0,93	0,63	0,21	0,81	0,62	0,00	0,84	0,49	0,65	0,54	0,80	0,38	0,22	0,81	0,67	0,55
Республика Коми	0,97	0,36	0,00	0,68	0,82	0,04	0,00	0,93	0,71	0,57	0,85	0,41	0,30	0,62	0,69	0,53
Республика Адыгея	0,93	0,96	0,30	0,98	0,59	0,41	0,98	0,49	0,65	0,66	0,79	0,41	1,00	0,37	0,68	0,58
Республика Калмыкия	0,87	0,66	0,26	0,96	0,68	0,41	1,00	0,49	0,84	0,73	0,31	0,10	0,65	0,44	0,69	0,53
Республика Крым	0,59	0,20	0,50	0,90	0,61	0,53	0,96	0,60	0,38	0,56	0,55	1,00	0,38	0,28	0,47	0,51
Республика Дагестан	0,66	0,88	0,63	0,09	0,54	0,29	0,98	0,29	0,47	0,56	1,00	0,45	0,26	0,10	0,37	0,50
Республика Ингушетия	0,51	0,82	0,23	0,10	0,39	0,33	1,00	0,49	0,45	0,44	0,23	0,07	0,16	0,18	0,22	0,32
Кабардино-Балкарская Республика	0,68	0,64	0,35	0,88	0,67	0,58	1,00	0,47	0,36	0,47	0,64	0,32	0,26	0,22	0,65	0,51
Карачаево-Черкесская Республика	0,75	0,58	0,22	0,96	0,59	0,38	0,98	0,34	0,49	0,67	0,36	0,40	0,23	0,22	0,45	0,46
Республика Северная Осетия – Алания	1,00	0,36	0,41	0,92	0,70	0,37	0,99	0,50	0,63	0,88	0,70	0,26	0,53	0,47	0,58	0,55
Чеченская Республика	0,63	1,00	0,58	0,87	0,49	0,46	0,97	0,46	0,74	0,56	0,52	0,56	0,32	0,10	0,31	0,51

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2015 г.															Индекс
	Жилищные условия				Здравоохранение			Образование			Прочие					
	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	
Республика Башкортостан	0,88	0,97	0,37	0,94	0,63	0,24	0,29	0,80	0,70	0,67	0,94	0,71	0,37	0,36	0,89	0,58
Республика Марий Эл	0,89	0,94	0,33	0,73	0,71	0,18	0,96	0,59	0,73	0,68	0,54	0,31	0,27	0,28	0,83	0,56
Республика Мордовия	0,96	0,59	0,26	0,87	0,64	0,39	0,95	0,46	0,68	0,88	0,47	0,22	0,33	0,59	0,93	0,56
Республика Татарстан	0,91	0,91	0,41	0,95	0,52	0,28	0,52	0,43	0,69	1,00	0,98	0,92	0,20	0,50	0,74	0,60
Удмуртская Республика	0,78	0,63	0,30	0,85	0,73	0,13	0,76	0,63	0,63	0,80	0,66	0,38	0,23	0,54	0,59	0,56
Чувашская Республика	0,94	0,99	0,29	0,92	0,66	0,12	0,96	0,58	0,64	0,73	0,54	0,35	0,40	0,29	1,00	0,57
Республика Алтай	0,72	0,78	0,44	0,73	0,62	0,20	0,99	0,56	1,00	0,37	0,49	0,14	0,16	1,00	0,55	0,53
Республика Тыва	0,49	0,51	0,48	0,00	1,00	0,40	0,97	1,00	0,71	0,37	0,33	0,15	0,61	0,28	0,78	0,48
Республика Хакасия	0,82	0,82	0,37	0,77	0,59	0,25	0,85	0,74	0,64	0,38	0,67	0,33	0,29	0,89	0,64	0,57
Республика Бурятия	0,78	0,62	0,16	0,76	0,70	0,46	0,82	0,74	0,84	0,81	0,81	0,50	0,79	0,39	0,61	0,57
Республика Саха (Якутия)	0,78	0,84	0,31	0,04	0,84	0,08	0,53	0,60	0,78	0,66	0,96	0,67	0,31	0,67	0,57	0,56

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2020 г.															
	Население			Занятость и безработица					Денежные доходы							
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Республика Карелия	0,03	0,42	0,85	0,71	0,01	0,41	0,60	0,99	0,70	0,62	0,20	0,90	0,65	0,15	0,36	0,16
Республика Коми	0,12	0,46	0,86	0,74	0,01	0,22	0,37	0,99	0,79	0,73	0,18	0,71	0,77	0,07	0,19	0,14
Республика Адыгея	0,05	0,47	0,90	0,71	0,01	0,44	0,85	0,99	0,65	0,68	0,45	1,00	0,45	0,00	0,00	0,28
Республика Калмыкия	0,07	0,50	0,90	0,68	0,01	0,36	0,61	0,99	0,43	0,75	0,41	0,76	0,41	0,16	0,38	0,24
Республика Крым	0,00	0,49	0,87	0,79	0,01	0,44	0,75	0,98	0,50	0,82	0,38	0,47	0,47	0,18	0,39	0,24
Республика Дагестан	0,23	0,75	0,94	0,47	0,30	0,32	0,56	0,87	0,60	0,84	0,41	0,47	0,37	0,05	0,14	0,28
Республика Ингушетия	0,18	0,81	1,00	0,00	1,00	0,36	0,63	0,00	0,36	0,90	0,42	0,41	0,37	0,19	0,41	0,33

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2020 г.															
	Население			Занятость и безработица					Денежные доходы							
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Кабардино-Балкарская Республика	0,14	0,60	0,91	0,50	0,03	0,13	0,46	0,90	0,47	1,00	0,37	0,63	0,37	0,16	0,36	0,27
Карачаево-Черкесская Республика	0,13	0,54	0,92	0,51	0,03	0,00	0,00	0,95	0,41	0,73	0,42	0,46	0,38	0,18	0,40	0,27
Республика Северная Осетия – Алания	0,07	0,58	0,91	0,48	0,07	0,07	0,18	0,92	0,52	0,69	0,45	0,71	0,38	0,14	0,32	0,30
Чеченская Республика	0,10	0,99	0,89	0,38	0,13	0,14	0,53	0,60	0,53	0,69	0,37	0,40	0,40	0,09	0,23	0,23
Республика Башкортостан	0,06	0,50	0,86	0,80	0,01	0,38	0,66	0,99	0,65	0,75	0,45	0,84	0,56	0,02	0,07	0,26
Республика Марий Эл	0,02	0,49	0,87	0,77	0,01	0,33	0,57	0,99	0,46	0,70	0,45	0,58	0,45	0,12	0,29	0,29
Республика Мордовия	0,11	0,35	0,88	0,82	0,01	0,30	0,48	0,99	0,45	0,80	0,47	0,75	0,46	0,13	0,32	0,33
Республика Татарстан	0,06	0,52	0,89	0,88	0,00	0,46	0,83	1,00	0,77	0,95	0,46	0,65	0,57	0,05	0,13	0,31
Удмуртская Республика	0,03	0,48	0,87	0,79	0,01	0,33	0,52	0,99	0,55	0,83	0,42	0,68	0,51	0,16	0,37	0,27
Чувашская Республика	0,06	0,46	0,87	0,80	0,00	0,41	0,67	0,99	0,46	0,73	0,45	0,53	0,46	0,16	0,36	0,32
Республика Алтай	0,00	0,66	0,85	0,53	0,01	0,22	0,33	0,98	0,47	0,75	0,40	0,47	0,46	0,08	0,22	0,19
Республика Тыва	0,03	1,00	0,81	0,40	0,04	0,16	0,19	0,91	0,41	0,69	0,40	0,37	0,51	0,09	0,24	0,29
Республика Хакасия	0,04	0,50	0,86	0,71	0,01	0,28	0,56	0,99	0,51	0,75	0,34	0,95	0,59	0,18	0,40	0,24
Республика Бурятия	0,06	0,64	0,86	0,65	0,01	0,35	0,57	0,99	0,56	0,75	0,31	0,60	0,58	0,12	0,29	0,23
Республика Саха (Якутия)	0,17	0,66	0,87	0,75	0,01	0,40	0,71	0,98	1,00	1,00	0,00	0,52	1,00	0,01	0,04	0,00

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2020 г.															
	Жилищные условия				Здравоохранение			Образование			Прочие					Индекс
	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	
Республика Карелия	0,94	0,70	0,16	0,85	0,73	0,00	0,71	0,61	0,80	0,48	0,90	0,48	0,24	0,81	0,67	0,54
Республика Коми	0,98	0,36	0,00	0,82	0,90	0,13	0,21	0,81	0,77	0,47	0,80	0,59	0,23	0,62	0,68	0,51
Республика Адыгея	0,93	0,81	0,16	0,79	0,64	0,39	0,98	0,43	0,58	0,84	0,92	0,51	1,00	0,37	0,72	0,58

Субъект Российской Федерации	Значения показателей в 2020 г.															Индекс
	Жилищные условия				Здравоохранение			Образование			Прочие					
	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	
Республика Калмыкия	0,86	0,47	0,52	0,99	0,72	0,39	0,99	0,51	0,98	0,90	0,34	0,12	0,26	0,44	0,71	0,54
Республика Крым	0,67	0,62	0,21	0,70	0,78	0,52	0,92	0,85	0,55	0,50	0,59	0,92	0,32	0,28	0,44	0,54
Республика Дагестан	0,68	0,45	0,49	0,96	0,66	0,34	0,98	0,31	0,79	0,44	0,75	0,65	0,24	0,10	0,38	0,51
Республика Ингушетия	0,53	0,51	0,40	0,88	0,46	0,49	1,00	0,41	0,75	0,42	0,20	0,06	0,08	0,18	0,27	0,45
Кабардино-Балкарская Республика	0,72	0,84	0,46	0,95	0,73	0,57	0,99	0,45	0,64	0,48	0,62	0,44	0,40	0,22	0,65	0,53
Карачаево-Черкесская Республика	0,74	0,40	0,25	0,77	0,78	0,25	0,96	0,25	0,83	0,66	0,33	0,48	0,34	0,22	0,48	0,45
Республика Северная Осетия – Алания	1,00	0,50	0,43	0,74	0,90	0,40	0,98	0,60	0,75	0,82	0,65	0,30	0,78	0,47	0,54	0,54
Чеченская Республика	0,69	0,74	0,30	0,79	0,59	0,71	0,96	0,61	0,75	0,62	0,49	0,78	0,32	0,10	0,38	0,50
Республика Башкортостан	0,92	0,89	0,36	0,36	0,75	0,14	0,00	0,88	0,81	0,66	0,90	0,76	0,32	0,36	0,91	0,54
Республика Марий Эл	0,96	0,79	0,08	0,51	0,76	0,15	0,88	0,41	0,87	0,67	0,54	0,30	0,28	0,28	0,80	0,51
Республика Мордовия	0,99	0,60	0,20	0,53	0,75	0,35	0,87	0,37	0,73	0,86	0,51	0,25	0,26	0,59	0,83	0,53
Республика Татарстан	0,95	1,00	0,13	0,00	0,60	0,25	0,26	0,39	0,82	1,00	0,95	1,00	0,15	0,50	0,58	0,55
Удмуртская Республика	0,80	0,78	0,25	0,35	0,72	0,20	0,70	0,83	0,88	0,78	0,64	0,58	0,24	0,54	0,58	0,54
Чувашская Республика	0,97	0,69	0,26	0,72	0,80	0,22	0,94	0,59	0,81	0,78	0,56	0,59	0,36	0,29	1,00	0,56
Республика Алтай	0,74	0,59	0,23	0,98	0,68	0,15	0,98	0,76	1,00	0,33	0,54	0,20	0,20	1,00	0,55	0,50
Республика Тыва	0,48	0,49	0,22	0,99	1,00	0,42	0,99	1,00	0,88	0,43	0,31	0,17	0,34	0,28	0,72	0,49
Республика Хакасия	0,89	0,78	0,42	0,63	0,70	0,22	0,75	0,85	0,74	0,41	0,70	0,40	0,23	0,89	0,62	0,55
Республика Бурятия	0,74	0,41	0,04	0,94	0,79	0,38	0,79	0,81	0,88	0,56	0,80	0,77	0,57	0,39	0,61	0,55
Республика Саха (Якутия)	0,79	0,79	0,10	0,98	0,81	0,16	0,35	0,77	0,90	0,66	1,00	0,68	0,30	0,67	0,58	0,57

Приложение Е
(обязательное)

Результаты кластеризации

Формула расчета нормализованных данных:

$$X_j^n = \frac{X_j - \overline{X_j}}{\sigma_j}, \quad (\text{E.1})$$

где X_j^n – нормализованное значение показателя; X_j , $\overline{X_j}$ – среднее значение показателя; X_j , σ_j – стандартное отклонение.

Формула расчета евклидова расстояния:

$$d_{ij} = \sqrt{\sum_{k=1}^m (x_i^k - x_j^k)^2}, \quad (\text{E.2})$$

где x_i^k – значение k -го показателя у i -го объекта; x_j^k – значение k -го показателя у j -го объекта, при этом в нашем случае индекс k меняется от 1 до 31, а индексы i и j от 1 до 22.

В качестве целевой функции в методе Варда использовалась внутригрупповая сумма квадратов отклонений, т. е. сумма квадратов расстояний между каждой точкой (объектом) и средней по кластеру, содержащему этот объект:

$$W = \sum_{j=1}^n (x_j - \bar{x})^2 = \sum_{j=1}^n x_j^2 - \frac{1}{n} \left(\sum_{j=1}^n x_j \right)^2, \quad (\text{E.3})$$

где x_j – это измерения j -го объекта.

Таблица Е.1 – Данные для графика агломерации 2015 г.

Этап	Формирование кластера 1	Формирование кластера 2	Расстояние	Предыдущий этап (кластер 1)	Предыдущий этап (кластер 2)	Следующий этап
1	13	17	1,085	0	0	8
2	4	14	2,886	0	0	3
3	4	10	4,828	2	0	12
4	16	20	6,775	0	0	8
5	12	15	8,732	0	0	17
6	8	9	10,773	0	0	13
7	3	21	13,169	0	0	12
8	13	16	15,821	1	4	14
9	1	18	18,783	0	0	14
10	2	22	21,883	0	0	17
11	6	11	25,063	0	0	16
12	3	4	28,252	7	3	15
13	5	8	31,821	0	6	16
14	1	13	35,548	9	8	15
15	1	3	40,214	14	12	0
16	5	6	44,957	13	11	18
17	2	12	50,109	10	5	0
18	5	19	55,578	16	0	19
19	5	7	61,769	18	0	0

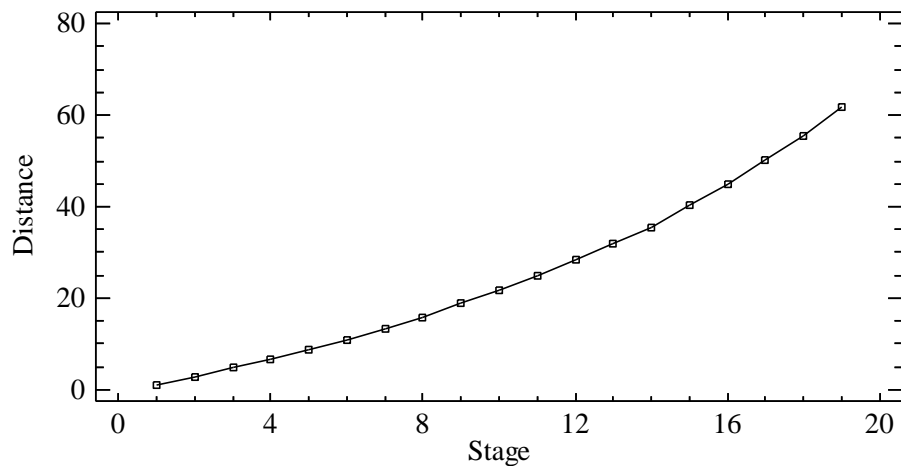
Agglomeration Distance Plot
Ward's Method, Euclidean

Рисунок Е.1 – График агломерации 2015 г.

Таблица Е.2 – Данные для графика агломерации 2020 г.

Этап	Формирование кластера 1	Формирование кластера 2	Расстояние	Предыдущий этап (кластер 1)	Предыдущий этап (кластер 2)	Следующий этап
1	13	17	1,486	0	0	2
2	13	14	3,387	1	0	8
3	16	20	5,340	0	0	4
4	1	16	7,799	0	3	13
5	5	21	10,266	0	0	13
6	9	10	12,752	0	0	15
7	12	15	15,449	0	0	14
8	4	13	18,223	0	2	16
9	6	8	21,024	0	0	10
10	6	11	23,903	9	0	15
11	18	19	26,911	0	0	17
12	2	22	30,058	0	0	18
13	1	5	33,628	4	5	16
14	3	12	37,543	0	7	18
15	6	9	41,591	10	6	17
16	1	4	46,090	13	8	0
17	6	18	51,050	15	11	19
18	2	3	56,887	12	14	0
19	6	7	63,014	17	0	0

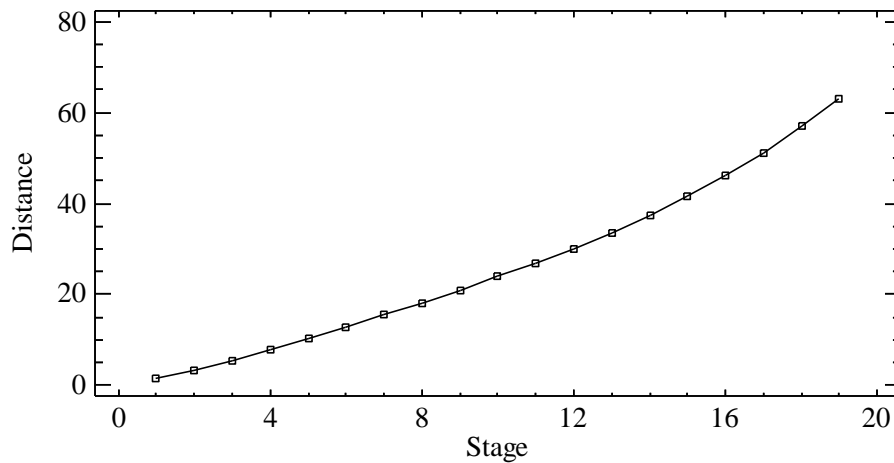
Agglomeration Distance Plot
Ward's Method, Euclidean

Рисунок Е.2 – График агломерации 2015 г.

Приложение Ж
(обязательное)

**Динамика основных показателей развития туристско-рекреационного комплекса
субъектов Российской Федерации с 2011 по 2021 г.¹**

Субъект Российской Федерации	Число коллективных средств размещения					Число мест в коллективных средствах размещения					Численность размещенных лиц в коллективных средствах размещения, чел.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Краснодарский край	1 207	5 404	4 197	1	1	202 286	473 447	271 161	1	1	2 783 340	8 073 926	5 290 586	2	1
Ставропольский край	230	494	264	16	9	36 052	46 694	10 642	13	25	797 120	1 082 734	285 614	13	21
Республика Крым		1 630	1 238	2	2		179 200	92 350	3	3		2 479 712	1 990 247	5	4
Московская область	355	908	553	4	4	74 682	147 606	72 924	4	4	2 336 350	4 546 118	2 209 768	3	3
Республика Башкортостан	377	586	209	8	16	31 706	52 487	20 781	9	9	720 552	1 393 719	673 167	10	8

¹ Составлено автором на основе данных: Раздел 2. Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации / Федеральная службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 12.03.2023).

Статистика без учета микропредприятий. Прирост по Республике Крым указан с 2014 по 2021 г. Субъекты Российской Федерации выстроены по рейтингу числа организаций санаторно-курортного типа в 2021 г.

Субъект Российской Федерации	Число коллективных средств размещения					Число мест в коллективных средствах размещения					Численность размещенных лиц в коллективных средствах размещения, чел.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Свердловская область	499	551	52	9	62	31 498	50 055	18 557	10	11	1 155 162	1 538 717	383 555	7	16
Республика Татарстан	295	496	201	15	17	29 541	58 861	29 320	6	6	1 238 813	2 122 600	883 787	6	6
Челябинская область	379	531	152	11	23	32 635	57 322	24 687	7	8	759 259	1 045 745	286 486	15	20
Самарская область	238	468	230	18	12	32 483	48 026	15 543	12	15	577 440	911 992	334 552	17	17
Кемеровская область – Кузбасс	190	312	122	26	28	20 702	21 917	1 215	27	73	360 751	682 983	322 232	26	18
Нижегородская область	220	518	298	12	6	23 167	43 778	20 611	14	10	706 522	1 442 445	735 923	9	7
Алтайский край	269	517	248	13	10	19 058	36 929	17 871	17	12	518 227	709 181	190 954	25	28
Пермский край	271	468	197	17	18	19 755	30 982	11 227	21	21	577 104	725 543	148 439	24	34
Новосибирская область	176	352	176	24	19	19 154	35 628	16 474	18	13	515 810	1 078 435	562 625	14	10
Тюменская область	340	627	287	7	8	24 945	40 884	15 939	15	14	965 868	1 485 672	519 804	8	12
Иркутская область	271	497	226	14	13	20 939	32 540	11 601	20	20	671 145	878 386	207 241	19	26
Удмуртская Республика	128	200	72	42	48	10 712	15 077	4 365	40	48	288 503	383 774	95 271	37	45
Ростовская область	419	532	113	10	32	27 296	34 731	7 435	19	35	695 479	1 145 858	450 379	12	14
Оренбургская область	215	259	44	33	69	19 459	17 782	-1 677	34	81	437 709	338 278	-99 431	43	82
Красноярский край	311	458	147	20	24	26 174	37 029	10 855	16	24	752 060	897 878	145 818	18	35
Волгоградская область	233	459	226	19	14	16 501	30 399	13 898	22	16	424 250	729 540	305 290	23	19
Саратовская область	187	359	172	23	21	17 883	25 323	7 440	24	34	298 333	544 007	245 674	31	23

Субъект Российской Федерации	Число коллективных средств размещения					Число мест в коллективных средствах размещения					Численность размещенных лиц в коллективных средствах размещения, чел.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
г. Санкт-Петербург	382	882	500	5	5	52 710	106 197	53 487	5	5	2 768 857	4 534 260	1 765 403	4	5
Ленинградская область	322	424	102	22	34	36 278	48 279	12 001	11	18	710 440	1 249 649	539 209	11	11
Ульяновская область	97	150	53	56	61	8 793	15 106	6 313	39	38	199 592	355 102	155 510	41	33
Тульская область	107	192	85	45	40	11 906	16 943	5 037	35	44	218 785	413 685	194 900	35	27
Республика Дагестан	57	138	81	60	43	5 317	18 008	12 691	33	17	97 812	142 786	44 974	71	56
г. Москва	237	1 250	1 013	3	3	75 133	281 129	205 996	2	2	4 768 473	9 276 221	4 507 748	1	2
Республика Бурятия	282	457	175	21	20	11 671	20 917	9 246	28	28	320 244	412 258	92 014	36	46
Кабардино-Балкарская Республика	74	167	93	49	36	12 638	14 505	1 867	42	68	128 091	167 868	39 777	67	59
Вологодская область	142	265	123	32	27	13 613	14 738	1 125	41	74	343 186	371 873	28 687	38	65
Ивановская область	80	151	71	55	49	8 557	11 705	3 148	51	52	199 430	221 032	21 602	55	67
Калининградская область	57	291	234	29	11	8 210	18 714	10 504	32	27	210 473	832 948	622 475	21	9
Тверская область	200	294	94	27	35	16 697	25 807	9 110	23	29	394 832	666 632	271 800	27	22
Кировская область	104	220	116	39	30	8 610	15 591	6 981	38	36	243 189	333 292	90 103	44	47
Воронежская область	140	269	129	31	26	11 594	23 324	11 730	25	19	278 781	780 996	502 215	22	13
Приморский край	368	660	292	6	7	27 111	53 091	25 980	8	7	882 212	1 018 326	136 114	16	40
Республика Саха (Якутия)	142	249	107	34	33	4 248	5 516	1 268	73	72	142 824	190 504	47 680	64	55
Ярославская область	107	221	114	38	31	11 358	22 345	10 987	26	22	457 384	846 574	389 190	20	15

Субъект Российской Федерации	Число коллективных средств размещения					Число мест в коллективных средствах размещения					Численность размещенных лиц в коллективных средствах размещения, чел.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Чувашская Республика	93	154	61	54	54	7 844	11 600	3 756	52	51	258 791	313 244	54 453	48	53
Брянская область	64	141	77	58	46	5 048	10 750	5 702	55	39	120 358	209 330	88 972	58	48
Омская область	117	236	119	36	29	12 257	20 001	7 744	30	31	448 245	454 407	6 162	33	76
Курганская область	68	111	43	66	70	4 785	7 287	2 502	67	61	101 013	159 908	58 895	68	52
Рязанская область	130	161	31	52	74	9 303	12 415	3 112	48	54	250 283	427 394	177 111	34	30
Новгородская область	97	135	38	62	73	7 401	9 661	2 260	59	66	320 885	327 821	6 936	45	75
Смоленская область	85	162	77	51	45	6 174	10 413	4 239	57	49	237 000	201 653	-35 347	61	81
Архангельская область	120	206	86	40	38	8 926	13 364	4 438	44	47	303 281	340 256	36 975	42	60
Белгородская область	119	182	63	48	52	5 568	13 225	7 657	45	32	183 072	322 299	139 227	47	37
Пензенская область	74	155	81	53	42	6 515	12 014	5 499	50	41	147 700	243 353	95 653	54	44
Хабаровский край	158	232	74	37	47	7 932	16 715	8 783	36	30	474 114	509 280	35 166	32	62
Томская область	84	166	82	50	41	6 456	8 918	2 462	62	62	160 531	203 265	42 734	60	57
Костромская область	70	118	48	65	66	5 317	8 459	3 142	64	53	189 975	327 786	137 811	46	39
Республика Коми	76	136	60	61	55	4 822	7 631	2 809	66	56	173 294	193 762	20 468	63	68
Забайкальский край	142	193	51	44	64	7 520	12 423	4 903	47	45	248 140	277 364	29 224	52	64
Калужская область	115	201	86	41	39	8 448	19 377	10 929	31	23	331 627	550 363	218 736	30	25
Республика Марий Эл	51	82	31	75	76	5 908	8 665	2 757	63	57	103 897	124 148	20 251	75	69

Субъект Российской Федерации	Число коллективных средств размещения					Число мест в коллективных средствах размещения					Численность размещенных лиц в коллективных средствах размещения, чел.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Мурманская область	127	188	61	47	53	7 819	9 684	1 865	58	69	197 789	357 490	159 701	40	32
Владимирская область	179	247	68	35	50	15 930	20 640	4 710	29	46	518 574	598 668	80 094	28	49
Курская область	73	125	52	63	63	4 776	11 177	6 401	54	37	123 154	197 002	73 848	62	50
Республика Хакасия	59	107	48	69	67	4 784	7 137	2 353	68	64	114 894	130 591	15 697	73	71
Амурская область	113	192	79	46	44	6 595	9 306	2 711	61	58	323 739	300 914	-22 825	49	80
Республика Северная Осетия-Алания	28	68	40	76	71	3 241	5 382	2 141	74	67	47 574	176 688	129 114	66	42
Псковская область	84	138	54	59	60	6 733	10 494	3 761	56	50	317 081	368 779	51 698	39	54
Тамбовская область	66	125	59	64	56	6 612	9 551	2 939	60	55	113 985	182 430	68 445	65	51
Карачаево-Черкесская Республика	80	103	23	70	78	5 598	7 989	2 391	65	63	123 372	152 025	28 653	69	66
Республика Мордовия	45	84	39	74	72	3 977	5 599	1 622	72	71	93 692	130 494	36 802	74	61
Липецкая область	59	146	87	57	37	6 748	12 102	5 354	49	42	141 386	265 090	123 704	53	43
Магаданская область	25	29	4	79	82	1 870	2 009	139	78	78	53 441	87 023	33 582	77	63
Сахалинская область	77	108	31	68	75	6 083	5 621	-462	71	80	209 862	211 548	1 686	57	78
Еврейская автономная область	13	28	15	80	79	1 370	1 754	384	79	76	32 049	36 235	4 186	80	77
Республика Адыгея	31	88	57	72	59	2 630	4 891	2 261	75	65	39 191	208 672	169 481	59	31

Субъект Российской Федерации	Число коллективных средств размещения					Число мест в коллективных средствах размещения					Численность размещенных лиц в коллективных средствах размещения, чел.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Республика Тыва	30	88	58	73	57	1 558	4 250	2 692	77	59	44 065	39 754	-4 311	79	79
Республика Карелия	125	293	168	28	22	6 349	11 571	5 222	53	43	338 101	565 486	227 385	29	24
Астраханская область	117	328	211	25	15	6 128	16 687	10 559	37	26	161 507	300 264	138 757	50	38
Чеченская Республика	2	60	58	77	58	55	5 677	5 622	70	40	1 480	137 524	136 044	72	41
Камчатский край	60	111	51	67	65	2 999	4 863	1 864	76	70	102 292	143 570	41 278	70	58
Орловская область	43	88	45	71	68	3 385	5 951	2 566	69	60	107 350	119 653	12 303	76	72
г. Севастополь		193	134	43	25		14 178	-3 192	43	82		217 604	185 054	56	29
Республика Алтай	221	288	67	30	51	5 308	12 854	7 546	46	33	138 545	279 309	140 764	51	36
Республика Ингушетия	3	9	6	82	81	244	1 257	1 013	81	75	4 174	23 052	18 878	82	70
Республика Калмыкия	17	44	27	78	77	1 790	1 509	-281	80	79	33 878	41 795	7 917	78	74
Чукотский автономный округ	14	24	10	81	80	566	784	218	82	77	21 671	31 228	9 557	81	73

Субъект Российской Федерации	Численность граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения, чел.					Доходы коллективных средств размещения от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей, тыс. р.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Краснодарский край	2 369 913	7 969 424	5 599 511	1	1	32 961 126,9	122 893 806,2	89 932 679	1	1
Ставропольский край	761 296	1 068 244	306 948	13	26	13 980 017,3	27 615 777,9	13 635 761	6	6
Республика Крым		2 449 965	2 037 196	5	5		51 026 263,6	45 014 073	3	2
Московская область	1 936 619	4 355 236	2 418 617	3	4	16 179 950,8	35 466 608,3	19 286 658	5	5
Республика Башкортостан	571 326	1 375 952	804 626	10	7	5 930 777,4	10 525 876,1	4 595 099	9	12
Свердловская область	904 684	1 507 462	602 778	7	12	5 371 118,0	10 389 167,3	5 018 049	10	11
Республика Татарстан	1 038 034	2 088 024	1 049 990	6	6	4 890 694,8	13 116 260,4	8 225 566	7	7
Челябинская область	678 500	1 031 107	352 607	15	23	3 701 491,1	7 402 044,8	3 700 554	15	18
Самарская область	470 713	894 285	423 572	17	19	3 475 373,5	7 124 762,2	3 649 389	16	19
Кемеровская область – Кузбасс	307 112	677 774	370 662	26	22	2 546 012,1	4 679 126,4	2 133 114	26	29
Нижегородская область	621 611	1 405 271	783 660	9	9	3 159 060,1	7 741 829,5	4 582 769	13	13
Алтайский край	459 947	700 412	240 465	25	30	4 705 826,8	9 758 719,9	5 052 893	11	10
Пермский край	453 549	716 283	262 734	24	27	4 460 338,5	6 075 069,5	1 614 731	21	34
Новосибирская область	441 538	1 052 182	610 644	14	11	2 927 812,3	8 071 950,5	5 144 138	12	9
Тюменская область	869 111	1 471 809	602 698	8	13	7 303 069,3	11 533 118,0	4 230 049	8	14
Иркутская область	472 057	862 364	390 307	19	20	2 851 939,9	6 877 621,3	4 025 681	17	16
Удмуртская Республика	240 546	380 859	140 313	37	42	1 747 343,3	2 784 146,0	1 036 803	37	46
Ростовская область	563 049	1 111 290	548 241	12	14	3 046 620,1	5 936 745,9	2 890 126	22	23

Субъект Российской Федерации	Численность граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения, чел.					Доходы коллективных средств размещения от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей, тыс. р.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Оренбургская область	287 662	333 681	46 019	43	66	1 439 661,6	1 912 673,8	473 012	52	67
Красноярский край	457 888	881 564	423 676	18	18	2 532 288,9	6 090 614,1	3 558 325	20	21
Волгоградская область	339 528	719 716	380 188	23	21	1 458 494,4	3 285 191,1	1 826 697	30	32
Саратовская область	284 715	537 613	252 898	30	29	1 356 825,1	3 104 349,2	1 747 524	34	33
г. Санкт-Петербург	1 700 855	4 216 895	2 516 040	4	3	17 737 123,4	41 236 056,5	23 498 933	4	4
Ленинградская область	434 518	1 237 732	803 214	11	8	3 502 178,4	7 602 912,6	4 100 734	14	15
Ульяновская область	186 557	350 208	163 651	40	38	1 189 548,5	2 152 552,5	963 004	46	49
Тульская область	187 524	405 820	218 296	36	32	1 079 648,7	2 372 416,6	1 292 768	42	39
Республика Дагестан	50 682	141 847	91 165	70	53	318 948,8	1 520 319,9	1 201 371	55	41
г. Москва	3 146 455	7 690 263	4 543 808	2	2	43 896 638,3	69 371 839,0	25 475 201	2	3
Республика Бурятия	280 856	407 083	126 227	35	46	1 207 832,1	2 012 487,4	804 655	50	53
Кабардино-Балкарская Республика	98 520	164 468	65 948	67	61	955 561,1	1 510 092,1	554 531	56	64
Вологодская область	292 106	368 022	75 916	38	57	1 216 622,8	2 351 394,9	1 134 772	43	42
Ивановская область	183 123	218 904	35 781	55	70	1 174 776,3	1 770 226,7	595 450	54	62
Калининградская область	168 635	821 122	652 487	21	10	1 154 688,9	6 837 511,5	5 682 823	18	8
Тверская область	307 335	655 859	348 524	27	24	2 615 971,1	5 906 695,7	3 290 725	23	22
Кировская область	218 236	331 329	113 093	44	48	1 751 142,5	2 254 095,8	502 953	45	65
Воронежская область	224 145	759 388	535 243	22	15	1 663 806,3	3 113 358,7	1 449 552	33	37

Субъект Российской Федерации	Численность граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения, чел.					Доходы коллективных средств размещения от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей, тыс. р.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Приморский край	559 870	986 284	426 414	16	17	3 069 567,1	6 780 348,4	3 710 781	19	17
Республика Саха (Якутия)	136 606	188 907	52 301	63	63	937 696,5	1 207 228,4	269 532	65	73
Ярославская область	373 749	840 323	466 574	20	16	2 307 074,2	5 173 552,7	2 866 479	24	24
Чувашская Республика	216 574	311 179	94 605	47	52	985 149,8	1 956 891,2	971 741	51	48
Брянская область	112 520	202 273	89 753	59	54	695 425,3	1 419 459,7	724 034	59	55
Омская область	360 535	443 797	83 262	33	56	1 826 195,5	2 688 598,9	862 403	38	52
Курганская область	91 435	158 228	66 793	68	60	618 945,5	954 372,4	335 427	68	71
Рязанская область	194 362	421 122	226 760	34	31	882 009,1	2 430 662,6	1 548 654	40	36
Новгородская область	271 895	323 101	51 206	46	64	1 533 847,0	2 401 324,0	867 477	41	51
Смоленская область	205 165	191 452	-13 713	61	82	1 034 318,8	1 128 838,8	94 520	67	78
Архангельская область	291 039	337 945	46 906	41	65	1 425 456,4	2 083 257,3	657 801	48	59
Белгородская область	150 800	309 251	158 451	48	39	900 694,0	2 016 408,2	1 115 714	49	44
Пензенская область	131 655	239 896	108 241	54	49	764 220,4	1 419 669,0	655 449	58	60
Хабаровский край	402 318	503 559	101 241	32	51	2 084 063,5	3 211 953,3	1 127 890	32	43
Томская область	147 011	200 698	53 687	60	62	1 135 896,0	1 272 902,3	137 006	62	75
Костромская область	182 237	326 170	143 933	45	41	838 700,7	1 840 705,7	1 002 005	53	47
Республика Коми	153 041	191 435	38 394	62	67	680 261,0	1 154 691,3	474 430	66	66
Забайкальский край	239 920	273 055	33 135	52	72	660 802,7	1 303 038,0	642 235	61	61

Субъект Российской Федерации	Численность граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения, чел.					Доходы коллективных средств размещения от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей, тыс. р.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Калужская область	279 751	535 565	255 814	31	28	1 411 747,7	3 462 820,4	2 051 073	29	30
Республика Марий Эл	102 144	122 918	20 774	75	76	462 994,0	738 033,5	275 040	75	72
Мурманская область	165 259	336 013	170 754	42	36	1 128 481,3	3 531 126,0	2 402 645	28	26
Владимирская область	425 694	591 095	165 401	28	37	1 630 571,6	3 546 856,9	1 916 285	27	31
Курская область	100 348	188 070	87 722	64	55	559 409,3	1 223 641,4	664 232	64	58
Республика Хакасия	94 634	128 941	34 307	73	71	752 078,6	781 325,4	29 247	73	82
Амурская область	258 206	279 041	20 835	50	75	755 045,9	2 330 792,0	1 575 746	44	35
Республика Северная Осетия-Алания	41 418	171 694	130 276	66	45	267 831,6	948 104,4	680 273	69	56
Псковская область	246 502	359 878	113 376	39	47	825 205,4	2 110 869,2	1 285 664	47	40
Тамбовская область	73 227	180 717	107 490	65	50	505 791,9	878 200,5	372 409	71	70
Карачаево-Черкесская Республика	83 415	151 653	68 238	69	59	309 858,6	891 490,4	581 632	70	63
Республика Мордовия	90 887	128 782	37 895	74	68	453 432,1	865 985,9	412 554	72	69
Липецкая область	125 050	260 139	135 089	53	43	693 309,7	1 358 897,6	665 588	60	57
Магаданская область	45 572	82 944	37 372	77	69	254 481,7	687 165,7	432 684	76	68
Сахалинская область	177 006	204 025	27 019	58	73	1 617 494,0	2 976 809,6	1 359 316	36	38
Еврейская автономная область	29 962	35 954	5 992	80	80	251 226,6	381 771,8	130 545	78	76
Республика Адыгея	32 752	207 770	175 018	57	35	177 358,7	1 239 219,8	1 061 861	63	45
Республика Тыва	42 282	39 433	-2 849	79	81	87 774,8	176 902,6	89 128	80	80

Субъект Российской Федерации	Численность граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения, чел.					Доходы коллективных средств размещения от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей, тыс. р.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Республика Карелия	212 130	558 275	346 145	29	25	1 475 354,3	5 053 331,0	3 577 977	25	20
Астраханская область	144 600	291 817	147 217	49	40	1 005 259,5	3 241 689,2	2 236 430	31	28
Чеченская Республика	1 233	135 443	134 210	72	44	10 324,2	740 662,7	730 339	74	54
Камчатский край	67 069	141 504	74 435	71	58	602 362,1	1 497 203,3	894 841	57	50
Орловская область	95 105	117 431	22 326	76	74	494 206,7	637 288,6	143 082	77	74
г. Севастополь		214 365	185 017	56	33		2 593 631,8	2 280 268	39	27
Республика Алтай	98 349	277 482	179 133	51	34	453 836,1	3 069 209,2	2 615 373	35	25
Республика Ингушетия	4 054	22 769	18 715	82	78	38 360,1	126 048,0	87 688	82	81
Республика Калмыкия	22 478	41 254	18 776	78	77	66 564,2	159 691,2	93 127	81	79
Чукотский автономный округ	21 376	30 884	9 508	81	79	70 545,8	187 005,4	116 460	79	77

Субъект Российской Федерации	Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей и работников несписочного состава), чел.					Наличие туристско- рекреационной ОЭЗ	Год появления ОЭЗ	Включение в национальный туристический маршрут
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет			
Краснодарский край	54 150	64 244	10 094	1	2			1
Ставропольский край	26 079	22 666	-3 413	5	81			
Республика Крым		33 462	33 462	2	1			
Московская область	29 908	27 524	-2 384	3	80			1
Республика Башкортостан	12 443	14 675	2 232	7	4			
Свердловская область	9 691	9 960	269	9	27			1
Республика Татарстан	8 115	11 320	3 205	8	3			
Челябинская область	8 280	7 402	-878	14	77			1
Самарская область	7 474	8 239	765	12	16			1
Кемеровская область – Кузбасс	6 036	5 550	-486	20	67			1
Нижегородская область	7 333	8 499	1 166	11	8			
Алтайский край	8 056	7 647	-409	13	63	1	2007	1
Пермский край	6 902	5 578	-1 324	19	79			1
Новосибирская область	4 936	6 104	1 168	18	7			
Тюменская область	9 963	9 553	-410	10	64			1
Иркутская область	4 960	5 220	260	21	28	1	2007	
Удмуртская Республика	4 121	3 365	-756	30	76			
Ростовская область	4 940	4 616	-324	23	61			
Оренбургская область	3 620	3 304	-316	31	60			1
Красноярский край	5 351	6 362	1 011	17	10			
Волгоградская область	4 374	4 065	-309	28	59			

Субъект Российской Федерации	Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей и работников несписочного состава), чел.					Наличие туристско- рекреационной ОЭЗ	Год появления ОЭЗ	Включение в национальный туристический маршрут
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет			
Саратовская область	3 697	4 478	781	24	15			1
г. Санкт-Петербург	14 706	15 332	626	6	22			
Ленинградская область	4 552	6 509	1 957	15	5			2
Ульяновская область	3 358	2 468	-890	42	78			1
Тульская область	2 923	2 438	-485	43	66			
Республика Дагестан	886	1 597	711	62	18			
г. Москва	27 461	23 372	-4 089	4	82			
Республика Бурятия	3 056	3 266	210	32	30	1	2007	
Кабардино-Балкарская Республика	2 576	2 413	-163	44	51			1
Вологодская область	2 697	2 740	43	38	40			1
Ивановская область	2 647	2 087	-560	51	70			1
Калининградская область	3 116	4 186	1 070	26	9			1
Тверская область	4 784	4 784	0	22	45	1	2015	2
Кировская область	3 694	3 011	-683	34	75			
Воронежская область	3 939	4 128	189	27	33			
Приморский край	5 564	6 436	872	16	11			
Республика Саха (Якутия)	1 801	1 563	-238	63	55			
Ярославская область	4 274	4 328	54	25	37			1
Чувашская Республика	2 425	2 219	-206	48	53			
Брянская область	1 623	1 677	54	60	38			
Омская область	3 573	3 881	308	29	26			

Субъект Российской Федерации	Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей и работников несписочного состава), чел.					Наличие туристско- рекреационной ОЭЗ	Год появления ОЭЗ	Включение в национальный туристический маршрут
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет			
Курганская область	2 208	1 733	-475	57	65			
Рязанская область	2 460	2 659	199	39	31			
Новгородская область	2 860	2 314	-546	46	69			2
Смоленская область	2 295	1 669	-626	61	73			
Архангельская область	2 814	2 143	-671	50	74			1
Белгородская область	2 033	2 863	830	36	14			
Пензенская область	1 817	1 840	23	52	42			
Хабаровский край	2 935	2 310	-625	47	72			
Томская область	1 796	2 158	362	49	25			1
Костромская область	1 637	1 376	-261	69	57			1
Республика Коми	1 733	1 479	-254	67	56			
Забайкальский край	1 869	2 365	496	45	23			
Калужская область	2 666	2 864	198	35	32			1
Республика Марий Эл	1 455	1 125	-330	71	62			
Мурманская область	1 827	1 726	-101	58	50			
Владимирская область	3 051	3 240	189	33	34			1
Курская область	2 324	1 783	-541	53	68			
Республика Хакасия	2 131	1 513	-618	66	71			1
Амурская область	1 581	1 523	-58	65	48			
Республика Северная Осетия-Алания	982	1 036	54	72	39			1
Псковская область	1 776	2 640	864	40	13			1

Субъект Российской Федерации	Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей и работников несписочного состава), чел.					Наличие туристско- рекреационной ОЭЗ	Год появления ОЭЗ	Включение в национальный туристический маршрут
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет			
Тамбовская область	1 766	1 554	-212	64	54			1
Карачаево-Черкесская Республика	969	1 030	61	73	36			1
Республика Мордовия	1 314	1 766	452	54	24			1
Липецкая область	2 029	1 749	-280	56	58			
Магаданская область	566	399	-167	79	52			
Сахалинская область	1 693	1 760	67	55	35			1
Еврейская автономная область	538	471	-67	78	49			
Республика Адыгея	603	848	245	76	29			
Республика Тыва	500	496	-4	77	46			
Республика Карелия	1 843	2 525	682	41	21			1
Астраханская область	2 060	2 756	696	37	20			
Чеченская Республика	38	905	867	75	12			
Камчатский край	641	1 349	708	70	19			
Орловская область	1 028	1 008	-20	74	47			
г. Севастополь		1 465	1 465	68	6			
Республика Алтай	966	1 725	759	59	17			
Республика Ингушетия	168	192	24	80	41			1
Республика Калмыкия	157	166	9	81	44			
Чукотский автономный округ	123	137	14	82	43			

Субъект Российской Федерации	Число санаторно-курортных организаций					Число мест в санаторно-курортных организациях				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Краснодарский край	218	202	-16	1	79	91 668	102 948	11 280	1	1
Ставропольский край	116	114	-2	2	32	30 012	31 184	1 172	3	5
Республика Крым		109	13	3	1		44 054	8 262	2	2
Московская область	119	86	-33	4	82	28 698	21 589	-7 109	4	82
Республика Башкортостан	77	58	-19	5	81	13 965	11 460	-2 505	5	78
Свердловская область	68	51	-17	6	80	9 585	8 545	-1 040	8	68
Республика Татарстан	48	48	0	7	16	9 142	10 203	1 061	7	6
Челябинская область	58	43	-15	8	78	10 050	7 277	-2 773	12	79
Самарская область	48	41	-7	9	68	10 905	10 702	-203	6	39
Кемеровская область – Кузбасс	52	40	-12	10	77	10 135	6 724	-3 411	15	80
Нижегородская область	41	39	-2	11	33	6 218	6 335	117	16	21
Алтайский край	39	37	-2	12	34	8 178	7 877	-301	9	45
Пермский край	46	35	-11	13	75	8 332	6 855	-1 477	13	73
Новосибирская область	37	34	-3	14	43	6 639	7 379	740	11	8
Тюменская область	31	29	-2	15	35	5 953	6 776	823	14	7
Иркутская область	26	27	1	16	9	5 315	4 452	-863	24	66
Удмуртская Республика	34	27	-7	17	69	4 754	4 786	32	21	26
Ростовская область	27	24	-3	19	44	6 131	7 705	1 574	10	4
Оренбургская область	30	24	-6	18	61	3 949	3 645	-304	27	46
Красноярский край	25	23	-2	20	36	5 797	5 829	32	18	25
Волгоградская область	32	23	-9	22	73	4 388	3 257	-1 131	34	69

Субъект Российской Федерации	Число санаторно-курортных организаций					Число мест в санаторно-курортных организациях				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Саратовская область	22	23	1	21	10	4 919	4 730	-189	22	38
г. Санкт-Петербург	33	22	-11	24	76	9 671	6 013	-3 658	17	81
Ленинградская область	19	22	3	23	3	3 323	3 094	-229	38	41
Ульяновская область	19	22	3	25	4	2 703	3 424	721	30	9
Тульская область	24	21	-3	27	45	5 047	3 206	-1 841	35	76
Республика Дагестан	14	21	7	26	2	2 114	4 076	1 962	25	3
г. Москва	23	20	-3	28	46	2 782	3 142	360	36	14
Республика Бурятия	21	19	-2	29	37	2 256	2 747	491	41	11
Кабардино-Балкарская Республика	23	18	-5	30	56	6 401	4 901	-1 500	20	74
Вологодская область	21	17	-4	31	48	3 467	3 562	95	28	22
Ивановская область	19	17	-2	32	38	4 530	4 616	86	23	23
Калининградская область	19	16	-3	33	47	3 967	3 420	-547	31	58
Тверская область	22	16	-6	34	62	5 057	3 361	-1 696	32	75
Кировская область	17	16	-1	35	24	3 603	3 430	-173	29	36
Воронежская область	20	15	-5	37	57	3 712	3 320	-392	33	52
Приморский край	19	15	-4	36	49	6 068	5 807	-261	19	44
Республика Саха (Якутия)	24	15	-9	38	74	1 628	763	-865	68	67
Ярославская область	18	14	-4	40	50	3 930	3 859	-71	26	33
Чувашская Республика	21	14	-7	42	70	3 631	3 003	-628	39	61
Брянская область	15	14	-1	41	25	2 865	2 837	-28	40	28
Омская область	20	14	-6	39	63	4 466	3 098	-1 368	37	72

Субъект Российской Федерации	Число санаторно-курортных организаций					Число мест в санаторно-курортных организациях				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Курганская область	19	14	-5	43	58	3 047	2 282	-765	45	65
Рязанская область	13	13	0	44	17	2 735	2 361	-374	44	50
Новгородская область	12	13	1	45	11	1 611	2 245	634	46	10
Смоленская область	12	13	1	46	12	2 256	2 704	448	42	12
Архангельская область	17	12	-5	47	59	2 363	2 550	187	43	18
Белгородская область	11	11	0	48	18	2 003	1 969	-34	49	29
Пензенская область	16	11	-5	50	60	2 723	2 171	-552	47	59
Хабаровский край	9	11	2	51	7	1 518	1 645	127	55	20
Томская область	15	11	-4	49	51	2 545	1 898	-647	51	62
Костромская область	17	10	-7	54	71	2 361	1 701	-660	53	63
Республика Коми	16	10	-6	53	64	1 502	948	-554	66	60
Забайкальский край	11	10	-1	52	26	1 791	1 377	-414	57	53
Калужская область	10	9	-1	55	27	2 345	2 170	-175	48	37
Республика Марий Эл	17	9	-8	56	72	3 113	1 807	-1 306	52	71
Мурманская область	8	8	0	59	20	907	1 189	282	58	16
Владимирская область	12	8	-4	57	52	2 052	1 530	-522	56	57
Курская область	12	8	-4	60	53	1 794	1 082	-712	62	64
Республика Хакасия	14	8	-6	61	65	2 316	1 964	-352	50	47
Амурская область	8	8	0	58	19	1 193	1 113	-80	61	34
Республика Северная Осетия-Алания	9	7	-2	65	39	1 229	1 007	-222	65	40
Псковская область	5	7	2	62	8	1 502	1 652	150	54	19

Субъект Российской Федерации	Число санаторно-курортных организаций					Число мест в санаторно-курортных организациях				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Тамбовская область	13	7	-6	66	66	2 280	1 146	-1 134	59	70
Карачаево-Черкесская Республика	4	7	3	64	5	861	1 050	189	63	17
Республика Мордовия	11	7	-4	63	54	1 469	1 050	-419	64	54
Липецкая область	11	5	-6	70	67	3 303	1 131	-2 172	60	77
Магаданская область	7	5	-2	69	41	920	555	-365	72	49
Сахалинская область	7	5	-2	67	40	1 035	793	-242	67	42
Еврейская автономная область	5	5	0	68	21	1 008	517	-491	73	56
Республика Адыгея	5	4	-1	71	28	569	485	-84	74	35
Республика Тыва	5	4	-1	72	29	720	360	-360	79	48
Республика Карелия	7	3	-4	76	55	847	595	-252	71	43
Астраханская область	4	3	-1	75	30	756	711	-45	69	30
Чеченская Республика		3	3	73	6		430	430	76	13
Камчатский край	2	3	1	74	13	341	409	68	77	24
Орловская область	5	3	-2	77	42	1 135	702	-433	70	55
г. Севастополь		2	0	78	22		371	-374	78	51
Республика Алтай	2	2	0	79	23	320	270	-50	80	31
Республика Ингушетия	1	2	1	80	14	105	462	357	75	15
Республика Калмыкия	2	1	-1	82	31	140	75	-65	81	32
Чукотский автономный округ		1	1	81	15		20	20	82	27

Субъект Российской Федерации	Численность размещенных лиц в санаторно-курортных организациях, чел.					Доходы санаторно-курортных организаций от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей, тыс. р.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Краснодарский край	1 024 322	1 292 262	267 940	1	2	19 203 402,3	41 066 339,2	21 862 937	1	1
Ставропольский край	503 085	582 961	79 876	2	3	12 992 039,5	24 675 813,1	11 683 774	2	3
Республика Крым		544 041	348 126	3	1		20 937 675,5	17 626 705	3	2
Московская область	403 453	316 723	-86 730	4	82	5 919 564,0	6 425 039,0	505 475	5	18
Республика Башкортостан	237 582	250 963	13 381	5	10	3 823 428,7	5 225 700,8	1 402 272	6	7
Свердловская область	130 244	96 694	-33 550	14	77	1 951 306,1	2 521 863,0	570 557	12	17
Республика Татарстан	162 732	172 847	10 115	7	13	1 975 200,2	3 697 952,5	1 722 752	8	6
Челябинская область	167 271	134 024	-33 247	10	76	2 044 141,6	2 306 976,5	262 835	14	30
Самарская область	133 607	97 380	-36 227	13	78	1 622 867,8	2 409 304,2	786 436	13	12
Кемеровская область – Кузбасс	106 063	87 802	-18 261	16	63	1 285 492,1	1 712 524,9	427 033	16	20
Нижегородская область	108 083	67 282	-40 801	19	79	966 293,1	1 150 026,6	183 734	24	34
Алтайский край	147 731	174 517	26 786	6	8	3 738 226,6	7 227 370,4	3 489 144	4	4
Пермский край	143 565	137 050	-6 515	9	40	2 527 285,2	2 937 914,8	410 630	10	21
Новосибирская область	103 736	144 844	41 108	8	4	1 204 098,7	2 599 267,8	1 395 169	11	8
Тюменская область	101 991	101 125	-866	12	25	2 660 252,5	3 598 660,7	938 408	9	11
Иркутская область	64 000	37 559	-26 441	29	74	1 104 444,8	1 218 699,1	114 254	22	40
Удмуртская Республика	91 552	72 155	-19 397	18	66	1 041 567,7	1 315 608,8	274 041	19	29
Ростовская область	45 967	28 408	-17 559	40	61	553 883,0	654 171,4	100 288	34	43

Субъект Российской Федерации	Численность размещенных лиц в санаторно-курортных организациях, чел.					Доходы санаторно-курортных организаций от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей, тыс. р.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Оренбургская область	49 915	31 201	-18 714	39	65	668 042,4	568 857,1	-99 185	39	70
Красноярский край	89 637	59 854	-29 783	21	75	850 556,5	1 455 730,8	605 174	18	14
Волгоградская область	42 234	20 638	-21 596	49	70	594 271,1	297 914,0	-296 357	57	81
Саратовская область	52 204	92 272	40 068	15	6	576 068,8	947 885,6	371 817	27	23
г. Санкт-Петербург	152 774	110 700	-42 074	11	80	1 814 781,3	4 169 705,3	2 354 924	7	5
Ленинградская область	26 206	23 382	-2 824	46	36	188 042,2	364 012,9	175 971	53	36
Ульяновская область	42 766	35 674	-7 092	34	45	647 318,5	682 391,9	35 073	33	52
Тульская область	48 240	27 822	-20 418	41	68	477 791,0	410 206,0	-67 585	49	66
Республика Дагестан	13 793	42 028	28 235	28	7	111 744,4	710 843,9	599 100	32	15
г. Москва	22 409	62 873	40 464	20	5	212 842,5	1 260 145,5	1 047 303	21	10
Республика Бурятия	30 738	23 830	-6 908	44	43	494 029,8	534 506,9	40 477	41	50
Кабардино-Балкарская Республика	55 997	35 061	-20 936	35	69	680 611,2	575 946,2	-104 665	38	72
Вологодская область	38 771	32 071	-6 700	37	41	606 957,3	882 262,3	275 305	29	28
Ивановская область	61 280	50 071	-11 209	26	52	705 523,8	888 517,0	182 993	28	35
Калининградская область	59 088	58 115	-973	22	26	704 832,0	1 457 525,7	752 694	17	13
Тверская область	61 318	51 701	-9 617	25	50	672 188,5	800 295,8	128 107	31	38
Кировская область	69 555	49 311	-20 244	27	67	1 314 072,1	1 211 946,1	-102 126	23	71
Воронежская область	58 220	33 669	-24 551	36	73	719 792,5	520 571,0	-199 222	43	77

Субъект Российской Федерации	Численность размещенных лиц в санаторно-курортных организациях, чел.					Доходы санаторно-курортных организаций от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей, тыс. р.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Приморский край	65 273	53 143	-12 130	24	55	813 912,8	880 621,3	66 709	30	47
Республика Саха (Якутия)	19 604	6 041	-13 563	75	57	202 214,9	122 648,4	-79 567	69	69
Ярославская область	70 352	77 297	6 945	17	14	815 828,5	1 294 145,9	478 317	20	19
Чувашская Республика	63 613	55 206	-8 407	23	47	644 642,0	987 018,7	342 377	26	26
Брянская область	36 987	18 582	-18 405	52	64	367 119,1	473 969,3	106 850	46	42
Омская область	94 633	36 172	-58 461	33	81	893 597,4	592 879,8	-300 718	36	82
Курганская область	39 296	27 609	-11 687	42	54	406 092,9	527 712,6	121 620	42	39
Рязанская область	28 791	31 212	2 421	38	18	327 482,4	409 072,7	81 590	50	45
Новгородская область	27 259	37 500	10 241	30	12	450 160,8	1 038 772,1	588 611	25	16
Смоленская область	33 169	15 361	-17 808	56	62	370 101,1	184 444,3	-185 657	66	76
Архангельская область	29 413	14 682	-14 731	59	59	404 784,1	329 470,7	-75 313	55	67
Белгородская область	25 212	22 748	-2 464	47	35	454 880,7	596 316,0	141 435	35	37
Пензенская область	49 550	25 507	-24 043	43	72	441 932,5	506 740,2	64 808	44	48
Хабаровский край	22 197	17 959	-4 238	53	38	311 571,5	313 287,4	1 716	56	56
Томская область	27 716	20 671	-7 045	48	44	603 710,6	386 383,9	-217 327	51	79
Костромская область	39 147	37 464	-1 683	31	29	360 585,3	471 162,8	110 578	47	41
Республика Коми	16 447	8 177	-8 270	68	46	174 459,7	164 058,1	-10 402	67	61
Забайкальский край	18 091	14 824	-3 267	58	37	169 163,0	240 724,5	71 562	62	46

Субъект Российской Федерации	Численность размещенных лиц в санаторно-курортных организациях, чел.					Доходы санаторно-курортных организаций от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей, тыс. р.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Калужская область	27 522	16 051	-11 471	54	53	321 029,6	243 119,8	-77 910	61	68
Республика Марий Эл	45 642	23 434	-22 208	45	71	283 932,1	276 714,5	-7 218	58	59
Мурманская область	15 120	36 605	21 485	32	9	196 992,0	592 000,7	395 009	37	22
Владимирская область	30 036	19 623	-10 413	50	51	399 265,1	194 101,4	-205 164	64	78
Курская область	24 125	9 522	-14 603	65	58	263 221,5	105 329,5	-157 892	72	75
Республика Хакасия	25 075	15 471	-9 604	55	49	442 588,7	222 240,2	-220 349	63	80
Амурская область	18 798	11 933	-6 865	62	42	159 789,7	505 731,5	345 942	45	25
Республика Северная Осетия-Алания	10 401	8 557	-1 844	66	30	129 679,2	86 065,0	-43 614	74	65
Псковская область	16 416	19 550	3 134	51	16	190 923,5	546 077,0	355 154	40	24
Тамбовская область	24 044	11 081	-12 963	63	56	285 628,7	151 687,0	-133 942	68	73
Карачаево-Черкесская Республика	9 510	8 095	-1 415	69	28	51 270,6	33 335,2	-17 935	78	63
Республика Мордовия	19 455	10 639	-8 816	64	48	206 621,4	188 380,5	-18 241	65	64
Липецкая область	24 975	7 824	-17 151	70	60	250 966,9	111 173,9	-139 793	70	74
Магаданская область	8 238	6 046	-2 192	74	34	57 207,8	67 552,1	10 344	76	53
Сахалинская область	11 595	13 361	1 766	60	19	220 048,9	414 356,0	194 307	48	32
Еврейская автономная область	9 767	8 392	-1 375	67	27	184 145,4	273 360,0	89 215	59	44
Республика Адыгея	7 114	5 008	-2 106	77	32	39 147,8	258 996,2	219 848	60	31
Республика Тыва	4 912	2 727	-2 185	79	33	26 097,5	25 903,9	-194	79	58

Субъект Российской Федерации	Численность размещенных лиц в санаторно-курортных организациях, чел.					Доходы санаторно-курортных организаций от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей, тыс. р.				
	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет	2011	2021	Прирост с 2011 по 2021 г.	Рейтинг по значению в 2021 г.	Рейтинг по приросту за 10 лет
Республика Карелия	19 211	12 945	-6 266	61	39	674 380,1	1 917 958,0	1 243 578	15	9
Астраханская область	7 639	7 617	-22	71	22	182 020,9	372 527,4	190 507	52	33
Чеченская Республика	0	3 333	3 333	78	15	0,0	35 391,0	35 391	77	51
Камчатский край	3 458	6 090	2 632	73	17	108 413,3	101 193,8	-7 220	73	60
Орловская область	7 256	5 199	-2 057	76	31	121 647,2	109 470,6	-12 177	71	62
г. Севастополь		6 522	1 511	72	20		349 098,7	289 366	54	27
Республика Алтай	2 114	1 858	-256	80	23	355,8	223,0	-133	82	57
Республика Ингушетия	2 228	14 918	12 690	57	11	23 099,0	68 878,0	45 779	75	49
Республика Калмыкия	1 333	752	-581	81	24		3 344,7	3 345	81	55
Чукотский автономный округ	0	134	134	82	21	0,0	6 560,0	6 560	80	54

Приложение И
(обязательное)

Паломнические маршруты по крымским святым местам

Название тура	Продолжительность, дн.	Транспорт	Контингент	Религия
Паломническая программа в Партените	10	Автобус	Взрослые, семьи с детьми	Православие
Паломнический тур в Андреевке	10			Православие
Паломнический тур в Новофедоровке в пансионате «Паломник»	10			Православие
Новофедоровка «Святой полуостров Крым»	10			Православие
Новофедоровка, Православный лагерь для детей с родителями «Юный Паломник»	12			Православие
Алупка, Программа «Святыни Южного берега Крыма»	10			Православие
Феодосия, «Святыни Юго-Восточного Крыма»	10			Православие
г. Бахчисарай, с. Лаки, мужской монастырь св. ап. и ев. Луки	1			Православие
г. Севастополь, мыс Фиолент, Свято-Георгиевской мужской монастырь	1			Православие
г. Севастополь, Инкерман, Свято-Климентовский Инкерманский мужской монастырь	1			Православие
г. Симферополь, Свято-Троицкий женский монастырь	1			Православие
Свято-Троице-Параскевиевский Топловский женский монастырь	1			Православие
Мужской монастырь Косьмы и Дамиана, пгт Партенит	1			Православие
г. Евпатория, «Малый Иерусалим»	1			Православие, ислам, караимизм
Свято-Успенский мужской монастырь	1			Православие
Челтер-Мармара, Храм Саввы Освященного	1	Православие		

Приложение К
(обязательное)

**Число местных религиозных организаций по городам и районам Республики Крым и г. Севастополю
по состоянию на 1 января 2023 г.**

Район	Русская Православная Церковь	Мусульманские религиозные организации	Адвентисты Седьмого Дня	Армянская Апостольская Церковь	Греко-Католическая Церковь	Евангельские христиане	Евангельские христиане- баптисты	Истинно-Православная Церковь	Иудаизм	Мессианские евреи	Караимы	Лютеране	Методистская Церковь	Новоапостольская Церковь	Пресвитерианская Церковь	Реформатская Церковь	Римско-Католическая Церковь	Старообрядцы	Сознания Кришны	Христиане веры евангельской	Христиане веры евангельской (пятидесятники)	Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней (мормоны)	Всего
Алушта	18	6	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	29
Армянск	3	2	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	8
Бахчисарайский	27	28	3	-	-	-	3	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	65
Белогорск	11	26	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	40
Джанкой	2	1	1	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	8
Джанкойский	24	29	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	1	-	57
Евпатория	7	4	1	1	1	1	1	-	3	-	2	1	-	-	-	-	1	-	-	-	3	-	26
Керчь	15	1	1	1	1	-	1	-	2	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	2	5	-	31
Кировский	17	16	-	1	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	40
Красногвардейский	14	18	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	36

Район	Русская Православная Церковь	Мусульманские религиозные организации	Адвентисты Седьмого Дня	Армянская Апостольская Церковь	Греко-Католическая Церковь	Евангельские христиане	Евангельские христиане-баптисты	Истинно-Православная Церковь	Иудаизм	Мессианские евреи	Караимы	Лютеране	Методистская Церковь	Новоапостольская Церковь	Пресвитерианская Церковь	Реформатская Церковь	Римско-Католическая Церковь	Старообрядцы	Сознания Кришны	Христиане веры евангельской	Христиане веры евангельской (пятидесятники)	Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней (мормоны)	Всего
Красноперекоск	2	1	-	-	-	-	2	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	7
Красноперекоспский	11	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	21
Ленинский	15	9	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	27
Нижегорский	16	9	1	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	29
Первомайский	13	8	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	23
Раздольненский	19	3	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	26
Саки	2	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	5
Сакский	27	21	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	49
Симферополь	27	15	2	1	1	6	4	1	5	-	2	1	1	1	-	1	1	2	1	2	8	1	83
Симферопольский	33	22	1	-	-	-	4	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	3	-	65
Советский	11	11	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	26
Судак	9	6	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	17
Феодосия	16	5	1	1	-	-	5	-	-	-	2	1	-	-	-	-	1	-	-	-	4	-	36
Черноморский	7	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	15
Ялта	21	4	1	1	1	1	3	1	2	-	-	2	-	-	-	-	1	1	-	1	7	-	47
Всего	367	263	14	6	4	9	51	3	12	-	7	9	2	1	2	1	8	4	1	7	44	1	816
Севастополь	72	6	2	1	1	7	6	-	2	1	-	1	-	1	-	-	1	3	1	5	2	1	113
Вместе с г. Севастополь	439	269	16	7	5	16	57	3	14	1	7	10	2	2	2	1	9	7	2	12	46	2	929